

Тартуский университет
Факультет социологии
Отделение журналистики и коммуникации

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЭСТОНЦЫ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СМИ

Магистерская работа

Вероника Махтина

Руководители: профессор Эпп Лаук

доцент Триин Вихалемм

Тарту
2006

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

1. Теоретические аспекты исследования.

- 1.1. Идентичность.
 - 1.1.1. *Специфика этнокультурной идентичности.*
 - 1.1.2. *Элементы этнокультурной идентичности.*
 - 1.1.3. *Аспекты формирования и сохранения этнокультурной идентичности.*
 - 1.1.4. *Кризис идентичности.*
 - 1.1.5. *Идентичность в условиях идеологии.*
- 1.2. Значение средств массовой информации в процессе формирования и сохранения идентичности.
 - 1.2.1. *Медиапространства и диаспора.*
 - 1.2.2. *СМИ и идентичность.*
- 1.3. Краткая историография.
- 1.4. Основные проблемы исследования.

2. Эстонская община Петербурга-Ленинграда в XVIII - первой половине XX вв.

- 2.1. Социокультурный фон.
 - 2.1.1. *Социальный состав эстонского населения, волны миграций.*
 - 2.1.2. *Религиозная жизнь эстонской общины.*
 - 2.1.3. *Общественные объединения эстонцев.*
 - 2.1.4. *Образовательная среда эстонских мигрантов.*
 - 2.1.5. *Культурная жизнь эстонских переселенцев.*
- 2.2. Этнические и ассимиляционные процессы среди эстонцев.
- 2.3. Периодическая печать на эстонском языке в Петербурге – Ленинграде.
 - 2.3.1. *Издания на эстонском языке до 1917 г.*
 - 2.3.2. *Эстонская пресса с 1917 по 1937 гг.*

3. Эстонская община Ленинграда-Петербурга во второй половине XX-XXI вв.

- 3.1. Социокультурный фон.
 - 3.1.1. *«Балтикум»*
 - 3.1.2. *Санкт-Петербургское общество эстонской культуры*
 - 3.1.3. *Приход и церковь св. Иоанна*
- 3.2. Этнические и ассимиляционные процессы среди эстонцев.
- 3.3. Возрождение эстонской печати
- 3.4. Коммуникации, СМИ и эстонская община.

4. Методика исследования.

- 4.1. Методология.
- 4.2. Выборка и проведение анкетного опроса.
- 4.3. Выборка и проведение интервьюирования.

5. Современные петербургские эстонцы: результаты исследования.

5.1. Итоги анкетного опроса.

5.1.1. *Социодемографические характеристики.*

5.1.2. *Идентичность.*

5.1.3. *Владение эстонским языком.*

5.1.4. *Религия.*

5.1.5. *Связь с Эстонией*

5.1.6. *Участие в жизни петербургских эстонцев.*

5.1.7. *Использование средств массовой информации.*

5.2. Итоги интервьюирования.

5.2.1. *Идентичность*

5.2.1.1. *Самоидентификация.*

5.2.1.2. *Значение этнической идентичности.*

5.2.1.3. *Элементы этнической идентичности.*

5.2.2. *Использование средств массовой информации.*

ВЫВОДЫ И ДИСКУССИЯ

1. Контроль гипотез

2. Дискуссия

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

KOKKUVÕTE

SUMMARY

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЛОЖЕНИЙ

Приложение 1. Перечень эстонских организаций в Петербурге – Ленинграде.

Приложение 2. Список периодических изданий на эстонском языке, выходивших в Петербурге (Петрограде, Ленинграде).

Приложение 3. Анкета для стандартизированного опроса.

Приложение 4. Таблицы к анализу анкет.

Приложение 5. Вопросы для полуструктурированного интервью.

ВВЕДЕНИЕ

Радикальные геополитические изменения начала 1990-х гг., затронувшие Эстонию и Россию, обусловили ряд метаморфоз социального и психологического характера. Одним из индикаторов процесса служит модификация идентичности, поэтому заметная часть современных исследований нацелена на изучение данного феномена. Аналитики затрагивают тему эстонской идентичности (*eesti identiteet*), «эстонскости» (*eestlus*) как эстонцев, проживающих на родине, так и за пределами Эстонии. В рамках различных подходов проводится анализ аспектов этнокультурного компонента социальной идентичности как самостоятельно, так и в сравнении. Например, основательно изучена проблема идентичности эстонцев Сибири (Jürgenson 2002). Между тем исследование идентичности петербургских эстонцев, являющейся специфическим вариантом эстонской идентичности за пределами исторической родины в условиях крупного российского мегаполиса, только начинается.

Использование и роль этнических СМИ в формировании и сохранении идентичности является актуальной темой исследований функционирования и влияния масс-медиа. Тем более, важно и любопытно проследить использование СМИ эстонцами в Петербурге, где имеется богатая история местной эстонской прессы.

Интерес к углубленному изучению петербургских эстонцев обоюден как для эстонской, так и для российской науки. С одной стороны, эстонская диаспора Петербурга представляет собой целое явление в истории эстонской миграции. Она являлась крупнейшей группой эстонских переселенцев за пределами Эстонии (50 тысяч – 1917 г.). С другой стороны, история эстонской общины - это феномен и в этнической истории Петербургского региона. Неповторимое культурно-историческое своеобразие эстонской диаспоры навсегда вписалось в более чем 300-летнюю историю города на Неве.

Чем характеризуется идентичность эстонцев, живущих в Петербурге, и какова роль прессы на эстонском языке? В данной магистерской работе с помощью качественных и количественных методов представлено исследование идентичности современных петербургских эстонцев и использования ими средств массовой информации. Поскольку данные вопросы надо рассматривать в контексте истории эстонской общины Санкт-Петербурга в работе широко раскрыт общий социокультурный фон.

Данное исследование опирается, с одной стороны, на исторический материал, касающийся жизни эстонской общины Санкт-Петербурга и выходивших здесь периодических изданий на эстонском языке. С другой стороны, на основе социологических, философских,

культурологических исследований рассматривается феномен идентичности. Работы, посвященные средствам массовой коммуникации, ложатся в основу выявления связи средств массовой информации с процессом формирования и сохранения идентичности.

Практическая часть исследования основана на результатах анкетирования и интервьюирования эстонцев, живущих в Петербурге (прежде всего, членов Санкт-Петербургского общества эстонской культуры).

Данная работа состоит из пяти глав. Введение, кроме знакомства с проблемой, содержит историографию, касающуюся исследований о петербургских эстонцах. Первая глава отражает теоретические подходы, связанные с изучением идентичности и использования СМИ этническими меньшинствами. Дается обзор специфики этнической идентичности, ее формирования и сохранения, роли СМИ в формировании идентичности. Во второй и третьей главе описывается социокультурный фон формирования идентичности петербургских эстонцев и «медиапейзаж». Четвертая глава знакомит с использованными методами в эмпирической части данной работы, выборкой и ходом опроса. Пятая глава дает обзор эмпирических результатов исследования, где в первой части представлен анализ анкетного опроса. Вторая часть сосредоточена на аспектах идентичности петербургских эстонцев (самоидентификация, значение идентичности, элементы идентичности) и использования СМИ на базе собранных материалов интервью. Работу заканчивает заключение.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Идентичность

Поскольку объектом исследования является идентичность петербургских эстонцев, необходимо раскрыть многогранность и сложность данного явления и понятия. Тема феномена идентичности, ставшая одной из главных тем в общественной мысли XX века, невероятно широка и охватывает различные сферы – психологию, культурологию, социологию, теорию коммуникаций и пр. При изучении роли медиа в формировании и сохранении идентичности следует учитывать различные нюансы явления, особенно учитывая отмечаемый исследователями (А.Тoffler, J.F.Luotard и др.) кризис идентичности современного человека.

Необходимо отметить, что понятие идентичности варьируется в различных научных сферах, а само явление описывается как весьма подвижное, нестабильное, зависимое, многогранное, противоречивое. Единого решения по всему кругу вопросов, связанному с проблемой идентичности, пока не найдено.

Идентичность рассматривается как результат, ситуативный срез никогда не завершаемого процесса, называемого **идентификацией**. Человек выделяет из социального окружения группы, с которыми разделяет те или иные характеристики, отождествляет себя с членами этой группы, ощущает естественное чувство солидарности.

Выделяют несколько **видов идентичности или составных частей социальной идентичности**:

- личностная
- гражданская
- космополитическая
- политическая
- этническая (этнокультурная)

Обычно личность имеет множество идентичностей, сформированных в иерархию, которая может быть гармоничной или разбалансированной (Jakobson 2002: 31).

1.1.1. Специфика этнокультурной идентичности

Из всех видов идентичности в центре рассмотрения исследования оказывается **этническая (этнокультурная) идентичность**. Трактовка данного понятия зависит от общего подхода к феномену «этнос». В современной дискуссии наибольшее отражение получили две основные трактовки этнической идентичности: «примордиалистская» и «конструктивистская». Примордиалистский подход рассматривает этнос и, соответственно, этническую идентичность как объективную данность.

Этнос в конструктивизме - это общность людей на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях, являющаяся по своей сути социальным конструктом. По мнению ученых, разделяющих эту точку зрения (напр. Barth 1969, Cohen 1985), в процессе воспроизведения идентичности для сохранения этнического компонента определяющим является не наличие его конкретных элементов, а субъективное чувство принадлежности членов группы. В то время как элементы могут измениться или исчезнуть, идентичность остается, пока происходит разделение «мы-они» и сохраняется чувство принадлежности. Соответственно этнос определяется как социальная группа, членов которой объединяет этническое самосознание, т.е. осознание каждым членом группы своей генетической связи с другими ее представителями (Кармин 1997: 137-138).

Индивидуальное этническое самосознание, основанное на ощущении единства с предыдущими поколениями внутри этноса, выстраивает, таким образом, целостность данного этноса. **Этническое самосознание на групповом уровне** трактуется более широко и включает в себя осознание принадлежности к этнической группе, “образ мы” (представления о своем народе, его культуре, территории и т.д.) и этнические интересы (Арутюнян et al 1999: 166-167).

Единство этноса, в то же время, основано как на этноинтегрирующих, так и на этнодифференцирующих явлениях. Та совокупность обязательных специфических признаков этноса, которые составляют отличительные друг от друга черты этнических групп, образуют **этничность**. Большинство современных определений этничности учитывают и объективные (культурная база) и субъективные (самоидентификация) характеристики. В то же время Ф.Барт приходит к выводу, что единственным реальным для нас способом определения этнической группы является способ, основанный на исследовании тех **границ**, которыми она сама себя очерчивает, отвлекаясь от культурного содержания, находящегося в пределах этих границ. Подобное суждение исходит из его наблюдения над изменениями культурных черт

этой границы, трансформации культурных характеристик членов этнических групп, организационных форм группы, и лишь факт “постоянной дихотомии между членами [группы] и “внешними” позволяет нам определить [этническую] общину и исследовать изменения культурных форм и содержаний” (Barth 1969: 14).

Этнодифференцирующим и этноинтегрирующим признаком, имеющим значение для явления этнической идентичности, то есть осознания личностью своей принадлежности к определенному этносу, оказывается именно **культурный признак**. Он представлен в этносе не одной или рядом отличительных черт, а уникальной конфигурацией, сочетанием культурных компонентов (языкового, хозяйственного, бытового, семейного). Следует учитывать наблюдаемый в современную эпоху процесс сокращения предметной зоны этнической культуры, сопровождающийся при этом особо активным ростом этнического самосознания (Дмитриев 1998: 85). Новое соотношение духовно-психологической и материальной сфер представляет существенное видоизменение и подвижность в структуре этнического феномена.

По наблюдениям этнопсихологов, при разрушении любой (государственной, социальной) идеи, скреплявшей общество, в целях удовлетворения основной потребности человека в определенности, на сцену выходит более древняя и устойчивая форма информационного структурирования мира - этническая. Позитивная оценка своей этнической группы (ингрупповой фаворитизм) является естественным социально-психологическим механизмом, обеспечивающим на индивидуальном уровне необходимое личности самоуважение, а на групповом уровне – сохранение этнической культуры и передачу ее последующим поколениям (Лебедева 1999: 11, 20). **Этническая культура** обладает специфическими защитными механизмами, направленными на преодоление конкретной угрозы извне, и неспецифическими, в роли которых выступает сама этническая культура как упорядоченный образ мироздания, призма, через которую человек смотрит на мир (Садохин 2000: 155-156).

Коллективная этническая идентичность

Этнопсихологи предположили, что этническое самосознание общности людей формировалось в результате межгруппового контакта, в основе которого лежат два процесса: сближения (межгрупповая суггестия) и отдаления (контрсуггестия). Чем длительнее история существования группы, чем чаще она вступала в контакты с разнообразными “они”, тем определеннее и четче будет ее “мы”, и тем сильнее в случае угрозы существованию данного “мы” будут развиваться процессы суггестии и контрсуггестии, нацеленные на сохранение

данного организма (Лебедева 1999: 177-180). Данные процессы являются психологическими механизмами, служащими защите от инокультурного влияния и сохранению целостности группы, ее этнокультурной идентичности.

Индивидуальная этническая идентичность

Этническая идентичность определяется психологами как составная часть социальной идентификации личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. При этом следует разводить понятия этнической идентичности и этничности – социологической категории, относящейся к определению этнической принадлежности по ряду объективных признаков: этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре. Также надо иметь в виду, что этническая идентичность далеко не всегда совпадает с официальной этничностью. (Стефаненко 2003: 196).

1.1.2. Элементы этнической идентичности

С точки зрения психологии в **структуре этнической идентичности** выделяют несколько **основных компонентов**:

- когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков: осознания общности происхождения, идеи территориальной общности, этнической эндогамии, общности исторической судьбы, родного языка и культуры). Изменение роли языка играют символическую роль в процессах формирования родственности с общностью и межгрупповой дифференциации.
- аффективный (чувство принадлежности к группе, оценка ее качеств, отношение к членству в ней) (Стефаненко 2003: 197-200)
- поведенческий (проявление себя членом определенной группы, построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях) (Дробижева et al 1996: 296).

Социологи в качестве **элементов этнической идентичности** выделяют:

- Язык (конструктивистский подход предполагает особое внимание к роли языка)
- Религия
- Связь с исторической родиной
- Культура (праздники, знания о культуре, традиционная кухня)
- Круг родственников

1.1.3. Аспекты формирования и сохранения идентичности

Психологи выделяют ряд этапов становления этнической идентичности, соотносимых с этапами психического развития ребенка, сходясь на том, что «реализованной» этнической идентичности ребенок достигает в младшем подростковом возрасте (10-11 лет), когда рефлексия себя имеет для человека первостепенное значение (Стефаненко 2003: 201).

Однако этническая идентичность не статичное, а динамичное образование, и подвержено трансформации, на что влияют как обстоятельства субъективного характера, так и изменения в жизни общества. Влияние социального контекста на формирование этнической идентичности зависит от среды – полиэтнической или моноэтнической по составу. Отсутствие опыта межэтнического общения обуславливает, с одной стороны, меньшую предрасположенность к подобным контактам, а с другой стороны, меньший интерес к собственной этничности (Стефаненко 2000: 204). Жители крупных полиэтнических мегаполисов раньше, чем сельские жители, осознают свою этническую принадлежность. Также наблюдается зависимость точности и дальнейших стратегий при определении этнической идентичности от того, к какой группе принадлежит человек – группе большинства или группе меньшинства.

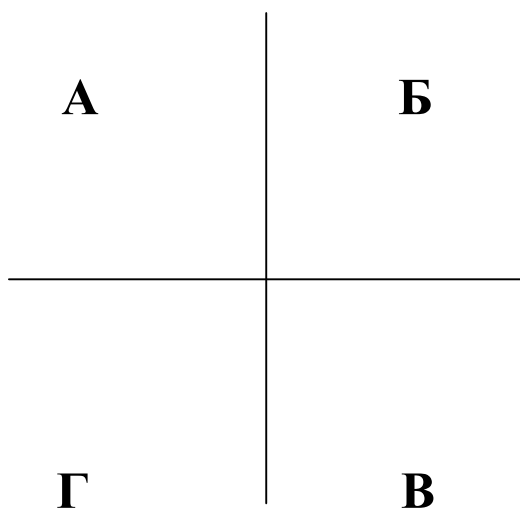
Стратегии при определении этнической идентичности могут быть следующими:

- сохранение или восстановление позитивной этнической идентичности (стратегия социального творчества – Г.Тэджфел и Дж. Тернер): поиск новых оснований для сравнения, выбор для сравнения еще менее успешных или еще более слабых групп
- принятие негативной этнической идентичности
- стратегия индивидуальной мобильности (в случае неблагоприятного межгруппового сравнения попытка сменить группу, что приводит к формированию измененной идентичности) (Стефаненко 2003: 207-210).

В процессе социализации и инкультурации общество «приписывает» ребенка к определенному этносу. В результате у большинства людей проблемы выбора не возникает, но многие, прежде всего, члены группы меньшинств и выходцы из межэтнических браков, проходят через «постоянный внутренний референдум» на лояльность к той или иной общности. У этих людей в процессе этнической идентификации кроме **критерия приписывания** (то, кем другие их воспринимают) большую роль играет и **критерий внутреннего выбора** (то, кем они сами себя осознают). Выходцы из смешанных браков и люди, живущие в полиэтническом обществе, могут одновременно идентифицировать себя и с двумя релевантными группами. (Стефаненко 2003: 212, 214). Для отражения различных

типов этнической идентичности исследователями была предложена **модель двух измерений этнической идентичности** (см. рисунок).

Высокий уровень идентификации
со своей этнической группой

Высокий уровень идентификации
с чужой этнической группой

Рисунок. Модель двух измерений этнической идентичности:
А – моноэтническая идентичность со своей этнической группой;
Б – биэтническая идентичность
В – моноэтническая идентичность с чужой этнической группой
Г – маргинальная этническая идентичность
(см.: Berry et al., 1992 по Стефаненко 2003)

Кроме того, каждый из предложенных типов обладает своими разновидностями и нюансами. Люди, имеющие наиболее благоприятную для полиэтничной среды биэтническую идентичность, обладают бикультурной компетентностью. Выделяют ряд этапов личностного роста индивидов, взаимодействующих с представителями других культур, где позиция индивида на высшем этапе личностного роста обозначается как конструктивная маргинальность (Bennet, 1986 по Стефаненко 2003), соответствующая таким понятиям, как «человек – посредник между культурами», «человек мультикультуры». В модели имплицитно заложен и нулевой уровень - слабая, четко не выраженная этническая идентичность или даже полное ее отсутствие, вызванное предпочтением личностной идентичности или вытеснением этнической идентичности из социальной идентичности.

Тогда человек при формировании социальной идентичности опирается на другие формы (например, гражданскую или космополитическую) (Стефаненко 2003: 219-220).

1.1.4. Кризис идентичности

Исследователи обращают внимание на явление, обозначаемое как кризис идентичности и описываемое как нечто вроде «второго рождения». Оно во многом свойственно для мигрантов. Кризис идентичности обычно определяется как потеря чувства самого себя, невозможность приспособиться к изменившимся обстоятельствам, разрыв между требованиями, предъявляемыми новой ситуацией, и прежними установками и взглядами (Хесле 1994). Кризис идентичности, например, у вынужденных мигрантов возникает как в результате событий, ставших причиной миграции, так и вследствие культурного шока и адаптации в новой среде. В результате разрушается само основание идентичности – происходит трансформация той картины мира, которая выстраивается с самого рождения и включает в себя широчайший диапазон образов, представлений, мнений, убеждений, отношений – от звуков, запахов, климата, природы, родного языка, обычаев и традиций, отношений в семье и на работе до осознания себя гражданином страны. В той или иной степени трансформируются все компоненты идентичности, в первую очередь, самые важные: гражданская, этнокультурная, гендерная, семейная, профессиональная, возрастная. Попадание в новую культуру, сравнение ее со своей закономерно влечет за собой трансформацию этнической и культурной идентичности. Изменение ценностных систем происходит, даже если мигранты стремятся избежать влияния чужой культуры. Они начинают придерживаться местных традиций, отмечают местные праздники, перенимают способы поведения, а собственные культурные ценности постепенно вытесняются новыми (Психологическая помощь мигрантам 2002: 259, 261-262)

Исследования показали, что этническое самосознание мигрантов может разрушаться, деформироваться или усиливаться по типу гипоиентичности (например, этнонигилизм – отказ от ценностей собственной этнической группы, поиски устойчивых социально-психологических ниш не по этническому, а другим критериям), гиперидентичности (гиперболизация этнической идентичности и ее трансформация по типу этноизоляционизма, этноэгоизма, этнофанатизма), либо невротической этнофобии (Солдатова 1998).

Преодоление кризиса идентичности – чрезвычайно трудный процесс, когда требуется собрать рассыпавшуюся идентичность из осколков и воссоздать узор, причем который уже никогда не будет прежним (Психологическая помощь мигрантам 2002: 307).

С кризисом идентичности связана в психологии миграций концепция «культурного шока». Один из ее основных разработчиков С.Бочнер выделяет **четыре категории**, которые теперь широко используются для понимания последствий межкультурных контактов, а также описания стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов: 1) интеграция, 2) ассимиляция, 3) сегрегация, 4) геноцид. На основе этого предложены **четыре стратегии адаптации** в новой культуре: 1) «посредничество», 2) «переход», 3) «маргинальный синдром», 4) «шовинизм» (Furnham & Bochner 1986)

Как отмечают Е.Данилова и В.Ядов, в периоды трансформаций общеразделяемые идентичности становятся массовым стимулом осознания сути происходящего и зарождения новых форм солидарности (Danilova & Yadov 1997 по Вихалемм & Массо 2003: 230). Одной из таких форм в моменты изменения социо-политических условий является диаспора, членов которой объединяет разделяемая ими актуализированная этническая идентичность.

1.1.5. Идентичность и идентификация в условиях идеологии

В данном параграфе мы коснемся проблемы идентичности и идентификации, а также идеологии, поскольку взаимодействие прессы и процесса идентификации тесно взаимосвязаны с идеологическими установками.

Идеология связана с **ролью Другого в процессе самоидентификации**. Только будучи отраженным в другом человеке, поскольку другой человек предлагает ему образ его единства, эго может достигнуть самоидентификации; следовательно, идентичность и отчуждение четко соотносены (Жижек 1999: 32). То есть, чтобы понять сущность самого себя, необходимо "приблизиться", а затем "оттолкнуться" от образа Другого. Отсюда можно сделать предположение, что в ситуации становления советской идентичности вначале произошло некое "приближение" к национальным меньшинствам посредством организации и функционирования печатных органов на разных языках (а также национальных обществ, клубов, книгоиздательств, театров, школ, высших учебных заведений и пр.), как это было в 1918-37 гг. в Петрограде-Ленинграде. Затем, когда советская идентичность оказалась сформирована, образ Другого был отвержен (закрытие национальных изданий в 1937-38 гг.).

Субъект ощущает себя перед лицом некой Истины, тайны, к которой он не допущен. И то, что, казалось бы, отделяет субъекта от Другого (желание проникнуть в тайну Другого) и есть **"рефлексивное определение" Другого**; *"именно постольку, поскольку мы отделены от Другого, мы уже являемся частью его игры"* (Жижек 1999: 71-72). Другой - это наше желание, наше любопытство постигнуть неизвестную для нас тайну, таящуюся в Другом.

При этом мы - узники игры, из которой не вырваться, зависим от Другого. Он становится необходимостью, иначе субъект может "потерять самого себя". Поэтому, разумеется, для поддержания идентичности тоталитарного государства нужен образ Врага, враждебного Другого.

Поскольку такие понятия как экологическое движение, феминизм, расизм и т.д. различаются в той или иной идеологической ситуации (Жижек 1999), можно предположить, что и значение этнической принадлежности, к примеру, в рамках советской идеологии не совпадает с пониманием этнической принадлежности в начале XXI века.

Тотализация этого свободного течения идеологических элементов осуществляется "пристеживанием" - останавливающим, фиксирующим это течение, то есть превращающим его в часть упорядоченной системы значений (Жижек 1999: 93). Например, если в системе советской культуры **идеологическая "пристежка"** этнической идентичности звучала в лозунге: "Национальное по форме, социалистическое по содержанию", то в наши дни эта "пристежка" этнического фактора выражена, скорее всего, в самом характере понятия "плавающая идентичность", фигурирующего в современной этнологии. Она выражается как в особой стратегии поведения каждой личности в процессе этнической идентификации, так и в общей контрастности - от сепаратизма и войн на этнической почве до полного размывания этнической идентичности в городской среде.

В ходе идеологического "пристеживания" вместо просто означающего мы получаем "избыточный Икс" - объектно-ориентированное желание, "нечто ускользающее". Это выглядит как переворачивание, например, в случае антисемитизма: они такие (скупердяи, интриганы и т.п.), потому что они евреи. В идеологической среде в антисемитских построениях "еврей" обладает чисто структурной функцией - это "означаемое без означаемого", когда чистое различие воспринимается как Идентичность, то есть "искажение перспективы" идеологическим анаморфозом (Жижек 1999: 102-105). Этот механизм позволяет выстроить картину конструирования этничности в условиях идеологии, понять суть этнических взаимодействий, глубинную причину конфликтов и сущности политики истребления иноэтнического населения.

Различают воображаемую идентификацию (с привлекательным для нас образом, представляющим то, «какими мы хотели бы быть») и символическую идентификацию (с самим местом, **откуда** мы смотрим, **откуда** при взгляде на самих себя мы кажемся привлекательными, достойными любви). Один из примеров воображаемой идентификации - сталинское превозношение достоинства «простого рабочего человека». Этот

идеализированный образ рабочего класса возникает под взглядом правящей партийной бюрократии, он необходим для легитимации ее власти (Жижек 1999: 111-113) Этот прием, действительно, широко и навязчиво использовался в сфере пропаганды и насаждения советской культуры, в том числе, периодической печати. Парадоксы современной "плавающей" этнической идентичностью также могут быть связаны с указанными вариантами процесса идентификации.

1.2. Значение средств массовой информации в процессе формирования и сохранения идентичности

1.2.1. Медиапространства и диаспора

Отталкиваясь от характеристик, данных современными исследователями **диаспору** можно определить как некий временный культурно-политический конструкт или как субкультуру со своим самоназванием и рядом социальных институтов, объединяющую людей со сходной самоидентификацией и «картиной мира», активно использующую этнические компоненты культурной традиции (Махтина 2001).

Члены диаспоры или меньшинства в современных условиях находятся одновременно в разных медиапространствах, медиаландшафтах (mediascapes). Тем более, если речь идет о крупном мегаполисе. Если говорить о **медиапространствах**, используемых петербургскими эстонцами, можно выделить следующие:

Локальное – включает в себя локальные источники масс-медиа, прежде всего, городские периодические издания (газета «Санкт-Петербургские ведомости» и др.), радиоканалы («Радио Петербург» и др.), телеканалы («Пятый канал», «СТО», «СТС-Петербург» и др.), городские интернет-порталы.

Формально СМИ диаспор Санкт-Петербурга и, конкретно, эстонская газета «Peterburi Teataja», вписываются в локальное медиапространство. Однако они стоят несколько особняком, поскольку имеют узкую целевую аудиторию и небольшой тираж. Главными локальными медиаканалами являются ТВ, радио и пресса.

Национальное – т.е. российское, довольно широкое на сегодня, включающее как федеральные, так и коммерческие источники: теле-, радиоканалы, периодическая печать, интернет-ресурсы. Первые три источника главенствуют.

Глобальное – прежде всего, спутниковое и кабельное телевидение, интернет-ресурсы и печатные СМИ. Иностранная пресса доступна менее всего.

Можно предположить, что петербургские эстонцы тем или иным образом соприкасаются с **эстонским медиапространством** (телевидением, радио, печатными и интернет СМИ). Насколько тесно это происходит, предстоит выяснить в ходе исследования. Судя по всему, поскольку в Петербурге нет доступа к эстонским телеканалам, даже по спутниковому телевидению, очень небольшие возможности прослушивания радиоканалов на эстонском языке, пресса также малодоступна, то можно предположить, что взаимодействие медиапространств выглядит следующим образом (см. схему). Видимо, воздействие российского медиапространства на эстонское благодаря наличию российского телевидения на территории Эстонии практически односторонне. Обратное воздействие со стороны эстонского медиапространства отчасти испытывает лишь СМИ эстонской диаспоры.

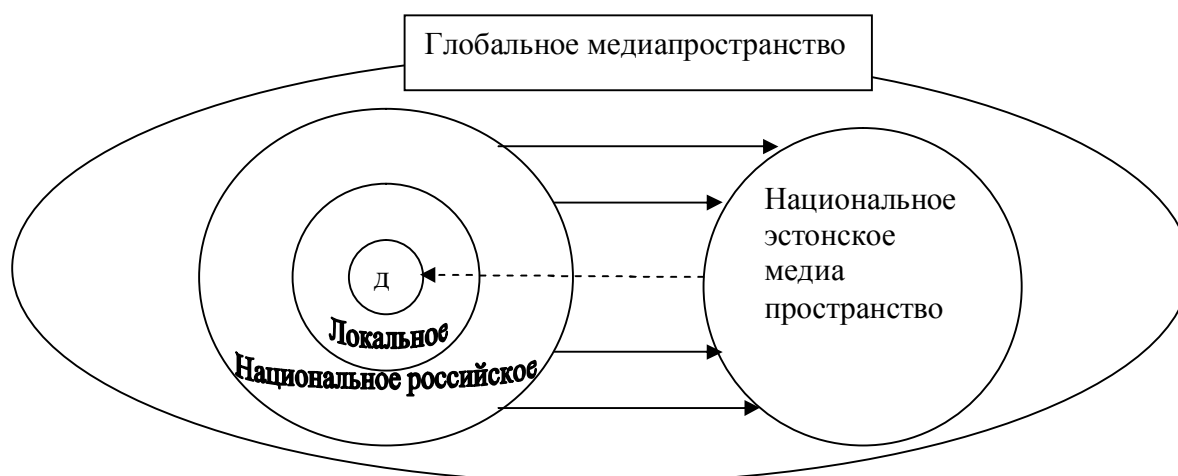

Схема. Взаимодействие медиапространств (Д – СМИ диаспоры)

Разумеется, такое явление как телевизионная глобализация коснулось и петербургских эстонцев. Телевидение является основным источником информации. Главным телевизионным рынком является национальный (Straubhaar, 1997: 286), в данном случае – российский. Западноевропейские телеканалы смотрят только обладатели кабельного и спутникового телевидения. Активно пользуются и городскими телеканалами. Известно, что многие локальные аудитории предпочитали бы смотреть программы на родном языке и адресованные их родной культуре (Straubhaar, 1997: 286). У петербургских эстонцев отсутствует возможность использовать эстонское телевидение постоянно, а лишь только находясь в Эстонии.

Помимо телевидения постоянным источником информации является радио. Помимо приемников, принимающих сигналы различных радиоволн, в большинстве домов сохранились радиоточки с приемом средних волн, на которых идет национальное и городское радиовещание.

Печатные СМИ пользуются спросом, однако подписка на издания несравнимо ниже, чем в советский период, видимо, прежде всего, из-за дороговизны. Газеты и журналы приобретаются в свободной продаже. Активнее читаются бесплатные издания.

Использование Интернета в целом пока весьма вялое и связано с общей слабой компьютеризированностью населения в России, его ограниченной доступностью в общественных местах (библиотеках, торговых центрах и пр.).

О насыщенности российского и петербургского медиарынка печатных изданий говорит статистика.* Помимо данных источников в Санкт-Петербурге существует заметное число печатных изданий различных диаспор.

1.2.2. СМИ и идентичность

СМИ меньшинства показывают существование определенной сети, соединяющей членов группы меньшинства. Различные группы СМИ меньшинства могут формировать микросферы, связанные с общественной сферой в целом, которая затрагивает внутреннюю организацию сообщества. Это позволяет выработать новые стратегии, ведущие к интеграции (или ассимиляции) в «большом» обществе (Dayan 1998).

СМИ диаспоры, в данном случае, эстонская пресса в Петербурге укладывается в схему репрезентаций медийных образов «*of, by and for majorities and minorities*» (Katz) и является вполне «классическим» СМИ меньшинства, произведенные меньшинством для меньшинства. Местные (городские) СМИ, если и создают для большинства образ петербургской эстонской

* По данным интернет-справочника «Российская пресса» от агентства «Союзпечать», на 13 октября 2005 года в российской прессе представлено: всего изданий – 6249, в том числе: московских – 2519, Санкт-петербургских-286, региональных- 3435 (<http://allpress.souzpechat.ru/index.php?Topic=statistica.php&L1=90&L2=0>) Перечень Интернет-ресурса «Карта СМИ России» (<http://karta-smi.ru>) насчитывает в Санкт-Петербурге значительное количество печатных СМИ: **Журналы – 263**, из них скандальные – 1, рекламные – 12, развлекательные – 37, публицистические – 23, отраслевые издания – 171, общество, культура, религия, дети – 15, информационно-развлекательные – 2, остальные – 2. **Газеты – 203**, из них скандальные – 6, рекламные – 11, развлекательные – 24, публицистические – 60, отраслевые издания – 75, общество, культура, религия, дети – 25, Ленинградская область и СЗФО – 1, информационно-развлекательные – 1. **Телевидение – 21**. Развлекательные – 2, остальные – 19. **Радио – 28**. Развлекательные – 1, остальные – 26, Ленинградская область и СЗФО – 1.

диаспоры как меньшинства, то весьма редко и не всегда точно. Каков этот образ в медиа диаспоры и большинства, какими стереотипами сопровождается – тема, заслуживающая отдельного внимания, выходящая за рамки данного исследования.

Тем не менее, миссия эстонской прессы в Петербурге, выходящей малым тиражом и на эстонском языке состоит, скорее, не в обеспечении альтернативы более или менее неадекватному изображению меньшинства, построенного СМИ большинства (Gross 1998), как, например, у русскоязычных СМИ в Эстонии, а имеет скорее несколько иное социальное значение. СМИ диаспоры находится внутри сразу нескольких медиапространств, которые, безусловно, доминируют. Однако СМИ диаспоры оказываются важны для фиксации существования диаспоры вообще, обозначения ее коллективной идентичности. При этом СМИ диаспоры не противостоят СМИ большинства и не ставят основной задачей создание альтернативы.

Этнические СМИ исполняют важную роль в поддержке этнической идентичности в качестве носителей, которые помогают сохранять элементы культуры с течением времени. Но тем не менее, они только один из возможных носителей, который может (ре)конструировать сильную этническую идентичность также через другие средства (Vihalemm & Masso).

В отличие от 'классических' СМИ меньшинства, СМИ исторической родины, как правило, не вступают в прямой диалог со СМИ большинства, где действует диаспора. Однако их пути могут пересекаться. СМИ страны происхождения могут быть существенным фактором в сохранении особой (культурной) идентичности. (Milikowski & Ogan 1998; Sampedro 1998 по Vihalemm 2002). В то же время, исследования использования СМИ русскоязычной аудиторией Эстонии, показали, что СМИ исторической родины скорее вносят вклад в формирование местной идентичности, а не этнической или диаспоральной. При этом в сочетании с местным и глобальным медиапространством, лингвистическое медиапространство могло бы поддержать формирование нового типа особой этнокультурной идентичности (Vihalemm & Masso).

Однако ввиду недоступности эстонского телевидения и ограниченного доступа эстонских печатных СМИ на территории Петербурга, влияние СМИ исторической родины для петербургских эстонцев значительно сужается. Если российские СМИ хотя бы формально обозначают русскоязычных жителей Эстонии в качестве соотечественников, что порождает у русских Эстонии лояльность к России, то эстонцы, живущие в России, лишены

какого-либо диалога с эстонскими СМИ. Российские эстонцы не могут «праздновать глобализацию их этнической принадлежности, их диаспоральной идентичности, основанной, прежде всего, на этнических СМИ» (Georgiou 2001 по Vihalemm & Masso). Тем самым, данный ресурс формирования этнокультурного эксклюзивного группового сознания с диаспоральной преданностью Эстонии не используется.

Кроме того, повестка дня российских и эстонских СМИ различна. Петербургские эстонцы из-за отсутствия эстонских СМИ не владеют контекстом происходящего в Эстонии, например, быстрой смены политических коллизий. Тем самым, актуальными и интересными являются петербургские и общероссийские события и новости, касающиеся непосредственно их каждодневной жизни. Российские СМИ явно доминируют в потреблении, поэтому они имеют преимущественную важность в формировании идентичности, «выращивают» культурную принадлежность. Несмотря на общее гомогенное потребление СМИ, надо отдать должное развитию Интернета как альтернативы информационному вакууму начала 1990-х гг.

Необходимо признать роль локальных (городских) СМИ, через просветительские и информационные передачи в начале 1990-х гг. актуализировавших этническую идентичность и сыгравших важную роль агента в объединении многих ныне активно развивающихся национальных обществ Петербурга, в том числе, местных эстонцев.

Роль СМИ может быть понята как результат выполнения функций, заключенных в двух формах (как предмет потребления и как орудие), и как результат взаимодействия с окружением, где осуществляется функционирование. Эта роль зависит от типа и уровня развития общества, включая потребности и интересы различных субъектов массовой коммуникации, условий производства, системы контроля, культуры общества, доминирующей идеологии и др. (Jakobson 2002: 21). Ряд исследователей подчеркивают важность медиа меньшинства в сохранении этнической и культурной идентичности меньшинства, поддержании связи с исторической родиной и, в то же время, в облегчении интеграции в общество большинства и в обеспечении информацией о его институтах (Levkovic 1986, Togora 1986, McQuail 1984 по Jakobson 2002: 21). Долговременный эффект медиа этнического меньшинства состоит не в тотальной ассимиляции или культурном сохранении, а в некоторой умеренной степени сохранения, которая представляет собой компромисс между двумя крайностями (Riggins 1992 по Jakobson 2002: 21). Медиа меньшинства изначально играет противоречивую роль в сохранении и изменении идентичности меньшинства, определяя его место в доминирующем обществе (Jakobson 2002:

22). Несмотря на то, что медиа меньшинства явно носит контридеологический характер и выступает против культурной ассимиляции меньшинства (например, используя язык меньшинства), в то же время, продвигает частичную и постепенную ассимиляцию аудитории (например, за счет использования стиля, жанров, слов, названий из языка большинства) (Riggins 1992 по Jakobson 2002: 22). В данной работе и предстоит выяснить, в чем состоит противоречивость роли эстонской прессы Петербурга в сохранении и изменении идентичности петербургских эстонцев.

Таким образом, для дальнейшего исследования надо иметь в виду, что:

- При изучении идентичности петербургских эстонцев важно определить место этнокультурной идентичности в иерархии прочих идентичностей и выявить ее особенности.
- Изучение роли СМИ меньшинства в сохранении и изменении идентичности меньшинства следует вести, определяя ее функции и учитывая их выполнение в определенном историко-культурном срезе.
- Следует учитывать противоречивость роли СМИ в сохранении и изменении идентичности.

1.3. Краткая историография

Длительное время тема истории эстонцев за пределами исторической родины оставалась «в тени», прежде всего, ввиду запрета на исследование тех народов Ленинградской области, которые стали в 1930-х гг. жертвами сталинских репрессий. В советское время интерес к истории эстонской эмиграции на территорию России возник в 1960-70-х гг. Среди изданных в то время работ следует выделить монографии В.Маамяги об эстонских переселенцах в Советском Союзе в период с 1917 по 1940 гг. (1976, 1990; Maamägi 1980).

Первый ряд исследований непосредственно об эстонцах Петербурга появился лишь в 1970-80-х гг. и был посвящен различным сторонам жизни эстонцев-горожан. Историко-демографический обзор, касающийся петербургских эстонцев в период с 1703 по 1917 гг., дан в ранних работах Р. Пуллата (Pullat 1974, 1981). Историография эстонского населения Петербурга вт. пол. XIX в. была прослежена в статье А.Д.Дридзо (1982). Г.В.Старовойтова и Н.В.Юхнева посвятили этнической группе эстонцев отдельные статьи в коллективных сборниках и разделы в монографиях по этнографии и социологии Санкт-Петербурга - Ленинграда (Старовойтова 1987 б; Юхнева 1984, 1985, 1987). Важный штрих вносят исследования об отдельных эстонских обществах Петербурга (Дридзо 1987; Старовойтова 1987 а). В работах В.А.Самойлова глубоко изучена театральная жизнь петербургских эстонцев, причем во многом на материале периодики (1975, 1982; Samoilov 1991).

Проводились некоторые ранние исследования истории эстонцев-переселенцев в сельской местности Петербургского региона (См. библиографию: Выскочков 1989: 113-131; Маамяги 1990: 6, 7). Значительный вклад в изучение этнографических аспектов истории эстонского сельского населения и эстонцах-жителях малых городов Санкт-Петербургской губернии и Ленинградской области внесен исследованиями М.Л.Засецкой (1992, 1997), осуществленными в ходе экспедиционно-собирательской работы в 1990-х гг. Ею же предложена периодизация формирования «петербургской группы» эстонцев-переселенцев (2002). Полевые материалы, касающиеся эстонцев Ленинградской области, собирались Н.В.Ушаковым (2002) и А.В.Крюковым (2002).

Самым масштабным изданием, посвященным петербургским эстонцам, стала книга Раймо Пуллата «Город надежд Петербург и формирование эстонской интеллигенции до 1917 г.» (Raimo Pullat „Lootuste linn Peterburi ja eesti haritlaskonna kujunemine kuni 1917”, 2004). В издании собраны статистические данные об эстонском населении столицы, материалы о жизни эстонской диаспоры Петербурга, фотографии и архивные данные о ярких личностях, учившихся и работавших здесь. Автор убедительно доказывает, что Санкт-Петербург сыграл

определяющую роль в истории создания эстонской интеллигенции и, тем самым, будущей Эстонской Республики. Из относительно недавних исследований темы петербургских эстонцев касается в своей работе Р.Рааг (Raag 1999). Эстонцам посвящен раздел в выпущенном к 300-летию города весомом издании «Многонациональный Петербург. История. Религия. Народы» (2002).

Рассмотрение истории эстонцев в Петербургском регионе и эстонской эмиграции сквозь призму художественной культуры велось также автором данной работы (Махтина 2000, 2001a, 2001b, 2002). Кроме того, был издан сборник воспоминаний и научных исследований «Эстонцы на берегах Невы: судьбы и биографии» (2002). Ряд обзорных публикаций об истории общины и деятельности Санкт-Петербургского общества эстонской культуры написан бывшим председателем общества Яном Малдре (2002, Maldre 1999).

Крайне значимым исследованием последних лет для данной работы является монография Т.М.Смирновой «Национальность – питерские» (2002), где содержится богатейший фактологический материал, касающийся не только эстонских образовательных, общественных, театральных организаций, книгоиздания на эстонском языке в Петрограде-Ленинграде но, что наиболее важно в данном случае, истории эстонской периодической печати до конца 1930-х гг.

Изучение идентичности петербургских эстонцев предпринималось несколькими учеными в разных аспектах. Вопросы идентичности эстонского сельского населения затрагивала М.Л.Засецкая (1997). Одно из первых социологических изысканий, касающееся городского эстонского населения, было проведено Ольгой Калачевой в 1998 г. в рамках проекта «Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга». Предметом исследования явилось формирование этнической идентичности на примере эстонской этнической группы. Основой явилась коллекция биографических интервью с петербургскими эстонцами. Изучение национальной идентичности и эстонского общества Санкт-Петербурга на базе интервью проводила Лиина Рооталу (Rootalu 2001). Одному из важнейших этнических определителей – чувству дома у петербургских эстонцев – посвящена ее отдельная статья (Rootalu 2002).

С докладами, посвященными проблематике данного исследования, автор выступил на Международной научно-практической конференции «Жизненный мир поликультурного Петербурга» (Санкт-Петербург, 2003) (Махтина 2003) и на Пятом конгрессе зарубежных эстонцев (V Välis-eesti kongress, Tallinn, 2004).

1.4. Основные проблемы исследования

Цель исследования – выявить сущность идентичности петербургских эстонцев и роль СМИ в сохранении и формировании идентичности.

Задачи исследования

- проследить историю развития эстонской прессы в контексте социо-культурных аспектов жизни эстонской диаспоры Петербурга-Ленинграда
- выявить специфику идентичности эстонцев, живущих в Петербурге
- охарактеризовать использование современными петербургскими эстонцами средств массовой информации

Вопросы исследования

I. Каковы черты, характерные для идентичности петербургских эстонцев, в чем они выражаются и как меняются со временем?

II. Какова роль этнических СМИ в формировании и сохранении петербургских эстонцев?

1. Каково место эстонской прессы в жизни и эстонской диаспоры Петербурга в различные исторические периоды?

2. Каково место средств массовой информации на эстонском языке в использовании СМИ петербургскими эстонцами в настоящее время?

Гипотезы исследования

- Среди эстонцев, живущих в Петербурге, преобладает некая особая локальная идентичность, создающая основу солидарности в условиях крупного мегаполиса. Идентичность петербургских эстонцев имеет свои специфические черты, имеющие как историко-культурные, так и социальные основания.

- В формировании идентичности петербургских эстонцев СМИ на эстонском языке (главным образом, печатная пресса) в тот или иной исторический период имели различное значение. В настоящее время их роль сравнительно ограниченная (большинство петербургских эстонцев получает подавляющую часть информации на русском языке).

2. ЭСТОНСКАЯ ОБЩИНА ПЕТЕРБУРГА-ЛЕНИНГРАДА В XVIII-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.

2.1. Социокультурный фон

2.1.1. Социальный состав эстонского населения, волны миграций

Миграция эстонцев в дореволюционную Россию носила преимущественно трудовой характер. Приблизительно 80% эстонских мигрантов поселились в сельской местности, остальную же часть привлекли некоторые города возможностью получить образование, найти работу и жилье. (Raag 1998: 22). Петербург как крупный промышленный и культурный мегаполис привлекал эстонских переселенцев, во многом благодаря и территориальной близости к Эстонии. Кроме того, в Петербурге исторически сложилась благоприятная толерантная среда для иноэтнического населения.

В истории эстонской миграции на земли Северо-Запада России (С.-Петербургской губернии) до **1917 г.** выделяют четыре хронологических периода, соответствующих **четырем этапам формирования «петербургской группы»** (по Засецкой 2002: 10).

I) XIV(?)/XVI вв. – 1744 г. Период стихийного переселения – нерегулируемая и нелегальная миграция в Северо-Западные области России. С точки зрения формирования «петербургской группы» - это ее «гдовский» этап.

II) 1744-1861 гг. Период регулируемой (легальной) миграции в Санкт-Петербургскую губернию или – этап «городской диаспоры».

III) 1861-1906 гг. Период послереформенной миграции, он же «основной этап» формирования.

IV) 1906-1914/1917 гг. «Столыпинский» период, завершающий массовую миграцию из Эстонии в регион, он же – этап, определяющий витальность «петербургской группы» и дальнейшую направленность культурной эволюции. Отмечается, что причины, характер, интенсивность миграции, направления переселенческих потоков внутри губернии, социальный состав переселенцев для каждого этапа были различны. (Засецкая 1997: 54).

Установить точную численность эстонцев, живших в Петербурге, довольно сложно – исследователи называют разные цифры. В конце XVIII в., по одним данным, в Петербурге и губернии насчитывалось 1700 эстонцев, большая часть из которых жила в столице (Многонациональный Петербург 2002: 114). Р.Пуллат указывает, что в городе в это время могло жить до 3500 эстонцев. (Pullat 2004: 44). Необходимо отметить, что появление эстонцев в Петербурге в этот период связано с рекрутской повинностью, распространенной

при Екатерине II на прибалтийских крестьян. Многие после службы оставались в Петербурге. В сословной структуре эстонской группы в первой половине XIX в. обращает на себя внимание высокая доля «военного сословия». Этот процент был высок (42%) даже в 1869 г., когда проводилась первая столичная перепись. Всего тогда в Петербурге (по реконструкции Н.В.Юхневой) насчитывалось около 4000 эстонцев, по преимуществу отставные нижние чины и их семьи. Численность эстонцев в Петербурге неуклонно росла. Согласно последним исследованиям, в 1890 г. эстонцев в городе было уже около 10 000 (для 7400 в качестве родного языка отмечен эстонский), в 1900 г. – 18 000 (15 400), в 1910 – 23 400 (20 100), составляя соответственно 1,0%, 1,3%, 1,2% городского населения. Исследователи оговариваются, что точное число эстонцев указать невозможно, поскольку по переписям, учитывающим родной язык, часть эстонцев оказывалась в числе немцев (Многонациональный Петербург 2002: 22-26, 114). Цифры, порой, расходятся в пределах исследований даже одного автора.

По данным на 1917 г. численность эстонцев в Петрограде возросла до 50 000 или 2% от всего населения города. Однако, по предположению Р.Пуллата, эта цифра могла достигать и 60 000 (Pullat 2004: 44). В столице тогда было значительное число эстонцев-военнослужащих. По замечанию Р.Раага, Петербург стал вторым после Таллинна городом в мире по числу эстонцев (Raag 1998: 22).^{*} Называются цифры скромнее, но не менее впечатляющие: по подсчетам В.А.Маамяги эстонцев в столице в 1917 г. было не менее 40 000 человек, а в губернии - около 50 000 (Маамяги 1976: 22).

Со временем меняется в столице соотношение эстонского населения по сословиям. До середины XIX в. эстонцы были представлены, в основном, ремесленниками, рабочими, служанками, извозчиками и рекрутами, отслужившими свой срок в армии. После принятия в 1859 г. законов по крестьянству и, особенно, в результате паспортного закона 1869 г. к концу XIX в. увеличивается процент крестьян с 36% до 66%, основную массу из которых составляли выходцы из северной Эстонии. Поскольку для эстонских крестьян-переселенцев было трудно сразу адаптироваться в инонациональном мегаполисе, переселение крестьян из Эстонии зачастую осуществлялось за счет двухступенчатой миграции. Промежуточным пунктом на пути в Петербург становился эстонский город (чаще всего Нарва) или город Петербургской губернии, а также сельская местность (около 100 эстонских поселений) (Юхнева 1982: 36).

^{*} Таллинн – 90 000, Тарту – 30 000 эстонцев. Среди городов за пределами Эстонии по значительному числу проживающих эстонцев выделялась Рига, Псков и Москва.

На рубеже веков (по данным переписи 1897 г.) Петербургская губерния оказалась на третьем месте после Лифляндской и Эстляндской губерний по количеству проживающих на ее территории эстонцев – 64116 человек (из них в самом Петербурге – 12238 человек, т.е. 19%). Большинство эстонцев проживало в сельской местности, в городах Петербургской губернии их было всего 24535 (чуть больше 38%). (Засецкая 1997: 52-53; Дридзо 1987: 15).

Основную массу переселявшихся в столицу эстонцев составляли холостые мужчины и незамужние женщины (63,7%) трудоспособного возраста. По приезду в Петербург мужчины устраивались, главным образом, на заводы и фабрики, железную дорогу и склады. Хотя обычно женская трудовая миграция развивается позже мужской, из Эстонии в начале XX в. приезжало в столицу довольно много женщин. Они нанимались в услужение, работали прачками, некоторые поступали на фабрики. (Многонациональный Петербург 2002: 115; Pullat 2004: 61). На рубеже веков в Петербурге отмечается пролетаризация эстонского населения, наряду с расширением состава интеллигенции и служащих. Относительно высокая образованность позволила многим получить квалифицированную работу. Число эстонских студентов год от года росло.

Следующий, послереволюционный, этап (1917-1922 гг.) – время политической миграции (оптации и реоптации), оптационной компании, развернутой Эстонской республикой по соглашению с Советским правительством (1920-1923 гг.) (Маамяги 1990: 200-218; Засецкая 1992: 135). Многие эстонцы вернулись на родину (к 1926 г. в Ленинграде осталось 16 тыс. эстонцев). Община в городе пополнялась лишь за счет вторичной миграции из области.

Таким образом, миграционная волна, пик которой пришелся на начало XX в., вовлекла в культуру Петербургского региона на разных исторических этапах несколько поколений эстонских переселенцев и их потомков.

2.1.2. Религиозная жизнь эстонской общины

Слияние этнической и религиозной самоидентификации позволило эстонской колонии в Петербурге консолидироваться еще задолго до массового наплыва переселенцев. Эстонцы примыкали к немецким и финским церковным приходам. С 1787 г. по инициативе пастора кадетского корпуса И.Л.Гоффмана (Ludwig Hoffmann) после богослужений на немецком языке стали проводиться службы отдельно на родном языке для эстонцев-военнослужащих и их семей, а затем и для прочих петербургских эстонцев. До отделения латышей в 1839 г., у латышей и эстонцев был общий приход. Богослужения проводились в евангелическо-

лютеранской церкви Первого кадетского корпуса. В 1839 г. эстонцы вынуждены ее покинуть и богослужения стали проводить в шведской церкви Святой Екатерины.

Только в июле 1842 г. эстонцы получили разрешение на создание **эстонского прихода Святого Иоанна**, и император Николай I выделил эстонцам деньги для аренды помещений. В 1843 г. богослужения проводились в специально приспособленных для этой цели помещениях в Коломне. Для детей членов прихода осенью 1843 г. Г.Рейнфельдом (G.Reinfeldt) была организована школа, где первым учителем стал Роман Альдорф (Roman Altdorff).

Затем было решено возвести специальное здание для храма. С 1849 года пастором эстонского прихода стал Корнелиус Лааланд (Cornelius Laaland, 1824–1891), по инициативе которого был для этого приобретен участок земли. Для строительства церкви был объявлен сбор денег по всей Эстонии. 24 июня 1859 г. (Jaanipäev) состоялась закладка первого камня здания церкви и подсобных помещений.

Строившаяся в 1859-60 гг. в романском стиле из красного кирпича церковь св. Иоанна на Офицерской ул. (ныне ул. Декабристов, д. 54 А) была освящена в 1860 г. (26 ноября?)*. Внутри находилось 600 сидячих мест, в зале могло разместиться до 2000 человек.

В 1909 г. количество членов прихода св.Иоанна, живущих в черте города, достигло 22 000 человек, около 2000 эстонцев жили в пригородах Петербурга и близлежащих городах. Масштаб эстонской лютеранской общины можно представить в сравнении. В 1912 г. из 13 лютеранских приходов приход св. Иоанна являлся самым крупным - 17 000 членов (немецкий приход св. Петра – 16 000, финский приход св. Марии – 15 000) (Pullat 2004: 44, Многонациональный Петербург, 279, 280). Надо отметить, что, несмотря на невысокий социальный статус эстонцев в Петербурге, общий уровень грамотности переселенцев был очень значителен (с 1881 по 1890 гг. – второе место после немцев (от 80% до 94%), поскольку протестанты должны были овладеть грамотой к моменты конфирмации (Юхнева 1994: 44-45).

* В связи с вопросом об авторстве церкви св. Иоанна чаще всего упоминаются имена Г.А.Боссе и К.К.Циглера фон Шафгаузена. Чаще автором признается архитектор Харальд Юлиус Боссе (Harald Julius Bosse, 1812 – 1894). Здание из лицевого фасонного красного кирпича венчал шпиль с позолоченным крестом, фасад со стороны улицы украшали перспективный портал и высокая парадная лестница. Автор внешнего терракотового декора – Д.И.Иенсен. Внутри имелись резная кафедра, алтарь, хоры, две больших люстры и орган. В цокольном этаже находились жилые помещения для служителей церкви, подсобные помещения для церковной утвари и топлива, а также печь центрального отопления. Длина здания была 17, ширина – 14 и высота - 12 сажень (1 сажень – 2,13м), высота башни - 18 сажень.

Церковь св. Иоанна, находясь в одном из самых густо населенных эстонцами районе Петербурга - Коломне, стала средоточием местной эстонской общественно-культурной жизни. В церкви по выходным и праздничным дням встречались эстонцы, жившие в разных концах города.

Деятельность многих известных деятелей культуры связана с историей церкви Святого Иоанна. 21 год (1880-1891) пастором в церкви служил известный эстонский просветитель, один из лидеров эстонского национального движения Якоб Хурт, 11 лет – Рудольф Каллас, брат Оскара Калласа, автора и составителя школьных учебников на эстонском языке. В 1888-1889 гг. помощником пастора здесь являлся другой яркий деятель эстонского национального просвещения Виллем Рейман, 1902-1904 гг. эту же должность занимал Якоб Кукк, который позже стал первым архиепископом Эстонской Евангелическо-Лютеранской Церкви (ЭЕЛЦ).

Шесть лет (1898 – 1904) органистом и руководителем церковного хора работал известный эстонский композитор Рудольф Тобиас, его работу на протяжении 14 лет (1904 – 1918) продолжал композитор Михкель Людиг. Длительное время руководителем хора и оркестра был другой композитор – Йоханнес Каппель.

Строительство нового здания школы при церкви св. Иоанна связано с занятием должности пастора Якобом Хуртом в 1880 г. Старое деревянное здание стало тесным для большого прихода и его снесли. На этом же месте в 1895 г. построили новое 4-этажное здание из красного кирпича. Необходимые для строительства деньги собрали с помощью пожертвований. Школьный зал часто использовали для проведения культурных мероприятий и других собраний. Помимо эстонской школы здесь находились приют и богадельня.**

Церковь Святого Иоанна стала центром национального движения эстонцев. 26 марта 1917 г. 30 000–40 000 эстонцев собрались около здания церкви, чтобы отправиться колонной к Таврическому дворцу и передать Временному правительству ходатайство о введении в эстонском крае местного самоуправления (автономии). В здании школы находился организационный комитет. В 1918 г. школу отобрали у церкви и реорганизовали в рабочую школу. В настоящее время здание школы используется как жилой дом.

С целью укрепления финансового положения церкви и прихода рядом с церковным зданием было решено построить большой доходный дом, чтобы его площади сдать в аренду под жилье и магазины. Строительство (1910-1911 гг.) осуществлялось с помощью

** При школе церкви св. Иоанна с 1897 г. действовало Эстонское общество молодых людей лютеранского вероисповедания (см. подробнее раздел «Общественные объединения эстонцев»).

банковского займа. В 1918 г. здание отошло государству и в настоящее время здание также используется как жилой дом.

Кроме лютеран среди эстонцев были и православные. В конце XIX в. они объединились в С.-Петербургское православное братство и построили церковь во имя священномученика Исидора Юрьевского на Екатерингофском проспекте (ныне ул. Римского-Корсакова, 24), которая была освящена в 1904 г.

В конце 1920-х гг. набрала обороты антирелигиозная кампания. Решением Президиума Ленсовета от 27 июля 1930 г. в церкви св. Иоанна запретили богослужения. Она была закрыта, через пару лет здание было перестроено под клуб. Позже в здании находился Ленинградский 20-й строительный трест.

В Ленинградской области традиционно сильно работали протестантские религиозные конфессии, даже несмотря на официальную антирелигиозную политику. Важно отметить тот факт, что жители области могли принимать радиопередачи религиозного содержания из Эстонии, Латвии, Финляндии, поэтому у них изымались радиоприемники. (Смирнова 2000: 320).

Конфессиональная принадлежность, ставшая основой для консолидации эстонцев Петербурга, стала мощной духовной базой для сохранения мигрантами на новой родине своей этнокультурной идентичности. Утрата данного ресурса с закрытием церкви св. Иоанна в 1930 г. в условиях советской идеологии нанесла серьезный урон этничности.

2.1.3. Общественные объединения эстонцев

Судя по всему, именно с обостренным этническим самосознанием, социальной активностью эстонской интеллигенции и достаточно высоким культурным уровнем основной части мигрантов следует связывать создание в Петербурге в конце XIX-начале XX вв. различных эстонских обществ.

Надо отметить, что сведения об эстонских обществах в Петербурге весьма обрывисты. Даты их основания и окончания деятельности противоречивы в различных источниках. Тем не менее, чтобы иметь представление о размахе, характере и направленности эстонских организаций автором в хронологическом порядке был составлен их перечень (См. Приложение 1). Данное направление, безусловно, еще требует дополнительного внимания и углубленного изыскания.

Первое эстонское национальное общество носило название **Петербургский Эстонский патриотический кружок** или «друзья эстонского народа» (1861-1870 гг.). Его основателями

были известные в столице люди: лейб-медик Ф.Каррель, бывший одно время личным врачом Александра II, крупный чиновник морского министерства А.Юрьев, биолог Й.Йонсон, педагог Ф.Данкманн, живописец К.Л.Майбах, живописец и литограф Й.Р.Берендорф, публицист, художник и, наконец, журналист Ф.Н.Руссов. Поддержку кружку оказывал также, возможно, Густав Хирш (Федосова 1999: 58; Pullat 2004: 24). В 1862 г. к кружку примкнул выпускник Академии художеств, основатель эстонского национального искусства Йохан Келер, вскоре возглавивший демократическое крыло кружка. В 1865 г. в состав кружка вошел писатель и публицист Карл Роберт Якобсон. Примечательно, что целью организации было повышение самосознания эстонского народа, подъем его культуры путем просвещения, издание газет и литературы на родном языке. Однако деятельность общества была ориентирована не на петербургских эстонцев, а на общенациональные задачи (Исаков 1979: 182; Самойлов 1982: 81).

До конца 1870-х гг. в Петербурге существовало лишь небольшое по числу участников **эстонское общество «Edasi»** («Вперед») и кружок любителей пения при эстонской церкви, устраивавший один-два концерта в год. (Дридзо 1982: 75).

Затем в 1870-е гг. эстонцы начали спланироваться вокруг немецкого общества «Пальме», предоставлявшего свои помещения и для чисто эстонских мероприятий. В 1879 г. кружки, ансамбли и отдельные лица, участвовавшие в концертах, юридически оформились в **эстонское отделение «Пальме»** (до 1890 г.).

Спустя год, в 1880 г., было основано **Петербургское эстонское благотворительное общество**, ставившее своей задачей вести просветительную и культурную работу среди эстонского населения Петербурга, особенно малоимущих слоев, посредством расширения сети школ, организации музыкально-драматических вечеров, лекций и т.д. Общество имело отделения в Кронштадте, Луге, Гдове, Старой Руссе, Пскове. Несмотря на создание в 1883 г. объединенного **Петербургского эстонского общества**, эстонское отделение «Пальме» еще несколько лет продолжало свою работу.

В 1885 г. было создано **Эстонское школьное общество** и открыта первая эстонская школа с преподаванием на родном языке. Школьное общество ставило целью убежище, содержание, обучение и воспитание эстонских детей, организацию помощи эстонскому школьному делу в Петербурге, повышение культурного уровня эстонских масс. В начале 1900-х гг. в обществе состояло более 300 членов. Объединенным хором Школьного и Благотворительного общества из 72 певцов руководил Йоханнес Каппель. По церковным праздникам на вечерах выступал с проповедями Якоб Хурт.

В 1907 г. Благотворительное и Школьное общества объединились в **Санкт-Петербургское эстонское просветительное общество**, которое приобрело большое влияние, сосредоточив в своих руках культурную деятельность и руководство эстонскими школами. В его состав входило 7 городских и 13 загородных отделений, членами которых к 1911 г. состояло 1236 человек (787 из них – члены губернских отделений). Деятельность общества охватывала практически все стороны культурной жизни петербургских эстонцев (прежде всего, образовательную, театральную, лекционную), привлекая не только непосредственных членов общества (Дридзо 1987: 13-18).

В 1893 г. в Петербурге появилось **эстонское общество трезвости «Ustavus»** («Верность»), реализовывавшее обширную программу по пропаганде здорового образа жизни (Самойлов 1982: 83-84; Старовойтова 1987 b: 43-46). Кроме того, существовал еще целый ряд различных эстонских обществ (См. Приложение 1).

Петербург стал важным центром **эстонского молодежного движения**. В 1897 г. было создано **Эстонское общество молодых людей лютеранского вероисповедания**, целью которого было воспитание христианских нравов среди эстонской молодежи. (Старовойтова 1987 a: 21-22).

К 1910 г. число студентов-эстонцев в Петербурге выросло вдвое по сравнению с концом XIX века. Эстонские студенческие кружки в Петербурге возникли как неформальные еще в 1880-х гг. Легализация студенческих объединений относится к 1908-1913 гг. В 1908 г. был утвержден устав **Эстонского студенческого общества** (точнее его половины «Rõhjala»), истоки которого восходят к кружку «патриотов народа». Это название вскоре распространилось и на разрешенное властями Эстонское студенческое землячество при Петербургском университете. В 1913 г. был утвержден устав Эстского землячества высших сельскохозяйственных курсов (второе название – общество «Taim» («Росток»)). (Старовойтова 1987 a: 21-24; Многонациональный Петербург 2002: 119).

Эстонцы были также одними из первых в организации **спортивной работы** в Петербурге. В 1898 г. возникло **Общество эстонских силачей**. Со временем оно преобразовалось в **спортивное общество «Kalev»**, ставшее крупнейшим в России и организовавшее в 1916 г. первую в России олимпиаду тяжелой атлетики. В Петербурге также действовало другое **эстонское спортивное общество - «Võimula»**, в состав которого входила женская группа борцов-гиревиков, гастролировавшая в Европе и Азии. (Старовойтова 1987 a: 24).

После революции 1917 г. деятельность национальных обществ формально при условии их регистрации и кураторства со стороны Комнаца могла продолжаться. Так, было зарегистрировано **Петроградское эстонское спортивное общество «Калев»** (1920-1927). (Смирнова 2000: 273; Многонациональный Петербург: 849).

Одной из самых распространенных форм организации культурной жизни в послереволюционном Петрограде, особенно среди эстонцев, стали **политические клубы**. Первый из них был создан эстонским отделом Комнаца СКСО и эстонской секцией РКП(б) весной 1918 г. В июне 1918 г. был создан **Эстонский Пролеткульт**. В начале 1920 г. в Петрограде действовало 5 эстонских политических клубов, в Кронштадте – 1, в Ямбурге – 1, а также спортивный рабочий клуб «Спартак». К началу 1921 г. в Петроградской губернии было уже 42 эстонских клуба. Кроме клубов в области действовало на конец 1920 г. 25 **эстонских изб-читален** (Смирнова 2000: 303-304, 306).

В ноябре 1920 г. в Центральном эстонском коммунистическом клубе (Моховая, 15) был открыт **Эстонский пролетарский (или рабочий) Дом просвещения** (до лета 1922 г.). Примечательно, что он был первым подобным учреждением в Петрограде. С июля 1922 г. начал свою деятельность **Эстонский рабочий Дом просвещения им. В.Кингисеппа** (впоследствии – просто Эстонский Дом просвещения) на ул. Красной (Галерной), 33. В 1923 г. был открыт первый уездный национальный ДПР – Эстонский Домпросвет в Гдове (Смирнова 2000: 308, 313). Примеру эстонских организаций следовали представители других народов. Библиотеки Финского и Эстонского ДПР, по сравнению с другими, были лучше укомплектованы литературой на родном языке, поскольку в городе работали национальные издательства союзного значения (эстонское – «Külvaja»). В 1937 г. Эстонский Домпросвет наряду с остальными был ликвидирован, что автоматически предполагало и закрытие всех кружков и библиотек (Смирнова 2000: 328, 338). Заведующий О.Ганзен и другие работники Эстонского Домпросветом были репрессированы в 1936-37 гг. (Смирнова 2000: 340-341).

Широкая деятельность эстонских обществ до 1917 г., охватывавшая различные направления, сферы интересов, возрастные группы (просветительские, спортивные, религиозные, молодежные) способствовали солидаризации местных эстонцев и сохранению этнической принадлежности. Эстонские организации Петрограда – Ленинграда в 1917-1938 гг., базирясь на мощной идеологической базе, все же позволяли в рамках советской действительности приостановить быстрые темпы языковой и культурной ассимиляции эстонцев.

2.1.4. Образовательная среда эстонских мигрантов

Крепкие связи с Петербургом устанавливаются в различных областях во многом за счет образовательного потенциала столицы, который эстонцы в конце XIX-начале XX вв. стали активно использовать. Первые представители эстонской творческой интеллигенции, так или иначе связанные с этим городом, оказали решающую роль в развитии эстонской культуры (художник Й.Келер, скульпторы А.Вейценберг и А.Адамсон, композиторы Р.Тобиас, М.Саар, М.Людиг). Эстонские ученые, инженеры, военные, дипломаты, вернувшиеся после окончания обучения на родину внесли заметный вклад в формирование Эстонской Республики (Pullat 2004).

Эстонским студентам зачастую проще было поступить в учебные заведения Петербурга, чем в Дерптский университет. Само обучение в последнем, где сильны были немецкие традиции, ощущалось как отречение от своего народа (Многонациональный Петербург 2002: 115). Наряду с поддержанием контактов эстонскими студентами в Петербурге с тартуской молодежью, в деятельности эстонских студенческих обществ к. XIX – н. XX вв. широкое участие принимало столичное студенчество.

Примечательно, что **первая эстонская по языку преподавания школа** появилась именно в Петербурге - раньше, чем в самой Эстонии. Благодаря Санкт-Петербургскому эстонскому просветительному обществу к 1911 г. в Петербурге работало 7 школ, в уездах губернии – 4 (Дридзо 1987: 16). Однако школы к этому моменту назывались эстонскими уже скорее по традиции, так как обучение в них велось на русском языке, а эстонский изучался как предмет. На основании «Правил от 31 марта 1906 г.» существование национальных школ в России прекратилось: можно было только преподавать в этих школах соответствующий язык. Помимо этого, лишь в 40% эстонских школ преподавался эстонский язык (Маамяги 1976: 49, 45-46). Кроме эстонцев в таких школах обучался большой процент русских, а также латыши, поляки и немцы. Судя по составу учащихся, сгустки эстонского населения существовали на Васильевском острове, Петроградской стороне и в центре города, что согласуется с общими статистическими данными (Дридзо 1987: 17-18). Количество эстонских школ в Петербурге осталось неизменным вплоть до революции 1917 г. (Nigol 1918: 14).

Из-за дальних расстояний небольшое число детей эстонских крестьян **в губернии** могло посещать **эстонские школы**. До начала XX в. в губернии было, по имеющимся данным, всего две эстонских школы. Они были основаны по инициативе самих переселенцев при молельном доме (кирхе) в городе Луге и при кирхе в деревне Тешково (Бегуницкая

волость, Петергофский уезд) (Засецкая 1997: 59). Возникновение двух других школ в Колпино и в Вохане, как и строительство новых эстонских церквей в XX в. было связано с деятельностью С.-Петербургского эстонского просветительного общества (Дридзо 1987: 14-15). Все же этническое самосознание сельского эстонского населения сохранялось, прежде всего, за счет этноконфессионального домашнего воспитания (всего 4 школы на 40-50 тыс. эстонцев губернии).

С приходом советской власти в Ленинграде и Ленинградской области имелись школы, где обучение полностью велось на эстонском языке. Непосредственно в Ленинграде работали школы с эстонскими классами. Эстонцы также могли получить среднее специальное образование на родном языке.

Кроме того, имелись **высшие учебные заведения для эстонцев**. Первыми в Петрограде национальными вузами стали Еврейский (1918-1925) и **Эстонский университеты** (1919-1923). Управление культуры и просвещения Эстляндской Трудовой коммуны (ЭТК) во главе с Я.Я.Анвельтом 16 марта 1919 г. открыло в Петрограде **Эстонский пролетарский университет**, основной целью которого была подготовка квалифицированных кадров – педагогов и инженеров – для советской Эстонии. Педагогический отдел при Эстонском пролетарском университете стал основой **Педагогического института эстонского языка** (с 1922 г. – Эстонский Практический институт), получившего самостоятельный статус 13 мая 1920 г. В ноябре 1920 г. в университете насчитывалось 150 студентов, из которых 70 человек были командированы на учебу из эстонских колоний Петроградской губернии, а 60 человек – эстонским отделом ЦК РКП(б). Тогда среди других 26 имелась «национальная» кафедра – эстонского языка и литературы. В конце 1921 г. университет был закрыт, но в январе 1922 г. было утверждено другое эстонское высшее учебное заведение – **Институт практического народного образования**, именовавшийся с 1923 г. **Эстонским педагогическим институтом**. В том же году он преобразован в другое учебное заведение (Смирнова 2000: 192-199).

С середины 1920-х гг. стали создаваться национальные отделения при общих (русскоязычных) университетах и педагогических институтах. И первым из них в 1925 г. в **Ленинградском педагогическом институте им. А.И.Герцена** было открыто именно **эстонское отделение** – первое в Ленинграде национальное лингвистическое отделение для подготовки преподавателей родного языка и родной литературы для школ нацменьшинств повышенного типа. Лишь позднее в 1926 г. там же появились латышское, финское и польское отделения (Смирнова 2000: 200-201).

Первый созданный в Петрограде национальный **рабфак** был также **эстонский**. Он был открыт при Эстонском пролетарском университете в 1921 г. В 1926 г. при рабфаке Ленгосуниверситета одно из 4 национальных отделений было эстонским (Смирнова 2000: 203-204).

Высшее политическое образование на родном языке эстонцы могли получить в Петроградском (с 1924 г. – Ленинградском) отделении Коммунистического Университета национальных меньшинств Запада. Эстонцев обучалось в нем больше всего (в 1922/23 учебном году – 188 эстонцев, 149 финнов, 101 латыш). Основной функцией Университета была подготовка руководящих партийных кадров для национальных меньшинств, а также теоретическая подготовка руководителей зарубежных коммунистических партий. (Смирнова 2000: 208-209). Важно отметить, что в данном учебном заведении проводилась профессиональная подготовка журналистских кадров. В конце 1920-х – 30-е гг. обучение было 4-х летним. В течение трех лет преподавались около 25 учебных дисциплин, а на четвертом курсе проходила специализация. Однако процент окончивших обучение студентов был крайне невелик (40-45%) (Смирнова 2000: 209-210).

Существование эстонских школ, хотя и ограниченно, позволяла приостановить быстрые темпы языковой и культурной ассимиляции эстонцев. Эстонские образовательные учреждения давали возможность удерживать важнейший этнический признак – родной язык. Историко-политические коллизии не позволили полноценно сформироваться в Петербургском регионе эстонской образовательной системе, что сказалось в кризисе этничности последующих поколений местных эстонцев.

2.1.5. Культурная жизнь эстонских переселенцев

Весьма заметным явлением, оставившим след, как в культуре Петербурга, так и в культуре Эстонии был **эстонский театр**. Начав свою историю в 1873 г. с постановки К.А.Херманном пьесы «В деревне и в городе» в зале немецкого общества «Palme» театральное движение петербургских эстонцев активно существовало **в форме любительских трупп при различных эстонских обществах**. В нем принимали участие видные деятели эстонского и русского театрального искусства. К началу XX в. по своему уровню и мастерству петербургские любительские труппы стояли значительно выше всех других театральных коллективов Эстонии, поскольку находились в более выгодных условиях. С возникновением профессиональных театров в Тарту и Таллинне в 1906 г. петербургский эстонский любительский театр постепенно утратил свою ведущую роль.

(Самойлов 1982, Samoilov 1991). Постановки эстонских, русских, европейских сценических произведений вызывали интерес, как среди петербургских эстонцев, так и в Эстонии, о чем свидетельствует внимание эстонской прессы и звучащие в ней отзывы на спектакли. Местная пресса активно освещала театральные события (например, «Pealinna Teataja»).

К осени 1917 г. работало **Эстонское культурное бюро** при Петроградском комитете эстонских солдатских депутатов, ставившее актуальные одноактные пьесы-агитки. Действовавшие полупрофессиональные театральные труппы в ноябре 1917 г. объединились в **Эстонское театральное общество** с намерением создать профессиональный театр. **Эстонских музыкально-драматических кружков** в 1919-1920 гг. в Северной области насчитывалось около 50. В 1918 г. были созданы национальные **Пролеткульты**, в том числе, **эстонский** стал осуществлять политическое руководство над театральными коллективами. Эстонский театр возникал в разных обличьях не менее четырех раз: в 1918 г. – **театр Пролеткульта**, 1921 г. – **Агитгруппа**, 1925 г. – **театр Эстонского Домпросвета**; наконец, в 1930 г. **Эстонский театр** получил **статус профессионального** (Смирнова, 2000: 484-485, 522) и просуществовал до конца 1937 г. Помимо этого существовал эстонский неаполитанский (!) оркестр из 28 музыкантов, который также в числе других творческих коллективов был ликвидирован к началу 1938 г. (Смирнова 2000: 339-340).

Книгопечатание на эстонском языке началось в Петербурге с середины XIX в. с изданием календаря „Eesti rahwa kalender” (1851-1854), предназначенного православным эстонцам. **Различными издательствами** выпускалась также переводная художественная, историческая, медицинская, юридическая литература. Особого внимания заслуживает факт первого выхода в свет именно в Петербурге музыкальных произведений Й.Каппеля, исследований эстонского языка Ф.Й.Видеманна, программных работ К.Р.Якобсона. Заслуживает внимания и выпуск рождественских альбомов в Петербурге журналистом А.Пертом (Jõulu Album 1898, 1899). Бесценным историческим свидетельством активной деятельности петербургских эстонцев являются опубликованные отчеты и уставы обществ (Eestikeelne raamat 1995).

Массового размаха эстонское книгоиздание достигло в 1920-30 гг. Уже весной 1918 г. начал свою деятельность **издательский отдел** Временного бюро (с 19 мая 1919 г. – ЦК) эстонских секций РКП (б). Всего за 1918 г. было издано 53 брошюры общим тиражом 60 тыс. экз. Летом 1918 г. в Петрограде был открыт Эстонский Пролеткульт, где одним из отделов был издательский (Смирнова 2000).

Большая часть всей эстонской советской литературы издавалось в Петрограде. В первой половине 1920-х гг. разнообразную литературу и периодическую печать выпускало **издательство эстонской секции** Петроградского губкома РКП(б), получившее название по центральной эстонской коммунистической газете «Эдази». В 1922 г. в Петрограде было создано новое издательство – **Эстонское кооперативное издательство**, а в 1923 г. – **издательство „Külvaja”** („Сеятель»). В 1926 г. возникает единое эстонское советское издательство „Külvaja”. В 1934 году в результате реорганизации работа по выпуску литературы продолжилась в организации под названием **Эстонское издательство Товарищества иностранных рабочих в СССР**. Всего за 10 лет было выпущено в свет 622 наименования книг общим объемом 3138 печатных листов и общим тиражом 1256 тыс. экземпляров. В 1930-е гг. 41% всей издаваемой литературы на эстонском языке являлась политической. Произведения эстонских авторов были единичными и редкими: это были работы В.Кингисеппа, Н.Каротамма, О.Рястаса, Я.Анвельта, Х.Пегельмана, И.Резена, Н.Юриссона и др. К концу 1937 г. уже были репрессированы многие работники эстонской печати, а началу марта 1938 г. эстонское издательство было ликвидировано (Смирнова 2000).

Театральная, просветительская, книгоиздательская деятельность лидеров эстонской диаспоры активизировала объединение местных эстонцев, удерживала процессы ассимиляции.

2.2. Этнические и ассимиляционные процессы среди эстонцев

На ход психологической, социокультурной, экономической адаптации, то есть в целом аккультурации мигрантов, влияют причины и мотивы миграции. Для **сельского эстонского населения** Петербургского региона выделяются специфические черты - дисперсность расселения, культурная пестрота и неоднородность, обусловленная принадлежностью к разным социальным, этнографическим, этнолокальным группам, а также разницей во времени миграции, и, наконец, своеобразие этнокультурной, демографической, конфессиональной, экономической ситуации в каждом конкретном месте поселения. Это отражалось на развитии системы адаптации, которую предстояло выработать эстонским переселенцам (Засецкая 1997: 54-55).

В несколько сглаженном виде данные черты просматриваются и в системе **эстонского городского населения**. В столице эстонцы также были расселены дисперсно (Дридзо 1987: 16). Тем не менее, можно проследить традиционные районы расселения эстонцев в столице. По переписи 1890 г. больше всего эстонцев было за Нарвской заставой (13,6% от общего

числа эстонцев Петербурга), в Коломне (13,5%) и на Васильевском острове (13,4%).* К 1910 г. за Нарвской заставой и в Коломне эстонцев стало меньше (9,4% и 6,2%), а на Васильевском острове и Петроградской стороне больше (15% и 11,9%). То есть при всей дисперсности около четверти эстонских переселенцев (27,1%) расселилось поблизости с началом дороги, ведущей в Эстонию (районы Нарвской заставы и Коломны). Предпочтение впоследствии Васильевскому острову объясняется тем, что здесь находились Академия наук, Университет, Академия художеств, Горный институт, рядом с которыми старались себе снять жилье эстонские студенты, число которых значительно увеличилось в начале XX века (Pullat 1981: 31-33; Pullat 2004: 58-59). В Коломне была расположена церковь св.Иоанна, эстонские книжные магазины и пр.

Общим благоприятным и специфичным фактором развития культуры эстонских переселенцев в Петербурге являлась толерантная полиэтничная среда столицы. Для каждого социального слоя переселенцев Петербурга и Петербургской губернии была присуща определенная характеристика процесса аккультурации, языковой и этнической ассимиляции. Как уже отмечалось, точные цифры численности эстонцев, живших в Петербурге в XIX веке, не могут быть названы, поскольку по переписям, учитывающим родной язык, часть эстонцев могла оказываться в числе немцев. Это оказывается неразрывно связанным с проблемой этнокультурной идентичности эстонцев.

Горожане-мигранты из Эстонии были в основном немецкоязычными. Причем до 1880-х гг. процесс онемечивания среди осевших в столице не затухал, а продолжался. (Многонациональный Петербург 2002: 114). Не владевшие русским языком, но знавшие немецкий, приезжие эстонцы охотно примыкали к немецкой среде (нанимались в немецкие ремесленные мастерские, становились непосредственными членами немецких культурных обществ или создавали при них особые подразделения).* ** На основе разницы в данных переписей конца XIX-начала XX вв., где эстонцами считались лишь указавшие в качестве родного языка эстонский, и численностью эстонцев по реконструкциям исследователей (в последних численность выше), можно проследить, как в иноязычной среде крупного города языковая ассимиляция опережает этническую (Pullat 2004, 44).

Ввиду языкового сходства эстонцы зачастую сближались с финнами. О размытости этнических границ во вт. пол. XIX в. свидетельствует общее для всего финноязычного

* Литейная часть (9,4%), Петроградская сторона (9,1%)

** Например, эстонское отделение немецкого общества «Palme».

населения Петербурга и Петербургской губернии, в том числе и для эстонцев, названия – «чухонцы» – часто употреблявшееся в быту и в художественной литературе того времени (Филиппова 1988: 22-25).^{*} Эстонцы принадлежали к достаточно контактными социальным слоям и профессиям, выделяясь, прежде всего, языковой и религиозной принадлежностью, но со стороны петербуржцев все же четко не идентифицировались.

Далеко не все представители иноязычного населения имели возможность получать образование на родном языке. Помимо эстонских, в Петербурге имелись лишь немецкие и финские школы, способствовавшие противостоянию языковой ассимиляции. Структура самой эстонской группы отличалась единством, что сказывалось на ее сплоченности, в то время как финны четко делились на финляндцев и ингерманландцев. Помимо взаимоотношений с русскими, связи у иноэтнического населения складывались и между собой: эстонцы и немцы, эстонцы и финны. Части одной группы могли подвергаться ассимиляции в разной степени (Юхнева 1982: 48).

Эстонское население Петербургской губернии ассимиляция затронула значительно меньше. Общими для переселенческой массы губернии и важнейшими этноконсолидирующими и этновыделяющими признаками называют язык, самосознание и конфессиональную принадлежность. При этом отмечается, что устойчивому сохранению локальных групп эстонцев способствовала выработанная система социализации молодежи, где выделяются три комплекса: традиционное трудовое воспитание, этноконфессиональное образование (преимущественно домашнее), внутриэтническое и межэтническое общение эстонской молодежи (праздники, поездки в кирху и т.д.) (Засецкая 1997).

В комплекс трудового воспитания входило формирование восприятия территории проживания как своей «малой родины», закладывалась информация о «своем» (эстонском) и «чужом» (русском), тем самым, создавая основы будущего самосознания группы на основе понятий «мы-они» по этническому и территориальному признаку (Засецкая 1997: 54-58). Кроме того, как и у сибирских эстонцев, для второго поколения сельских переселенцев в Петербургском регионе характерно противопоставление «они» - это русские и «они» - это эстонцы в Эстонии. Познание отличительных/общих признаков эстонской и русской культуры явилось началом процесса адаптации и формирования этнолокальных стереотипов

^{*} В литературных источниках, по исследованию Е.И.Филипповой, чухонки упоминаются наряду с еврейками, русскими и немками в толпе нанимающихся на работу на Никольском рынке, где могли устроиться прислугой, кормилицей, подручной швеи, мужчины работали торговцами – разносчиками, занимались извозом. В литературе нашел отражение своеобразный промысел чухонцев – выращивание детей, взятых из воспитательного дома или от неимущих родителей (Филиппова 1988: 22-25).

культуры. Примечательно, что при сохранении четкого самоназвания *eestlased* и названия соседей – *venelased* (русские) и *soomlased* (финны), древнее эстонское самоназвание *maarahvas* (народ земли) превратилось в слово, обозначающее всех «людей» - местных жителей независимо от их этнической принадлежности. Формируются особые этнолокальные варианты самоидентификации: «я – лужский эстонец» («зимитицкий эстонец», «бегуницкий эстонец») (Засецкая 1997: 57-58, 62), связанные с понятием «малой родины».

Комплекс этноконфессионального образования выполнял задачу формирования четкого этнического самосознания - «я – эстонец». По наблюдениям исследователей все эстонцы, родившиеся в XX в. и прошедшие конфирмацию в лютеранской (эстонской или финской) кирхе, до сих пор имеют отчетливо выраженное этническое самосознание: «я – эстонец», вне зависимости от года конфирмации (1920-30-е гг.). Те же, кто в эти годы не прошел конфирмацию затрудняются порой ответить, кто же они: эстонцы или - «уже русские». (Засецкая 1997: 60-61). Главным идентификационным признаком для эстонцев в сибирских поселениях в условиях постепенной утраты родного языка также является лютеранство («наша вера», «эстонская вера») (Jürgenson 2000: 34-36). Тем самым религиозный признак в новых условиях (православное окружение) приобрел значение основного этнокультурного маркера.

Женщина оказывается в семье главным носителем традиционной эстонской культуры. В ходе исследований сельских эстонцев отмечается, что в смешанных семьях (20-х гг. XX в.), где мать – эстонка, отец – русский, дети (особенно дочери) так или иначе знают эстонский язык. Если же мать – русская, а отец – эстонец, то чаще всего дети не владеют эстонским языком (Засецкая 1997: 62).

Система социализации при условии дисперсного расселения эстонцев в сельских районах Петербургского региона позволила на протяжении нескольких поколений, с одной стороны, сохранить этническое самосознание, с другой – она же обеспечила успешную адаптацию мигрантов. В ходе аккультурации эстонская этническая традиция впитала инновации от соседних этнических культур, причем влияние имеет не односторонний, а взаимный характер. Фольклористы предполагают наличие заимствований из эстонской песенной культуры в репертуаре сибирских татар, русских и др. (Siin Siberi maa peal kasvavad 1995: 7). Также и многие русские Ленинградской области – бывшие соседи, друзья, одноклассники эстонцев очень хорошо помнят привозимые эстонцами рождественские эстонские сельские угощения (кровяные колбасы), танцы и даже отдельные слова (фразы) эстонских песен (Засецкая 1997: 61).

У эстонцев, как и у других народов, ассимилятивные процессы в городской среде идут значительно быстрее, чем у сельских жителей. В отчете 1912 года о деятельности Санкт-Петербургского эстонского школьного общества уже отмечалось: «Третье поколение, родившееся здесь и выросшее среди чужого народа, отказывается от языка и нравов своих родителей и теряется среди чужих». (St. Peterburi Eesti Kooli Selts 1912 по Юхнева 1982: 36). Зона этнической специфики у горожан постепенно сужается, все более сосредотачиваясь в сфере духовной культуры и этнической психологии (Старовойтова 1987 b: 10).

Ассимиляционным процессам, сопровождающим урбанистическую культуру, противопоставлялось диаспорное поведение, позволяющее актуализировать этническое начало. Необходимо отметить наличие тесных связей эстонских эмигрантов с исторической родиной. В свою очередь, благоприятная среда для адаптации ускорила процесс утрачивания родного языка.

С конца 1930-х гг. стратегией выбиралось сокрытие этнической принадлежности, вызванное этническими репрессиями и подозрительностью по отношению к эстонцам накануне финской войны. Эстония была в то время буржуазной республикой, и каждый эстонец рассматривался как «потенциальный шпион». С другой стороны, зачастую происходила осознанная смена идентичности, основанная на убеждениях советской власти о грядущей гегемонии русского языка и победе мировой революции. Соответственно воспитание детей нацеливалось на ассимиляцию, принявшую с этого времени массовый характер, что сильно отразилось на общей численности петербургских эстонцев (Калачева 1998: 140-141).

2. 3. Периодическая печать на эстонском языке в Петербурге-Ленинграде

В данном разделе дается обзор, касающийся функционирования в Петербурге-Ленинграде периодических изданий на эстонском языке до 1937 г. Важно проследить, менялись ли с ходом истории функции эстонской прессы и как это было связано в целом с общественными изменениями.

Периодическую печать на эстонском языке в Петербурге-Петрограде-Ленинграде можно разделить на три периода: 1) дореволюционный - с момента появления (конец 1880-х гг.) до 1917 г., 2) советский - 1917 – 1937 гг., 3) период возрождения - с 1998 г. (Последний период будет рассмотрен в главе 3). Чтобы наглядно представлять общую картину выходившей эстонской прессы, автором предпринята попытка составления сводной таблицы изданий в хронологическом порядке (Приложение 2).

2.3.1. Издания на эстонском языке до 1917 г.

Необходимо отметить связь рождения эстонской печати в Петербурге с лидерами национального движения Эстонии. Появление первого непосредственно периодического издания на эстонском языке в Петербурге связано с именем Якоба Хурта, вступившего с осени 1880 г. на место пастора эстонского прихода св.Иоанна. Активным интересом к журналистике и издания новой газеты в добавление к «Eesti Postimees» Й.В.Яннсена он делился в переписке с академиком Петербургской Академии художеств Йоханном Келером в 1864-65 гг., еще будучи в Эстонии (Lauk 1989: 12). Также есть свидетельства, что «петербургские патриоты», активным представителем которых и был Й.Келер, вынашивали идею выпуска периодического издания на эстонском языке в Петербурге, но этому не суждено было воплотиться в те годы. То есть, деятелей эстонского национального движения в Эстонии и в Петербурге объединяли, в том числе, и размышления о важности периодической печати для формирующегося национального самосознания эстонского народа, как на родине, так и за ее пределами.

В Эстонии Я.Хурту так и не удалось воплотить мечту о собственном издании (на выпуск журналов «Eesti Koit» и «Mesilane» не было дано разрешения), однако у него имелся опыт редактирования приложения к газете “Eesti Postimees” (1871 г.), где он реализовывал свои взгляды относительно нового написания, тематики, просвещения читательской аудитории. Став во главе эстонской лютеранской общины церкви св. Иоанна, Я.Хурт поставил задачу объединения живущих в столице эстонцев на основе общих интересов и целей, единых национальных связей. Средством для этого и послужил журнал на эстонском языке «Kiriklik Leht. Eesti Jaani kogudusele Peterburis», первый номер которого был напечатан осенью 1884 г. в Тарту в типографии А.Гренцштейна (A.Grenzstein). Часть издания занимает история создания эстонского прихода, церкви и школы в Петербурге, а также приводятся данные о прихожанах из церковной книги за 1803-1833 гг. В заключение совет церкви св. Иоанна обращается с призывом к членам прихода начать сбор средств для церковной школы (Lauk 1989: 12-15). Первый выпуск так и остался единственным, однако, значение этого издания как важного исторического источника и как первой печатной «рефлексии» петербургской эстонской общины трудно переоценить.

Изначально с Петербургом связан выпуск эстонской газеты “Virmaline”, которая выходила здесь в 1887 г., а затем стала еженедельным изданием в Нарве. Однако связь не прервалась, поскольку в ней сотрудничали представители эстонской интеллигенции

Таллинна, Тарту и Петербурга. Своими целями газета ставила объективное освещение жизни, духовное просвещение, единение во имя любви к родине. Одной из центральных проблем для газеты была судьба эстонского языка в связи с русификацией в сфере образования (Lumiste 1977: 94-96).

Тем самым, первые эстонские издания в Петербурге играли организующую и информативную роль. Издание Я.Хурта явилось фиксацией и рефлексией коллективной идентичности петербургских эстонцев. Вместе с „Virgmaline” первые эстонские газеты в Санкт-Петербурге служили сохранению эстонской культуры в условиях политики русификации.

Периодическая печать для сельского населения Петербургской губернии несла просветительскую и образовательную функции. В семьях, где культурный уровень был не столь высок и не было в доме библиотеки художественной литературы, дети учились читать по Псалтыри, учебникам и по газетам. (Засецкая 1997: 58). Как уже отмечалось, эстонские переселенцы западной зоны Петербургской губернии (Ямбургский, Петергофский, Царскосельский уезды) активно выписывали книги, журналы и газеты на эстонском языке, издававшиеся в Петербурге и в Эстонии. (Засецкая 1997: 56).

Подъем прессы на эстонском языке происходит в годы первой русской революции. Появляются печатные органы социал-демократической партии - газеты “Edasi” (“Вперед”, 1905), “Tööline” (“Рабочий”, 1907) и “Punane Lipp” (“Красный флаг”, 1907-08). При этом выходит подцензурная иллюстрированная газета “Eestlane” (“Эстонец”). Рождается печать сатирического характера - политический иллюстративный журнал “Tiitu Tasane” (1906) и приложение “Kiire Naljaosa”. В те же годы (1906-07) один раз в месяц выходит журнал, посвященный семье, науке и искусству “Album”.

В 1908 г. стала издаваться газета “Peterburi Teataja”, выходившая с разной периодичностью и сменившая несколько названий (“Petrogradi Teataja”, “Pealinna Teataja”, “Vabadus”). В ней печатались новости, объявления эстонских обществ о проводимых мероприятиях, реклама эстонского книжного издательства “Общественная жизнь” и эстонского книжного магазина и др. (Смирнова: 2002 357). Кроме того, к этому изданию выпускались приложения: “Seadus ja Kohus” (“Закон и суд”, 1909–13), посвященное вопросам правоведения, и литературно-научное (1911, 1914). Редакция газеты находилась на Офицерской улице, дом 5. На этой же улице располагались многие эстонские организации и эстонская церковь св. Иоанна (Lumiste 1977: 264).

В период между двумя революциями выходили специальные издания, отражающие различные стороны деятельности в Петербурге представителей эстонской общины: иллюстрированный спортивный журнал “Jõu-Ilm” (1914), церковное издание “Usk ja Elu” (“Вера и жизнь”, 1915-17).

С период 1905-1917 гг. эстонская печать в Петербурге проявляет свое влияние как средство политической борьбы, что нашло отражение в общественно-политическом движении в Петербурге и в Эстонии. В то же время в местной эстонской журналистике наблюдается рост регулярных изданий информативного и специализированного характера, играющих роль в информационном посредничестве и создании общественного мнения. Дореволюционная печать на эстонском языке способствовала единению эстонской общины Петербурга-Петрограда, все больше увеличивающейся к 1917 году. Пресса обеспечивала действие двух важнейших факторов поддержания этнической и культурной идентичности - сохранение родного языка и связи с родиной за счет сотрудничества с корреспондентами из Эстонии.

2.3.2. Эстонская пресса с 1917 по 1937 гг.

Осенью 1917 г. выпуск существующих эстонских петроградских газет был прекращен, но вместо них уже в ноябре того же года была предпринята попытка создать интегрирующий печатный орган эстонских обществ, военных и поселенцев - газету “Eesti” (“Эстония”), которая закрылась уже в марте 1918 г. Недолго просуществовали в новых общественно-политических условиях газеты “Kodumaa Teated” (“Вести Родины”), “Eesti Päevaleht Peterburis” (“Эстонская ежедневная газета в Петербурге”) и “Vaba Eesti” (“Свободная Эстония”) (Смирнова 2002: 374-375).

С революционным переворотом 1917 года усилилось значение печати как средства массовой информации, агитации и пропаганды. Советские власти предприняли меры, ограничивающие влияние нелояльной печати и создают приоритетные условия для работы партийной прессы. Таким образом, для эстонских, также как и для печатных изданий на других языках, начался новый этап. В ноябре 1917 г. вновь выходит эстонская газета “Edasi” (“Вперед”), ставшая первенцем и, в то же время, долгожителем советской коммунистической печати на языках национальных меньшинств (Смирнова 2002: 371-372, 380). Второй газетой стало издание “Tööline” (“Рабочий”, 1918).

Основную идеологическую задачу несли на себе теоретический журнал “Klassivõistlus” (“Классовая борьба”) (1919-1936), газета “Partei Elu” (“Партийная жизнь”) (1920-1921), первый эстонский комсомольский журнал “Noored Kommunaarid” (“Юные коммунары”) (1920-1922), исторический журнал “Proletaarne Revolutsioon Eestis” (“Пролетарская революция в Эстонии”) (1926-1933).

Был создан ряд изданий, призванных помочь формированию новой советской культуры: “Eesti Kool” (“Эстонская школа”) (1918-1919), “Tööraha Kultuur” (“Культура трудящихся”) (1919), “Uus Loomistöö” (“Новое творчество”) (1920-1921), “Kadugu Kirjaoskamatus” (“Долой безграмотность”, 1925-1927), политическое, литературное и научное издание для молодежи “Säde” (“Искра”) (1924-1929), первый советский литературно-художественный журнал “Oras” (“Всходы”, 1923-1927), журнал для женщин “Naistöoline ja talunaisterahvas” (“Работница и крестьянка”, 1927-1936). В начале 1930-х годов выходило сразу три журнала для детей и молодежи - “Oktoobrilapsed tööl” (“Октябрюта на работе”, 1932), “Alati valmis” (“Всегда готов”, 1931-1933) и “Noored Kollektivistid” (“Юные коллективисты”, 1932).

Основным газетным изданием на эстонском языке все же оставалось “Edasi” (“Вперед”), просуществовавшее вплоть до 1937 года. Кроме того, у “Edasi” выпускалось несколько приложений: сатирическое – “Vemmal” (“Дубина”, 1919), тематические – “Kirjandus ja Teadus” (“Литература и наука”, 1922), “Teadus ja Tehnika” (“Наука и техника”, 1927), “Põllumees” (“Земледелец”, 1924-1929) и “Kollektiviseerimise väerinnaal” (“На фронте коллективизации”, 1930). Литературное, научное и техническое приложение “Leegid” (“Пламя”), выходившее с 1927 г., переросло в 1932 г. в самостоятельный литературный журнал, также как и “Teadus ja Tehnika” (“Наука и техника”, 1930) вместо приложения со схожим названием.

В декабре 1937 г. одновременно с газетой “Edasi” по решению заседания бюро Ленинградского обкома ВКП(б) прекратили свое существование последний журнал на эстонском языке “Kommunismi teel” (“На пути к коммунизму”, 1936-1937) и газетные полосы на эстонском языке, выходившие в 20-30-е годы в районных газетах Ленинградской области (Гдовском, Кингисеппском, Стругокрасненском, Волосовском, Лядском). (Смирнова 2002: 447, 457). Печать на эстонском и финском языках все же просуществовала дольше всех изданий на других языках в Петрограде-Ленинграде.

Несмотря на значительные отрицательные стороны эстонской советской прессы Петрограда-Ленинграда, такие как сильнейшая идеологизированность и вторичность печатаемых переводных текстов, можно сказать, что пресса на родном языке способствовала

сохранению этнической и культурной идентичности, в некоторой степени ослабляла процесс ассимиляции, обеспечивала поддержание связи между эстонцами, проживающими в городе и области. Дифференцированность печатных изданий, в частности, наличие периодической печати для детей и молодежи, выпуск просветительских изданий давали возможность сохранять новому поколению родной язык и этническую идентичность уже в рамках советской культуры.

Обобщить все вышесказанное, можно следующими выводами:

- Петербургский регион исторически стал образовательным и культурным центром для эстонской эмиграции. Миграционная волна, пик которой пришелся на начало XX в., вовлекла в культуру Петербургского региона на разных исторических этапах несколько поколений эстонских переселенцев и их потомков.

- Благодаря эстонскому церковному приходу, школам, активной общественной и культурной деятельности петербургским эстонцам удавалось сохранять этническую принадлежность и, в то же время, успешно адаптироваться в новой среде.

- Периодическую печать на эстонском языке в Петербурге-Петрограде-Ленинграде можно разделить на три периода: 1) дореволюционный - с момента появления (конец 1880-х гг.) до 1917 г., 2) советский - 1917 – 1937 гг., 3) период возрождения - с 1998 г.

- Многочисленная периодическая печать, выходившая в Петербурге до 1917 г., несла в себе, прежде всего, просветительскую функцию, поддерживая коллективную этническую идентичность местной эстонской общины. При этом учитывалось разнообразие целевых аудиторий.

- Издания, выходившие в канун революции 1917 г. уже носят откровенно пропагандистский характер, а со временем становятся «рупорами идеологии». Тем не менее, за счет эстонского языка вплоть до своего закрытия в 1937 г. издания являются средством сохранения этнической идентичности.

- Упразднение в 1937 г. эстонской прессы в Ленинграде отразилось на целостности коллективной этнической идентичности местных эстонцев.

3. ЭСТОНСКАЯ ОБЩИНА ЛЕНИНГРАДА-ПЕТЕРБУРГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX-XXI ВВ.

3.1. Социокультурный фон

В послевоенное время эстонская община существенно сократилась, как в пределах города, так и в Ленинградской области. Число эстонцев, проживавших в области и являвшихся до войны второй по численности после финнов иноэтнической группой, составило в 1959 г. всего 5,8 тыс. чел., что в 8 раз меньше, чем в 1939 г. Значительная часть сельского эстонского населения Ленинградской области, оказавшихся в зоне немецкой оккупации, была переселена в Эстонию в 1943 г. Кроме того, численность уменьшилась из-за административных препятствий поселению на прежнем месте после войны, а также в связи с изменением границ Ленинградской области (значительная часть эстонцев проживала на части территории нынешней Псковской области, до 1944 г. входившей в Ленинградскую). С 1959 по 1989 г. число эстонцев в Ленинградской области снизилось более чем в 2,2 раза, и к 1989 г. осталось 2,6 тыс. эстонцев (0,16%). (Смирнова 2002: 84-88). Соответственно, миграция эстонцев из области в город также сократилась.

Таблица. Численность эстонцев по отношению к общему составу населения Ленинградской области по переписям 1939 г. (без Ленинграда), 1959, 1989 гг. (по Смирновой 2002: 87) и 2002 г. (Российская перепись населения 2002 г. http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_03.xls)

	1939		1959		1989		2002	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
Все население	3240,7	100	1245,0	100	1653,7	100	1669,2	100
Эстонцы	44,5	1,4	5,8	0,5	2,6	0,15	1,4	0,08

По данным первой послевоенной переписи 1959 г. численность эстонцев в Ленинграде по сравнению с 1939 г. сократилась вдвое. Затем число также неуклонно продолжало снижаться, в основном за счет ассимиляции и межэтнических браков. (Смирнова 2002: 85). К 1989 г., когда проводилась последняя официальная перепись, учитывающая этническую принадлежность в обязательном порядке, в городе проживало 5000 эстонцев.[†]

[†] По переписи 1989 г. на территории Российской Федерации проживало 46,4 тысяч эстонцев.

Таблица. Численность эстонцев по отношению к общему составу населения Ленинграда-Петербурга во вт. пол. XX – начале XXI вв.

(по Смирновой 2002: 86; данные по 2002 г. (Российская перепись населения 2002 г. http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_03.xls))

	1959		1970		1979		1989		2002	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
Все население	3340	100	3987	100	4569	100	4991	100	4661	100
Эстонцы	7,4	0,22	6,9	0,2	6,0	0,13	5,0	0,1	2,3	0,05

В ходе всероссийской переписи населения, проводившейся в октябре 2002 г. национальная принадлежность указывалась самим опрашиваемым на основе самоопределения и записывалась переписными работниками строго со слов опрашиваемых. Всего в России свою принадлежность к эстонцам указали 28 113 чел., из них 18 082 – городские жители, 10 031 – сельские (http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_01.xls). К эстонцам причисляют себя в Ленинградской области – 1 409, Санкт-Петербурге – 2 266 (для сравнения в Москве – 1 244) (http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_03.xls).

По результатам переписи эстонским языком владеют: в Российской Федерации – 26 645 чел., в Северо-Западном федеральном округе – 9 233 чел., в Ленинградской области – 1 741 чел., в Санкт-Петербурге – 3 232 чел. (для сравнения в Москве – 1 847) (<http://www.peterpis2002.ru/ct/doc/lang.xlt>).

Поскольку национальная принадлежность указывалась респондентами в добровольном порядке, ее результаты относительно этнической (национальной) принадлежности можно трактовать по-разному. Ведь из 1,5 млн. человек, у которых не заполнен ответ на вопрос переписного листа о национальной принадлежности, почти две трети – это проживающие в Москве, Петербурге и Московской области (<http://www.peterpis2002.ru/index.html?id=7>). Респондент называл или не называл сам свою этническую принадлежность, демонстрируя тем самым отсутствие или наличие этнического самосознания, или предпочитал ее не озвучивать. Тем не менее, цифры показывают снижение численности эстонцев как в Петербурге, так и в Ленинградской области по сравнению с 1989 г. примерно вдвое. Сравнение данных о численности и владении языком рисует весьма противоречивую картину.

3.1.1. «Балтикум»

С 1950-х до начала 1990-х гг. основным стимулом для индивидуальной и преимущественно временной миграции эстонцев в Ленинград служило получение образования. Присоединение Эстонии к Советскому Союзу делает эстонцев в общественном мнении «своими» - представителями советской, а значит, дружественной республики. Благодаря советской образовательной политике в вузах Ленинграда оказалось много эстонских студентов. Предпочтению именно ленинградских вузов способствовали широкий выбор специальностей и близкое расположение города к Эстонии.

Благодаря эстонским студентам возродилась эстонская жизнь города. В конце 1950-х гг. прибалтийскими студентами, учившимися в различных вузах Ленинграде, было создано культурное общество «Балтикум». В общество входили танцевальный ансамбль и хор, участники которых регулярно проводили репетиции и выступали на концертах. В деятельности общества активно принимали участие и ленинградские эстонцы, хотя поддержание связи с местными эстонцами не являлось основной целью деятельности эстонской группы этого общества.

Согласно исследованиям кросс-культурной психологии, мигранты, рассматривающие свое пребывание в иной культуре как временное (например, студенты), успешнее адаптируются за счет активных контактов с местным населением, в то время как для прибывших на постоянное жительство связи с соотечественниками являются важными и тщательно сохраняемыми. Многие из эстонских студентов успешно адаптировались в Ленинграде. Часть из них создали здесь семью и нашли рабочее место. По окончании учебы в связи с возвращением на родину или проблемой профессиональной и личностной самореализацией вопрос этнической идентификации уходил на второй план (Калачева 1998: 142). В то же время публичные выступления в совместных программах хора и танцевального ансамбля эстонских, латышских и литовских студентов в Ленинграде, Литве, Эстонии способствовали поддержанию этнической идентичности как в иноэтнической, так и в родной среде. Таким образом, эстонское студенчество являлось совершенно особой контактной группой в межкультурном пространстве Петербурга-Ленинграда.

В конце 1980-х гг. в связи с ростом движения за независимость Эстонии и неурегулированностью политических отношений между Эстонией и Россией поток студентов резко сократился. Общество «Балтикум» прекратило свою деятельность, но с ним связаны студенческие годы многих нынешних активистов Петербургского общества эстонской культуры.

3.1.2. Санкт-Петербургское общество эстонской культуры

Важным фактором для активизации диаспор Петербурга явились принятые в 1980-90-е гг. законы СССР и РСФСР о реабилитации репрессированных народов. Открылись возможности институционализации благодаря нормативным актам об общественных объединениях, закону о национально-культурной автономии (1996 г.).

Возрождение жизни эстонской общины города на Неве началось еще в 1988 г. В 1992 году официальный статус получило Санкт-Петербургское общество эстонской культуры. Изначально общество носило еще название «Эстония», которое затем было снято во избежание тавтологии. Целью общества является сохранение этнической самобытности, родного языка и культурных традиций эстонцев, постоянно или временно проживающих в Санкт-Петербурге (Малдре 2002: 24-25).

У истоков стояли бывшие участники «Балтикума». Первым председателем общества стал Э.Орав, затем 12 лет, начиная с 1992 г. во главе общества стоял Яан Малдре. Нынешний председатель Вийу Федорова была избрана на собрании общества в мае 2005 г.

Надо отметить, что какими путями шла консолидация общества. Во-первых, информация об образованном в Петербурге эстонском обществе распространялась благодаря работе Генерального консульства ЭР в Санкт-Петербурге. Председатель общества Яан Малдре, будучи советником Генерального консула ЭР, приглашал к участию в деятельности общества эстонцев, проживавших в Петербурге и обращавшимся в консульство по визовым вопросам. Впоследствии ту же деятельность проводила, работая в консульстве с 1994 по 1998 гг., и Эльвира Рейман – член правления СПб общества эстонской культуры. Во-вторых, сильным толчком послужили радиопередачи «Общины и землячества» и новостные выпуски петербургского радио в начале 1990-х гг., где рассказывалось о петербургских эстонцах, звучал призыв объединяться и давались координаты школы и курсов эстонского языка.

По сведениям Яана Малдре в конце 1990-х гг. общество насчитывало более 600 членов, треть из которых активна (Малдре 2002: 25). Список перевыборного собрания 2002 г. состоял уже лишь примерно из 250 членов общества.

В работе общества участвуют целыми семьями, и почти все из них смешанные. Около 90% членов, по данным Я.Малдре, имеют высшее образование. Многие работают в университетах, институтах и других организациях, являются признанными специалистами (Малдре 2002: 25). В 1990-х гг. в рамках деятельности общества организовывались лекции о жизни и творчестве мастеров эстонской культуры, по истории Эстонии, которые чаще всего

читал председатель Яан Малдре. Интересные личности, связанные с обществом, рассказывали о себе (например, художник по стеклу Лейда Юрген). Отмечались праздничные даты, проводились концерты и выставки силами членов общества.

В 1993 г. начали свою работу **воскресная школа для детей и курсы эстонского языка для взрослых**. Занятия проводились в разное время в различных помещениях (школах, съемных квартирах на Васильевском острове, наб. Фонтанки, церквях св. Екатерины (Большой пр. В.О., 1а – май 2001) и св. Михаила (Средний пр., 18 В.О.). Журналист в Петербурге Борис Горбунов на эстонском языке проводил для членов общества обзоры прессы, посвященные последним новостям и событиям в Эстонии. Было положено начало библиотеке общества, какое-то время она функционировала и членам общества на дом выдавались книги.

При Санкт-Петербургском эстонском культурном обществе создана сеть институций, поддерживающих этническую культуру и активно действующих на данный момент: хор “KaJa”, фольклорная группа “Neevo”, Санкт-Петербургское отделение Эстонского клуба народного творчества.

В названии хора «**KaJa**» подразумевается отзвук родной Эстонии. Коллектив был создан в 1995 г. его нынешним руководителем и дирижером Нонной Матсон-Левкович. В настоящее время в его составе порядка 20 хористов. В репертуаре хора - духовная и светская музыка, много сочинений эстонских композиторов. Репетиции хора проходили в исторически связанных с эстонцами церковных помещениях – церкви св. Екатерины и церкви св. Михаила на Васильевском острове, а также в финской церкви св. Марии на Большой Конюшенной улице. Коллектив озвучивает богослужения прихода св.Иоанна, выступает на мероприятия СПб общества эстонской культуры и концертирует самостоятельно. Важно, что хор хотя бы раз в год бывает с выступлениями в Эстонии (например, «Таллинн’98», «Тарту – посвящено Г.Эрнесаксу» (1999), Фестиваль духовной музыки музыки в Тарту (2005) др.). В 2001 г. под руководством Нонны Матсон-Левкович был создан ансамбль “Linda”, исполняющий эстонские народные песни.

Традиция находит выражение в сочетании материальной и танцевальной этнической культуры. В 1996 г. группа рукодельниц СПб Общества эстонской культуры занялась изготовлением народной одежды. В том же году три представителя делегации Санкт-Петербурга в выполненных своими руками костюмах приняли участие в «ESTO’96» в Стокгольме и Таллинне. В октябре 1998 г. было создано **Санкт-Петербургское отделение Эстонского клуба народного творчества (ЕРК)**, руководителем которого стала Вийу

Федорова. Петербуржцы активно принимают участие в организуемых ERK семинарах и летних лагерях в Эстонии и Петербурге. Консультации и поддержку оказывают сотрудники Эстонского народного музея. Многие члены Санкт-Петербургского отделения ERK входят в Общество друзей Эстонского народного музея. К 2002 г. коллектив составил 34 человека. Руками петербургских эстонцев на основе музейных образцов создано 16 комплектов народной одежды, каждый из которых максимально точно воспроизводит костюм того эстонского прихода, откуда родом сам его обладатель или его предки. Тем самым, в палитре представлена почти вся Эстония. Кроме создания костюмов в рамках кружка рукоделия, петербуржцы осваивают навыки, полученные в ходе работы лагерей и семинаров ERK — художественную обработку кожи, изготовление витражей, ткачество.

Чтобы использовать имеющиеся костюмы Криста Белоусовой было предложено организовать танцевальный кружок. Теперь мастерицам имеется возможность продемонстрировать свои костюмы и изделия на многочисленных выставках, а также во время выступлений фольклорной группы «Neevo», поскольку её состав входит в Санкт-Петербургское отделение Эстонского клуба народного творчества.

Фольклорная группа «Neevo» была создана в феврале 1998 г. под руководством Кристи Белоусовой. Группа приступила к изучению эстонских танцев при поддержке этнографического ансамбля из Нью «Anurin». К 2002 г. коллектив составлял 30 человек разного возраста – от 11 до 75 лет. В настоящий момент коллективом руководит Леонида Брашкина. Многие участники группы связаны семейными узами (родители и дети, бабушки и внуки). В репертуар фольклорной группы входит более 20 танцев, часть из которых – эстонские народные, а часть – популярные в Эстонии, и, возможно, на вечеринках эстонских обществ в Петербурге в начале XX века. Помимо участия в жизни СПб общества эстонской культуры, «Neevo» выступает на различных городских мероприятиях. Ансамбль активно сотрудничает с различными коллективами из Эстонии (например, «Leigarid»), которые благодаря мастер-классам и пополнению музыкального материала помогают повышению уровня петербургских танцоров. Коллектив несколько раз был участником мероприятий в Эстонии, а также общеприбалтийских международном фестивале «Baltica». «Neevo» - коллективный член Фольклорного Общества Эстонии. Костюм каждой участницы фольклорной группы выполнен своими руками, поскольку большинство из них занимается эстонским рукоделием в Санкт-Петербургском отделении Эстонского клуба народного творчества.

Собрания общества за неимением собственного помещения проходили в различных местах города. Долгое время таким прибежищем был Дворец культуры им. С.М.Кирова, где работала Санкт-Петербургская Региональная общественная организация «Дом национальных культур» (существует с 1989 г.), объединявшая под своей крышей большинство национальных и межнациональных общественных объединений города, в том числе и эстонское общество. Когда данная организация покинула стены ДК, эстонскому обществу для проведения крупных мероприятий приходилось арендовать помещения в школах, спортзалах. С началом восстановления эстонской церкви св. Иоанна на ул. Декабристов, 54 лит.А концерты, богослужения, репетиции, уроки эстонского языка, встречи, праздники проводились на 4-ом этаже здания.

У общества имеется свой флаг в духе национальной эстонской символики: на белом фоне ласточка с васильком в клюве, подаренный консулом Генерального консульства ЭР Юри Треем. Также были выпущены кружки с данной символикой и вручены активным членам общества.

Создание СПб общества эстонской культуры свидетельствует о всплеске диаспорного сознания в среде выходцев из Эстонии и их потомков. Немаловажное значение в данном процессе имеет поддержание культурных связей с исторической родиной (выступления в Петербурге хоров, танцевальных и театральных коллективов, встречи с официальными представителями из Эстонии, выступления коллективов петербургских эстонцев в Эстонии).

3.1.3. Приход и церковь св. Иоанна

Первое собрание эстонского прихода в составе 10 человек состоялось 5 февраля 1994 г., где был принят устав прихода. За неимением собственного помещения богослужения проходили в лютеранской церкви в г. Пушкин. Спустя год, 7 марта 1995 г., устав был утвержден архиепископом Эстонской Евангелическо-лютеранской Церкви Яном Кивитом, а 19 декабря 1995 г. – Управлением Министерства юстиции РФ Санкт-Петербурга.

В 1995 г. было выдвинуто предложение внести здание церкви св. Иоанна (ул. Декабристов, д. 54, лит. А) в реестр архитектурных памятников города. 30 октября 1996 г. эстонский приход, Санкт-Петербургское общество эстонской культуры и Генеральное консульство Эстонской Республики в Санкт-Петербурге обратились к губернатору города В.А. Яковлеву с письменной просьбой вернуть здание церкви и других принадлежащих ей помещений приходу. 29 мая 1997 г. после многочисленных согласований здание было

передано приходу в бессрочное и бесплатное пользование. Из-за отсутствия средств здание два года пустовало (Peterburi Teataja detsember 2000: 2).

В 1999 г. в связи с активной деятельностью консула Генерального консульства ЭР в Санкт-Петербурге Юри Трея обрела силу идея восстановления здания церкви св. Иоанна. 27 ноября 1999 г. состоялся первый субботник с целью приведения здания в порядок. 14 декабря 1999 г. правительство Эстонской Республики приняло решение выделить 200 000 эстонских крон для эскиз-проекта восстановления церкви. По этому проекту здание оставалось бы в том виде, как было перестроено в 1930-х гг. В газете “Peterburi Teataja” от 17 декабря 1999 г. было опубликовано обращение инициативной группы с призывом оказать содействие в восстановлении церкви. Под этим обращением сначала подписались четыре члена инициативной группы, а через несколько дней Пеэтер Луксеп (Союз эстонцев, Швеция) и Юло Ансон (Всемирный эстонский совет, США).

В декабре 1999 г. на собрании инициативной группы в Таллинне был создан Благотворительный фонд церкви св. Иоанна (Mittetulundusühing Peterburi Jaani Kiriku Fond). Председателем Фонда был избран Юри Трей, членами правления – Рейн Айдма, Пеэтер Кальдур, Юри Ланг, Рейн Потисепп, Георг Розенберг. Богослужением, фотовыставкой и выступлением Тартуского Академического мужского хора в здании церкви 25 ноября – 3 декабря 2000 г. было отмечено празднование 140-летнего юбилей церкви св. Иоанна. Благодаря пожертвованиям различных фондов, фирм, общественных организаций и частных лиц, а также сборов от благотворительных концертов эстонских коллективов из Эстонии, к сентябрю 2001 г. состоялось открытие молельного зала, подключение электричества и телефона в церковном здании (Peterburi Teataja detsember 2000: 2). Несмотря на отсутствие в здании постоянного отопления и водоснабжения, два раза в месяц проводились богослужения на эстонском языке (пасторы Пеэтер Кальдур и Хейки Тален из Эстонии), организовывались другие культурные мероприятия (концерты, выступления художественных коллективов из Эстонии, отмечаемые праздники - Рождества и пр.), проходили занятия курсов эстонского языка, репетиции фольклорного ансамбля «Neevo» и уроки рукоделия.

В январе 2002 г. Правительство Эстонской Республики выделило 375 000 эстонских крон для продолжения восстановления здания. В мае 2003 г., после переговоров с министром культуры ЭР Урмасом Паетом, было принято решение восстановить церковь в первоначальном виде. Разработан новый эскиз-проект и в настоящий момент идут предпроектные согласования. В сентябре-октябре 2005 г. рабочий проект должен быть готов

и передан в Администрацию города для получения разрешения на строительство. По предварительному плану срок ввода здания в строй - 2007 год.

Приходом был принят со временем новый устав, утвержденный Управлением Министерства юстиции РФ Санкт-Петербурга 9 июля 1999 г., где приход обрел статус местной религиозной организации (МРО) «Эстонский Евангелическо-Лютеранский приход Святого Иоанна в Санкт-Петербурге». Приход входит в состав Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии. Председателем приходского совета в первые годы существования являлся Георг Розенберг, потом приход возглавлял исполняющий обязанности председателя Александр Лягушенко. Далее по решению собрания от 9 марта 2002 г. председателем стал Пеетер Кальдур, и затем, 6 марта 2004 г. приходом была избрана Кюлли Сульг.

3.2. Этнические и ассимиляционные процессы среди эстонцев

Единое советское пространство способствовало размыванию границ этнической группы. Однако сохранившееся этническое самосознание и территориально-политическое разделение Эстонии и России вызвали в начале 1990-х гг. волну этнической идентификации среди петербургских эстонцев.

Как отмечают исследователи, для эстонцев владение родным языком является “ключевым символом” этнокультурной принадлежности. (Rootalu 2001: 41). По данным переписи населения 1989 г. родным языком эстонский признало четверть живущих в Ленинграде эстонцев (26%) (по Смирновой 2000: 215). Социологи констатируют утрату этнического кода, основанного, прежде всего, на языке, так как дети петербургских эстонцев не владеют эстонским языком (Калачева 1998: 145). Это связано, прежде всего, со смешанными браками. Исключение составляют редкие семьи, где дети-билингвы.

При этом любопытно сравнить этнические процессы, происходящие в среде петербургских эстонцев и в среде сельского эстонского населения в Сибири. Несмотря на естественный процесс перехода третьего поколения на язык страны проживания и вопреки неблагоприятным историческим обстоятельствам, как отмечают исследователи, эстонцы в Сибири относительно хорошо сохранили свой язык и культуру. К одним из наиболее устойчивых элементов в эстонских деревнях относится пение на похоронах и крещение в лютеранскую веру детей вне зависимости от их знания эстонского языка, т.е. в условиях постепенной утраты языка устойчивостью обладает конфессиональная принадлежность.

Культурная составляющая этнической идентичности в среде петербургских эстонцев сохраняется скорее не путем семейной традиции, а благодаря деятельности эстонского

общества и его институций. Конфессиональная составляющая хотя и присутствует, но не в столь широком масштабе, поскольку связана с языковыми моментами (богослужения ведутся на эстонском языке).

Для петербургских эстонцев как и других горожан наблюдается процесс сужения и сосредоточения зоны этнической специфики в сфере духовной культуры и этнической психологии, что можно считать последним ресурсом в этнокультурной политике. Именно в деятельности культурных обществ, где происходит формирование и воспроизводство этнического кода, видится будущее эстонской этнической группы в условиях большого города. (Калачева 1998: 144).

3.3. Возрождение эстонской печати

Эстонцам Ленинграда, лишившимся собственных печатных органов, в послевоенное время стала доступна подписка на печатные издания, выходившие в Эстонии. Тем самым, информационное поле на эстонском языке в области периодической прессы было открыто. В советскую эру в целом в СМИ доминировала советская наднациональная идентичность (*supranational identity*) (Castells 1998 по Jakobson 2002, 9).

Напротив, с момента получения Эстонией независимости использование эстонских СМИ сужается до минимума в связи, во-первых, с недоступностью и дороговизной подписки, во-вторых, с сокращением визитов петербургских эстонцев на историческую родину с введением визового режима. Тем самым, с начала 1990-х гг. образовался информационный вакуум. Его отчасти восполняли «инфочасы», проводившиеся Борисом Горбуновым для местных эстонцев и пресса, привозимая из Эстонии и раздаваемая работниками Генерального консульства.

Лишь в 1998 г. эстонская пресса в Петербурге стала восстанавливаться. В апреле и мае-июне появилось два номера газеты “Eestileht” (“Эстонская газета”). Издание было практически полностью русскоязычным, после двух выпусков издание прекратило существовать. Как указано в первом апрельском выпуске на первой странице, издание было учреждено инициативной группой по восстановлению и укреплению деловых и культурных связей между Эстонией и Санкт-Петербургским регионом. На последней странице значились в качестве учредителей Санкт-Петербургское общество эстонской культуры “Эстония” и ООО Издательский дом “ИЖОРА”. Главным редактором являлся Кирилл Сухоруков, а в редакционной коллегии были Яан Малдре, Николай Пейч, Андрей Тийайнен, Киру

Кельмяги, Лео Тынетало, Константин Раквереста. Издание вышло тиражом 1000 экземпляров.

В сентябре 1999 г. была воссоздана газета “Peterburi Teataja” (“Петербургский вестник”), спустя 91 год после выхода первого номера издания с таким названием. Газета является совместным органом Санкт-Петербургского общества эстонской культуры, прихода эстонской церкви св.Иоанна и Фонда церкви св.Иоанна, издается раз в квартал тиражом 700 экземпляров. Читателями являются прежде всего члены Санкт-Петербургского общества эстонской культуры и церковного прихода св.Иоанна. Газета также рассылается по центральным библиотекам Эстонии. Оно используется на курсах эстонского языка в Санкт-Петербургском обществе эстонской культуры и на кафедре финно-угорских языков в Санкт-Петербургском государственном университете. Большая часть материалов газеты “Peterburi Teataja” (“Петербургский вестник”) на эстонском языке. Для большинства носителей эстонского языка в Петербурге она является единственным доступным эстоноязычным печатным изданием.

Газета является попыткой воссоединения петербургских эстонцев, возможностью рассказать и познакомить жителей Эстонии со своей жизнью и историей, неразрывно связанной с культурным ходом развития родины предков. В то же время петербургский читатель черпает информацию о происходящем в Эстонии, тем самым, восстанавливая разорванные нити. Издание уже сейчас является ценным историческим свидетельством жизни петербургских эстонцев, своеобразной летописью современности, новейшей истории жизни диаспоры. Благодаря газетным материалам можно получить представление о происходящих событиях и фактах.

3.4. Коммуникации, СМИ и эстонская община

Если говорить о современной эстонской общине Санкт-Петербурга с точки зрения коммуникации, можно выделить несколько направлений:

- I) Внутренняя коммуникация (между отделениями общества, приходом)
- II) Внешняя коммуникация
 - a) городской и областной уровень (с другими диаспорами города)
 - b) общенациональный уровень (с дипломатическим представительством, соотечественниками)

Тем самым, диаспора имеет возможность позиционировать себя 1) «сама для себя», 2) в ряду других диаспор Санкт-Петербурга, 3) как часть эстонского народа, 4) как эстонская

диаспора. Деятельность творческих коллективов эстонского общества проходит на разных уровнях: 1) внутри общины, 2) общегородские и областные мероприятия, 3) мероприятия в Эстонии, 4) международные общеэстонские мероприятия.

Внутренняя коммуникация

СМИ

Печатным органом диаспоры с 1999 г. является газета «Peterburi Teataja», призванная охватить аудиторию, включающую членов Санкт-Петербургского общества эстонской культуры и эстонского прихода св. Иоанна. То есть, прежде всего, является «СМИ диаспоры для диаспоры». Кроме того, поскольку издание отправляется в библиотеки Санкт-Петербурга и Эстонии, отчасти оно призвано быть «СМИ диаспоры для большинства».

Мероприятия

Богослужения Службы, проводящиеся в среднем два раза в месяц по воскресеньям, посещают помимо членов эстонского прихода св. Иоанна и эстонцы-члены других лютеранских приходов, а также просто члены общества.

Праздники В традицию эстонской общины Петербурга вошло празднование Рождества, Дня матери, Jaani päev, Дня независимости Эстонской Республики.

Внешняя коммуникация

а) Городской уровень

СМИ

Радио Следует вспомнить выпуски радиопередачи «Общины и землячества» в конце 1990-х гг., рассказывавшие о петербургских эстонцах, сыгравший тогда заметную консолидирующую роль в объединении СПб общества эстонской культуры. Один из выпусков радиопередачи (30.11.1997) был посвящен подробному рассказу об эстонцах – интервью с председателем Яном Малдре, руководителем Санкт-Петербургского отделения ERK Вийу Федоровой и членом общества Леонидой Брашкиной, а также записи хора «Каја». Новостные передачи петербургского радио также не раз упоминали о тех или иных мероприятиях с участием петербургских эстонцев (например, открытие эстонской школы для детей). Выпуск радиопередачи «Общая планета» о различных народах, проживающих в Петербурге, на радио «Петербург» (FM 88,4 Мг) от 23 июля 2002 г. был посвящен петербургским эстонцам, и включал интервью автором данного исследования.

Телевидение В ноябре 2005 г. на «5 канале» ТРК «Петербург» один из сюжетов в новостном выпуске программы «Сейчас» рассказывал о приходе и ходе реконструкции церкви св.Иоанна.

Газеты Отдельные статьи о петербургских эстонцах, связях Эстонии и Петербурга появлялись в газетных изданиях (например, «Санкт-Петербургский курьер» № 17 30.04.-7.05.2003).

Журналы В информационно-аналитическом журнале «Петербург национальный», по сути дела первом и единственном периодическом издании, сфокусированном на жизни национальных диаспор города, несколько статей было о различных сторонах деятельности общества, истории и планах восстановления церкви св.Иоанна, эстонских выставках в Петербурге (июнь 2000; ноябрь 2000; ноябрь 2001; июнь 2002; 2003).

Кинопроизводство В 2002 г. киностудией «Этнос» к 300-летию города был создан документальный фильм «Многонациональный Петербург» о формировании, жизни и судьбах многонационального населения Петербурга (продолжительность - около 2 часов). Создатели фильма (режиссер – Н.Серебрякова) уделили особое внимание 4 народам – немцам, татарам, евреям и эстонцам. Премьера фильма прошла 7 февраля 2003 г. в петербургском кинотеатре «Свет», куда были приглашены представители диаспор города.

Мероприятия

Члены эстонского общества приглашаются для участия в общегородских мероприятиях и приемах для представителей диаспор Санкт-Петербурга (например, приуроченных к празднованию Дня Победы, Международного женского дня, конференция женщин многонационального Санкт-Петербурга (апрель 2000) и др.). Одним из последних крупных событий, где активно участвовали петербургские эстонцы, стало открытие 21 октября 2005 г. Дома национальных культур на Моховой улице, д. 15 - в здании, где исторически в 1920-22 гг. располагался Эстонский дом просвещения.

Фестивали, концерты Несколько лет подряд эстонский хор «Каја» и танцевальный ансамбль «Neevo» приглашались для участия в ежегодном городском фестивале «Возьмемся за руки, друзья!» и выступали среди коллективов других диаспор на крупных гала-концертах на ведущей площадке городе - Мюзик-холле.

Праздники Jaani päev несколько раз праздновался петербургскими эстонцами совместно с Обществом ингерманландских финнов, отмечающих Juhannus загородом (Сквирицы, Токсово). На такие праздники приезжали и коллективы из Эстонии (например, ингерманландский танцевальный ансамбль «Viigo», Сквирицы, 2000 г.). На подобных мероприятиях проявляется общность финно-угорской культуры.

Выставки Интерес Российского этнографического музея к петербургским эстонцам выразился в экспозиции «Петербургские эстонцы» в мае 1999 г., где на открытии выступала фольклорная группа «Neevo», а также организации эстонских дней в залах музея.

Довольно значимыми событиями являются выставки различного характера, так или иначе связанные с Эстонией, особенно когда они связаны с крупными культурными институциями Петербурга и Эстонии. Несколько заметных экспозиций, например, состоялось в выставочном зале Российской национальной библиотеки (Московский пр., 165): «Эстонские украшения» (21.02.-22.03.2003) при сотрудничестве с Эстонским Национальным Музеем, «Эстонскому флагу – 120» (14.02-март 2005) при сотрудничестве с комиссией по празднованию юбилея эстонского флага и др.

Эстонские дни в Санкт-Петербурге Как на городском, так и на районном уровне ежегодно устраиваются различные мероприятия культурного и делового обмена: дни Таллинна, дни Нарвы, дни Эстонии.

Дни эстонского языка Несколько лет, благодаря договору о сотрудничестве между Санкт-Петербургским и Тартуским университетами в городе проводятся конференции, приуроченные к Дню эстонского языка.

Областной уровень Внимание к эстонцам Санкт-Петербурга и области было привлечено на Международной научно-практической конференции «Культура-сотрудничество: «Прекрасное ведет нас через все мосты», посвященной истории и перспективам развития русско-эстонских культурных связей. Мероприятие проводилось 9-10 октября 2002 г. в Изваре в Волосовском районе – традиционном месте проживания эстонцев Ленинградской области. Событие было отражено в областном издании «Сельская новь» (19.10.2002), готовились репортажи для «Радио Россия» и «Радио Мария».

б) Общеэтнический уровень

Эстонские СМИ

Телевидение В 2002 г. был снят почти часовой документальный фильм «Таллинн-Петербург», несколько раз показывавшийся по каналу ETV эстонского телевидения (первый эфир состоялся 21.10.2002), где, в том числе, рассказывалось о жизни современных петербургских эстонцев.

Радио О событиях в жизни петербургских эстонцев слушатели в Эстонии имеют возможность узнать из репортажей журналиста Бориса Горбунова.

Несколько раз телевизионные сюжеты и радиорепортажи посвящались эстонскому обществу и церкви в Петербурге. Примечательно, что тема истории и жизни петербургских

эстонцев привлекла и молодых журналистов Эстонии. В 2005 г. студенткой Таллиннского педагогического университета Анной Коряжиной была защищена бакалаврская работа по радиожурналистике по данной тематике, а затем опубликована объемная статья «Эстонцы на берегах Невы» в русскоязычной газете «Пярнуский экспресс» (15.07.2005).

Газеты, журналы Ряд статей в газетных и журнальных изданиях Эстонии освещали историю и жизнь современных эстонцев, живущих в Петербурге.

Мероприятия

Ежегодно в течение нескольких последних лет из Эстонии в Петербург приезжают делегации в связи Днем памяти жертв политических репрессий (30 октября). Местные эстонцы и эстонские делегации совместно при содействии Генерального консульства ЭР посещают памятный камень репрессированным эстонцам, установленный в 1999 г. на Левашовском мемориальном кладбище. Данное событие не раз освещалось в эстонской прессе. Ярким событием стало открытие памятной доски поэтессе Лидии Койдула в Кронштадте 29 апреля 2000 г., в котором приняла участие Министр культуры Сигне Киви в составе делегации из Эстонии. Эти и целый ряд других мероприятий стали частью проекта «Эстонцы в Петербурге», участниками которого стали Генеральное Консульство ЭР, Благотворительный фонд церкви св.Иоанна, Эстонский Евангелическо-лютеранский приход св.Иоанна, Санкт-Петербургское общество эстонской культуры и Фонд эстонской музыкальной культуры (Peterburi Teataja, Nr. 12, juuni-juuli 2002). Вдохновителем его стал консул г-н Юри Трей.

Богослужения В богослужениях прихода св. Иоанна иногда принимают участие делегации и творческие коллективы из Эстонии. Кроме того, пасторы эстонских приходов иногда осуществляют совместное служение с пастором петербургского прихода.

Итак, в заключении можно сказать, что:

- Коллективная этническая идентичность эстонцев, живущих в Петербурге, актуализировалась в период крупных политических изменений, касающихся как Эстонии, так и России. Это нашло отражение в создании ряда социальных институтов - прихода и общества.

- СМИ исторической родины являлись в 1950-80-х гг. единственным ресурсом этнической прессы для ленинградских эстонцев, поддерживая связь с родиной и этнической культурой.

- Возрожденное эстонское издание как СМИ диаспоры является попыткой заполнить информационный вакуум и призвано сохранять этническую идентичность местных эстонцев.

4. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

4.1. Методология

При выборе методики для эмпирической части данного исследования было решено использовать сочетание количественного и качественного подходов. Количественный метод анкетного опроса позволил охватить значительную часть возможных респондентов и провести сравнительный анализ полученных данных, составив на его основе наглядные таблицы и диаграммы. Интервьюирование (полуструктурированное интервью) как качественный метод дополнило и углубило данные анкетирования.

Исследование проводилось преимущественно среди членов Санкт-Петербургского общества эстонской культуры и Эстонского Евангелическо-Лютеранского прихода Святого Иоанна в Санкт-Петербурге.

4.2. Выборка и проведение анкетного опроса

Программой целью исследования стало определение специфики идентичности и использования СМИ представителями эстонской общины Петербурга.

Задачи исследования:

- определить примерный круг источников и характер использования СМИ
- выяснить социально-демографические характеристики
- выявить место этнокультурной составляющей в общей иерархии социальной идентичности

При составлении анкеты для опроса в рамках данной магистерской работы (см. Приложение 3) была использована анкета, разработанная в ходе прохождения курса «Методы изучения медиа и коммуникации» во время учебы в магистратуре Тартуского университета, дополнена и усовершенствована с учетом результатов пробного опроса по исследовательской программе "Медиа в жизни членов Санкт-Петербургского общества эстонской культуры".

Анкета содержала вопросы на эстонском и русском языках параллельно. Большинство вопросов носили «закрытый» характер. «Открытыми» являлись лишь пункты «иное» в вопросах, уточняющие религиозную принадлежность, уровень и сферу образования, статус, место рождения и место, где прошло детство, родной язык, место изучения языка. В конце анкеты по желанию в свободной форме предлагалось выразить мнение или предложения по поводу деятельности СПб общества эстонской культуры и Эстонского прихода св.Иоанна.

Опрос проводился среди представителей активной части эстонской общины: членов петербургской эстонской членов Санкт-Петербургского общества эстонской культуры и Эстонского Евангелическо-Лютеранского прихода Святого Иоанна в Санкт-Петербурге. Поскольку перепись населения 2002 г. была анонимна, а точных данных и единого списка СПб общества эстонской культуры не существует, проведение вероятностной выборки из генеральной совокупности не представлялось возможным. В работе была использована **выборка доступных случаев целевого отбора**. Разумеется, в подобных условиях возможность обобщения для генеральной совокупности, то есть внешняя валидность результатов исследования, страдает. Тем не менее, анкетирование дало некоторую картину, отражающую позиции актива эстонской общины Петербурга.

Анкеты были предложены членам общества и прихода, пришедшим на проводимые мероприятия (концерты, богослужения, лекции, репетиции и пр.) в период с 25.12.2004 по 25.04.2005. Часть анкет была заполнена на месте, часть была возвращена позднее. В условиях крупного города пришлось прибегнуть к телефонному опросу тех, у кого анкета была на руках, но возможности личной встречи не представлялось. Количество заполненных анкет составило - 100. При анализе данных была составлена сводная таблица MS Excel ответов респондентов на все вопросы анкеты, на основе которой сформированы таблицы, отражающие основные результаты исследования. В ходе анализа респонденты были разделены по возрасту на три поколения: старшее (старше 60 лет), среднее (30-59) и молодое (моложе 30 лет).

4.3. Интервьюирование

Программой целью исследования стало определение специфики идентичности и использования СМИ представителями эстонской общины Петербурга.

Задачи исследования:

- определить примерный круг источников и характер использования СМИ
- уточнить социально-демографические характеристики
- выявить специфику этнокультурного самосознания, выявить характерные черты этнокультурной идентичности

Предварительно для полуструктурированного интервью был составлен опросник (см. Приложение 4), содержащий два тематических блока, один из которых касался идентичности респондента, а другой – использования им средств массовой информации.

В ходе исследования были взяты интервью у 14 представителей эстонской общины Петербурга. Интервьюирование проводилось в период с июля по ноябрь 2005 г. при помощи диктофона в личном общении с респондентом лицом к лицу. Продолжительность интервью составляла по времени от 30 минут до 2 часов. Для анализа респонденты были поделены по группам по возрасту на три поколения: старшее (старше 60 лет), среднее (30-59) и молодое (моложе 30 лет), месту рождения, родному языку и поколению, живущему в России.

При анализе в работе приводятся цитаты из транскрипций интервью, обозначенные *курсивом*. Перед цитатой в скобках обозначается, из какого интервью она использована. В тексте используются сокращения: Ст. – старшее, Ср. – среднее, М. – молодое; Э. – Эстония, Л. – Ленинград, Л.о. – Ленинградская область, Н.о. – Новгородская область. Цифрой обозначается, в каком поколении по эстонской линии респондент живет в России. Например - (Ст., Э, 1).

Результаты анкетного опроса и интервью не претендует на обобщения, касающиеся всего эстонского всего населения Петербурга.

4. СОВРЕМЕННЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЭСТОНЦЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

4.1. Итоги анкетного опроса

4.1. 1. Социодемографические характеристики

Таблица 4.1. Характеристика выборки по полу, возрасту и уровню образования.

пол	мужчины	28
	женщины	72
возраст	Моложе 30	11
	30-59	35
	Старше 60	54
образование	Неполное среднее	8
	Среднее, среднее специальное, неполное высшее	27
	высшее	64
	Не указано	1

Пол, возраст, семейное положение

В выборку попало 28 мужчин и 72 женщины. Из них большинство (54 чел.) в возрасте старше 60 лет, из которых 35 человек – женщины. При этом молодежь (моложе 20 и 21-29 лет) составляет лишь 11 человек. Примечательно, что молодых мужчин от 21 до 29 лет в выборку не попало ни одного. В то же время, женщины старше 50 лет составляют почти половину (46) от всей выборки (Прил. 4, Табл. 1).

Собственно, это отражает неотвратимое «старение» СПб общества эстонской культуры, основной костяк которого составляют люди старшего поколения. Кроме того, заметен явный перевес женщин в обществе, что может быть связано, прежде всего, с их общественной активностью, большей продолжительностью жизни и миссией женщины как носительницы традиции.

В отношении семейного положения респондентов можно сказать следующее. Подавляющее большинство мужчин-респондентов (21 из 28) состоят в официальном браке, тогда как большая часть женщин – вдовы, одинокие, живущие отдельно или в разводе (50 из 72) (Прил. 4, Табл. 2).

Образование

Более половины респондентов (64 из 100) имеют высшее образование, из них 7 человек имеют научную степень. Следует отметить довольно высокий уровень образования петербургских эстонцев, особенно принимая во внимание наличие научных степеней: доктор философских наук, Doctor of Science (техника), 3 кандидата технических наук, кандидат исторических наук, Master of Science (экономика) (Прил. 4, Табл. 3).

Сфера образования петербургских эстонцев весьма разнообразна, однако можно проследить явный уклон в техническую «сторону». Около четверти респондентов (24) указали сферой образования – «чисто» техническую. Более половины из них (15) имеют высшее образование. Кроме того, значительная часть респондентов (13) указала техническую сферу в качестве составляющей своего образования, подавляющая часть которых также имеют высшее образование. Тем самым, среди эстонской общины Петербурга довольно ярко представлена техническая интеллигенция.

Второй значительной сферой образования является гуманитарная/художественная (17). Здесь также превалирует доля людей с высшим образованием (12). Гуманитарная сфера сочетается с иной еще у 9 респондентов. Кроме того, заметно представлены и другие сферы: медицинская (7), педагогическая (6) и т.д. (Прил. 4, Табл. 4).

Статус

Большинство респондентов пенсионного возраста так и определили свой статус. Однако часть респондентов, будучи на пенсии, работает. 10 человек в возрасте до 29 лет являются учащимися, один из которых отметил дополнительно свой статус еще и как рабочего. Большинство респондентов работоспособного возраста работают служащими. Некоторая часть (4) является предпринимателями. (См. Прил. 4, Табл. 5)

Следовательно, по итогам анкетного опроса социодемографический состав современных петербургских эстонцев можно охарактеризовать следующим образом. Большая половина представлена людьми старшего поколения (старше 60 лет), что отражает процесс «старения» петербургской эстонской общины. В составе очевиден явный перевес женщин, что во многом связано с общественной активностью, большей продолжительностью жизни и миссией женщины как носительницы этнической традиции. В целом весьма высок уровень образованности, при этом заметно преобладание представителей технической интеллигенции.

5.1.2. Идентичность

Для возможности самоидентификации респондентам был предложен вопрос номер 8: «С кем из перечисленных ниже Вы чувствуете некоторое сходство, так что в отношении них и себя можете сказать «мы»?» (Приложение 3). Сам вопрос и база для перечисления групп были взяты за основу из опросника исследования «Mina. Maailm. Meedia» (Eesti elavik 2004: 378). Однако типы социальных категорий были несколько видоизменены и адаптированы к данному исследованию. Прежде всего, уклон был сделан к вариативности этнических и этнотерриториальных идентичностей. Список включал 31 группу, представленную в анкете в случайном порядке. Вопрос был многовариантным, то есть отвечающий мог отметить все подходящие ответы.

В Таблице 4.2. группы распределены по крупным значимым категориям в порядке их популярности среди опрошенных. Из нее явствует, что для респондентов сравнительно высоким, что вполне закономерно, является **отождествление с ближайшим родственным и ежедневным кругом общения**. Причем примерно в равном соотношении находятся категории, связанные с кровным родством («семья» - 79, "родственники" - 71), так и с дружескими взаимоотношениями ("друзья" - 71). Заметно меньше идентификация с "сотрудниками, коллегами по работе" (35), "одноклассниками, сокурсниками" (30). С "соседями, людьми из моего дома, с моей улицы" идентифицирует себя лишь четверть респондентов (24), что вполне характерно для жителей крупных городов.

Духовная общность оказывается весьма важной для опрошенной аудитории (с людьми, с которыми у респондента есть общие интересы - 60, общие переживания, воспоминания - 59, у которых такие же взгляды - 55, одни и те же вкусы, схожие предпочтения – 47). Это подчеркивает социальную активность, важность социальных связей и общего опыта. Для респондентов также оказывается довольно важным понимание со стороны окружающих. Также важна внутр поколенческая связь (38).

Что касается более **глобальной общности**, то треть респондентов (32) относят себя к «европейцам», 29 - ощущает общность с понятием "человечество".

Таблица 4.2. Присвоение идентифицирующих категорий.

Отождествление с ближайшим родственным и ежедневным кругом общения	
Perekond / Семья	79
Suguvõsa / Родственники	71
Sõbrad / Друзья	71
Töökaaslased, kolleegid / Сотрудники, коллеги по работе	35
Õpingukaaslased / Одноклассники, сокурсники	30
Naabrid, oma maja, tänavaga inimesed / Соседи, люди из моего дома, с моей улицы	24
Духовная общность	
Inimesed, kellega mul on ühised huvid / Люди, с которыми у меня общие интересы	60
Inimesed, kellega jagan ühiseid elamusi, mälestusi mingitest sündmustest või ettevõtmistest / Люди, с которыми у меня есть общие переживания, воспоминания о вместе пережитых событиях	59
Inimesed, kelle vaated elule on minu omadega sarnased / Люди, у которых такие же взгляды как у меня	55
Inimesed, kellega mul on üks maitse, sarnased eelistused / Люди, с которыми у меня одни вкусы, схожие предпочтения	47
Minu ea- ja põlvkonnakaaslased / Люди моего возраста, мое поколение	38
Глобальная общность	
Eurooplased / Европейцы	32
Inimkond / Человечество	29
Политическое и территориальное отождествление	
Peterburi elanikud / Жители Петербурга	46
Kõik inimesed, kes Venemaal elavad / Все люди, живущие в России	35
Kõik inimesed, kes Eestis elavad / Все люди, живущие в Эстонии	21
Need, kellega on ühine kodakondsus, kaaskodanikud / Люди, с которыми у меня одно гражданство	19
Этнокультурная и этнотерриториальная общность	
Peterburi eestlased / Петербургские эстонцы	75
Eestlased / Эстонцы	54
Inimesed eesti juurtega / Люди с эстонскими корнями	54
Eesti kultuuri inimesed / Люди эстонской культуры	51
Inimesed "eesti" iseloomuga / Люди с «эстонским» характером	43

Venemaa eestlased / Российские эстонцы	40
Vene kultuuri inimesed / Люди русской культуры	36
Eestimaa eestlased / Эстонцы в Эстонии	32
Eestist pärit inimesed / Люди родом из Эстонии	31
Inimesed “vene” iseloomuga / Люди с «русским» характером	22
Ida-eestlased / Восточные эстонцы	19
Venemaa venelased / Русские в России	19
Eesti venelased / Русские в Эстонии	16
Väliseestlased / Зарубежные эстонцы	15

В категории, условно названной - **политическое и территориальное отождествление**, можно наблюдать довольно невысокую степень идентификации с согражданами (19). Респондентов, ассоциирующих себя со «всеми людьми, живущими в России» несколько больше (35), чем «всеми людьми, проживающими в Эстонии» (21), что, впрочем, объясняется основной страной проживания опрошенных (Прил. 4, Табл. 6). При этом заметна связь с другими горожанами. Довольно высок процент отождествления с жителями Петербурга (46).

Этнокультурная и этнотерриториальная общность

Чуть более половины (54) опрошенных идентифицируют себя с эстонцами. Любопытно, что в возрастном срезе данная идентичность доминирует среди людей старше 60 лет и младше 20 лет (Прил. 4, Табл. 7).

При этом лишь половина из них (27 чел из 54) ощущают сходство с «эстонцами в Эстонии». В то же время, 5 человек подчеркнуто ассоциируются себя не с «эстонцами» вообще, а именно с «эстонцами в Эстонии» (См. Прил. 4, Табл. 8). Показательно, что 12 человек причисляют себя именно к «российским эстонцам», а больше половины, из идентифицирующихся с «эстонцами» в то же время относят себя и к «российским эстонцам» (28 из 54). (См. Прил. 4, Табл. 9) То есть, на фоне этнического тождества обнаруживают себя этнотерриториальные различия.

Меньшей популярностью пользуются размытые понятия «восточные эстонцы» и «зарубежные эстонцы», тем не менее, наличие определенной доли их использования респондентами вырисовывает нюансы этнотерриториальной самоидентификации опрошенных (Прил. 4, Табл. 10, 11).

$\frac{3}{4}$ всех респондентов (75 из 100) выбрали ответ «петербургские эстонцы». При этом подавляющая часть респондентов, отождествляющая себя с «эстонцами», выбрали и пункт «петербургские эстонцы» (46 из 54) (См. Прил. 4, Табл. 12). Примечательно, что данная идентичность превалирует во всех возрастных группах. (См. Прил. 4, Табл. 13) Таким образом, специфическое этнотерриториальное самоназвание «петербургский эстонец» - доминирующая идентичность среди опрошенной группы.

Любопытно отметить и другие нюансы идентичности, связанные с этнической идентичностью. Так, например, 54 респондента называют себя «людьми с эстонскими корнями», что подчеркивает этническую преемственность, родовую память. 31 причисляет себя к «людям родом из Эстонии», что напрямую связано с понятием «родина», важным при самоидентификации.

Этнокультурную принадлежность позволяют выявить показатели принадлежности к «людям эстонской культуры» и «людям русской культуры». Любопытно, что 29 человек причислили себя сразу к обеим категориям, что выявляет процессы аккультурации в среде эстонцев Петербурга (Прил. 4, Табл. 14).

К разряду этнических стереотипов можно отнести пункты «люди с «русским» характером» - «люди с «эстонским» характером». Здесь опять же примечательным видится, что 18 респондентов отметили свою принадлежность к обоим характерам (Прил. 4, Табл. 15).

Довольно заметная часть респондентов чувствует сходство и с «русскими в Эстонии» (16) и с «русскими в России» (19), что, видимо, объясняется обрусением и наличием тесных контактов (Прил. 4, Табл. 16).

Таблица 4.3. отражает популярность групп в процессе самоидентификации среди опрошенных. Обращает на себя внимание тот факт, что понятие «петербургские эстонцы» занимает высокую вторую позицию, оказываясь наравне с родственными категориями. То есть можно предположить, что данная идентичность, действительно, оказывается достаточно важной и определяющей среди опрошенной группы. Категории духовной общности также в целом стоят на заметном месте.

Таблица 4.3. Популярность идентифицирующих категорий среди информантов.

	Категории	Всего
1	Perekond / Семья	79
2	Peterburi eestlased / Петербургские эстонцы	75
3	Suguvõsa / Родственники	71
4	Sõbrad / Друзья	71
5	Inimesed, kellega mul on ühised huvid / Люди, с которыми у меня общие интересы	60
6	Inimesed, kellega jagan ühiseid elamusi, mälestusi mingitest sündmustest või ettevõtmistest / Люди, с которыми у меня есть общие переживания, воспоминания о вместе пережитых событиях	59
7	Inimesed, kelle vaated elule on minu omadega sarnased / Люди, у которых такие же взгляды как у меня	55
8	Eestlased / Эстонцы	54
9	Inimesed eesti juurtega / Люди с эстонскими корнями	54
10	Eesti kultuuri inimesed / Люди эстонской культуры	51
11	Inimesed, kellega mul on üks maitse, sarnased eelistused / Люди, с которыми у меня одни вкусы, схожие предпочтения	47
12	Peterburi elanikud / Жители Петербурга	46
13	Inimesed “eesti” iseloomuga / Люди с «эстонским» характером	43
14	Venemaal eestlased / Российские эстонцы	40
15	Minu ea- ja põlvkonnakaaslased / Люди моего возраста, мое поколение	38
16	Vene kultuuri inimesed / Люди русской культуры	36
17	Kõik inimesed, kes Venemaal elavad / Все люди, живущие в России	35
18	Töökaaslased, kolleegid / Сотрудники, коллеги по работе	35
19	Eestimaa eestlased / Эстонцы в Эстонии	32
20	Eurooplased / Европейцы	32
21	Eestist pärit inimesed / Люди родом из Эстонии	31
22	Õpingukaaslased / Одноклассники, сокурсники	30
23	Inimkond / Человечество	29
24	Naabrid, oma maja, tänava inimesed / Соседи, люди из моего дома, с моей улицы	24

25	Inimesed “vene” iseloomuga / Люди с «русским» характером	22
26	Kõik inimesed, kes Eestis elavad / Все люди, живущие в Эстонии	21
27	Ida-eestlased / Восточные эстонцы	19
28	Venemaa venelased / Русские в России	19
29	Need, kellega on ühine kodakondsus, kaaskodanikud / Люди, с которыми у меня одно гражданство	19
30	Eesti venelased / Русские в Эстонии	16
31	Väliseestlased / Зарубежные эстонцы	15

5.1.3. Владение эстонским языком

Менее чем для половины респондентов (41) родным языком является эстонский, а для 51 - русский. Оба языка в качестве родного отметили 7. Один респондент родным языком указал эстонский, русский и иной.

Примечательно, из указавших эстонский в качестве родного, 7 человек посчитали необходимым отметить, что лишь немного говорят и читают по-эстонски. (Хотя вопрос был адресован респондентам, для кого эстонский не является родным). Тем самым, анкетированные желали, видимо, подчеркнуть нынешнее несовершенное владение родным языком.

Из той половины, для кого эстонский язык не является родным: 7 - свободно говорят и читают, 23 - немного говорят и читают, 14 - владеют плохо эстонским языком, 7 – не владеют вообще.

63 респондента отметили, что изучали эстонский язык в семье, в кругу родственников, 31 - в школе в Эстонии, 24 - самостоятельно, 22 - на курсах эстонского языка при СПб обществе эстонской культуры, 1 - в эстонской школе в Ленинграде или Ленинградской области, 3 - изучали иначе. Не изучали эстонский язык вообще 5 от всего числа респондентов.

Респондентам, не владеющим эстонским языком или владеющим плохо, было предложено ответить на вопрос о желании его изучать. Из решивших ответить на данный вопрос (45 из 100), положительный ответ дали 42, отрицательный -3.

5.1.4. Религия

Большая часть респондентов (55 из 100) признала наиболее близкой религией лютеранство. Для четверти (25) близко православие. Примечательно, что 6 респондентов отметило обе конфессии - и лютеранство, и православие, что также является свидетельством

бикультурности петербургских эстонцев. Еще для 6 близкой является некая иная религия (индуизм, синтоизм, буддизм, дониконовское православие, религия предков, свидетели Иеговы) (Прил. 4, Табл 17).

5.1.5. Связь с Эстонией

Эстония является родиной лишь для трети респондентов (29), прежде всего, для людей старше 60 лет. Другая треть (32) – коренные жители города. Значительная часть опрошенных (39) родилась за пределами как Эстонии, так и Ленинграда (Петербурга), в том числе, в Ленинградской, Псковской, Новгородской области – традиционных районах вторичной миграции эстонцев в Петербург (Прил. 4, Табл. 18).

Свое детство в Эстонии провели также около трети респондентов (28), в основном контингент старше 60 лет. Значительная часть опрошенных детство провели отчасти в Эстонии (39). Таким образом, детские годы большинства из опрошенных связаны с Эстонией, что, безусловно, отражается в идентичности (Прим. 4, Табл. 19).

Из тех, кто родился и вырос не в Ленинграде (Петербурге), большинство респондентов живет в этом городе свыше 40 лет. Разумеется, имеется в виду возраст старше 60 лет. В целом, можно сказать, что подавляющее число респондентов прожило в Петербурге большую или значительную часть своей жизни. Отчетливо наблюдается уменьшение миграционного притока эстонцев в город с течением времени (Прим. 4, Табл. 20).

Чуть более трети респондентов (34) часто посещают Эстонию, иногда по несколько раз в год. 23 человека были в Эстонии за последние 5 лет несколько раз, 26 - 1-2 раза, 17 - не ездили вообще. То есть тесная связь с Эстонией имеется на сегодня далеко не у всех опрошенных (Прил. 4, Табл. 21).

5.1.6. Участие в жизни петербургских эстонцев

Большинство респондентов принимают активное участие в жизни петербургских эстонцев. Подавляющее число опрошенных являются членами Санкт-Петербургского общества эстонской культуры (88). Из них большая часть (83 из 88) посещают мероприятия общества. 9 посещают мероприятия общества, не являясь его официальным членом.

Кроме того, довольно активно участие в религиозной деятельности. Более половины опрошенных (53) ходят на богослужения Эстонского прихода св. Иоанна, 31 участвует в субботниках по восстановлению церкви св. Иоанна, 28 делает денежные взносы в Фонд церкви св. Иоанна.

21 респондент из опрошенной группы являются членами эстонского хора «KaJa», 19 - членами танцевального ансамбля «Neevo», а 3 - участники обоих творческих коллективов. Рукоделием в качестве члена Санкт-Петербургского отделения Эстонского клуба народного творчества занимаются 11, при этом 8 параллельно танцуют в ансамбле «Neevo». 9 посещают курсы эстонского языка при Санкт-Петербургском обществе эстонской культуры. 10 сотрудничают с эстонской газетой в Санкт-Петербурге «Peterburi Teataja».

9 человек признались, что не участвуют в организациях и мероприятиях петербургских эстонцев и высказали желание принять участие. В то же время 2 указали, что не участвуют и не имеют такого желания.

Этнокультурная идентичность представляет собой сложное явление, зависящее от целого комплекса социальных условий (не только родного языка и среды воспитания). В этнокультурной идентичности могут происходить изменения. Ее границы подвижны, а критерии расплывчаты. Поэтому интересно пронаблюдать даже на результатах данного опроса, что люди, владеющие эстонским языком, выросшие в эстонских семьях, но долгое время (а порой всю жизнь) прожившие за пределами исторической родины, "уже" не ощущают себя носителями эстонской культуры, в то время как русскоязычные респонденты, тем или иным образом связанные с Эстонией, чувствуют себя носителями эстонской культуры (рискнем предположить, что, прежде всего, "нерусской культуры").

5.1.7. Использование средств массовой информации

Рассматривая доступные источники информации в период детства респондентов и в настоящий момент, можно проследить, что у подавляющего большинства респондентов в доме детства и в настоящий момент имелись и имеются книги как на эстонском, так и на русском языках. Как видно из приведенной таблицы, в детские годы большинство респондентов имело в доме книги на русском (84) и эстонском (64) языках, а также газеты (65) и радио (65) на русском языке. Около половины опрошенных имели в доме газеты на эстонском языке (48%), а также журналы на эстонском (44) и русском (54) языках. Меньшей половине было доступно радио на эстонском (41), телеканалы на русском (47) и эстонском языках (21). Газет на эстонском языке имелось в детстве у большего числа респондентов, зато сейчас наблюдается явный перевес русскоязычных газетных изданий (Таблица 5.1.7.1.).

Таблица 5.1.7.1. Наличие источников массовой информации в прошлом и настоящем

	Было дома в детстве	Теперь...			Не ответили
		...есть	...нет, но хочу, чтобы было	...нет, и не хочу	
1. Книги на эстонском языке	64	76	18	3	3
2. Книги на русском языке	84	97	1	-	2
3. Журналы на эстонском языке	44	37	48	11	4
4. Журналы на русском языке	54	79	12	7	2
5. Газеты на эстонском языке	48	39	45	10	6
6. Газеты на русском языке	65	82	7	9	2
7. Радио на эстонском языке	41	13	69	11	7
8. Радио на русском языке	65	94	2	2	2
9. Телеканалы на эстонском языке	21	6	76	11	7
10. Телеканалы на русском языке	47	92	2	4	2

К сожалению, не на все пункты данного вопроса были даны ответы всеми респондентами, что объясняется либо нехваткой времени, либо довольно длинным перечнем.

Говоря о наличии источников информации на сегодня, наблюдается явный перевес источников на русском языке. Вполне закономерно, что подавляющее большинство имеет сейчас в доме на русском языке книги (97), радио (94) и телеканалы (92). Также довольно высок процент газет (82) и журналов (79) на русском языке. Книги на эстонском языке есть у 76. Заметно ниже процент доступности средств массовой информации на эстонском языке: газеты – 39, журналы – 37, радио – 13, телевидение – 6.

При этом желание иметь доступ к источникам информации на эстонском языке вполне очевиден. 76 хотели бы иметь телеканалы на эстонском, 69 - радио, 48 - журналы, 45 - газеты, 18 - книги.

На вопрос «Какие источники, из которых Вы получаете информацию о каждом из перечисленных ниже мест, для Вас наиболее важны?» респондентам предлагалось отметить три подходящих ответа в каждом ряду. Надо сказать, что далеко не во всех анкетах выполнялось данное условие, и в ряду оказывалось больше или меньше трех отмеченных цифр. Тем не менее, на основе этих данных можно получить некоторое представление.

Исходя из данных таблицы, основными источниками информации о происходящем в Петербурге, России и мире для респондентов являются, прежде всего, телевидение (80-87), периодическая печать (69-79) и радио (58-67). Примечательно, что именно периодическая печать, а не радио, стоит на втором месте по важности. В получении информации о происходящем в Петербурге высок также процент субъективных источников - «собственный опыт, впечатления» (45), «близкие, знакомые» (35) (Таблица 5.1.7.2.).

Таблица 5.1.7.2. Значимость источников информации.

	Собственный опыт, впечатления	Близкие, знакомые	Газеты, журналы	Радио	Телевидение	Интернет	Нет к этому интереса
Происходящее в Петербурге	45	35	69	58	80	9	-
Происходящее в России	23	32	72	65	86	13	-
Происходящее в Эстонии	46	81	45	29	51	14	1
Происходящее в мире	15	17	79	67	87	19	-

О происходящем в Эстонии информация черпается, прежде всего, от близких и знакомых (81). Высока роль собственного опыта и впечатлений (46). Средства массовой информации явно отходят на второй план – телевидение (51), периодическая печать (45), радио (29).

В целом, следует отметить весьма невысокий процент популярности интернета как источника информации (Таблица 5.1.7.3.). Лишь треть респондентов (30 из 100) вообще пользуются интернетом. Число пользователей Интернетом невелико не только среди представителей старшего поколения (9 из 54), но и среди среднего (14 из 35) поколения. Даже не все представители молодежи пользуются интернетом (7 из 11).

Что касается частоты использования тех или иных источников информации, по данным приведенной таблицы 5.1.7.4. можно заключить следующее. Из средств массовой информации регулярно респонденты используют российские телеканалы (78) и российские радиоканалы (71). Книги на русском языке также являются регулярным источником информации (73). Источники информации на эстонском языке являются регулярными лишь

для небольшого процента респондентов: книги – для 12, газеты – для 8, журналы – для 3, радиоканалы – для 3, телеканалы – для 1. Зато эстонскими веб-порталами регулярно пользуются 7 опрошенных, что естественно, учитывая большую доступность интернетных ресурсов, нежели радио- и телевещания на эстонском языке.

Таблица 5.1.7.3. Пользование Интернетом в возрастном срезе

Все респонденты	возраст			
	Моложе 30	30-59	Старше 60	
Пользуетесь ли Вы интернетом?				
Да	7	14	9	30
Нет	3	19	45	67
Не ответили	1	2	-	3
	11	35	54	N=100

Таблица 5.1.7.4. Частота использования источников информации.

	Регулярно	Иногда	Никогда	Не ответили
Книги на эстонском языке	12	67	21	-
Книги на русском языке	73	26	1	-
Эстонские газеты	8	72	19	1
Российские газеты	59	34	7	-
Эстонские журналы	3	62	34	1
Российские журналы	38	48	14	-
Эстонские радиоканалы	3	44	50	3
Российские радиоканалы	71	23	5	1
Эстонские телеканалы	1	48	49	2
Российские телеканалы	78	19	3	-
Эстонские веб-порталы	7	16	74	3
Веб-порталы на русском языке	13	18	66	3

Книгами на эстонском языке иногда пользуются 67 опрошенных. Несмотря на удаленность информационного поля средствами масс-медиа на эстонском языке иногда все же удается пользоваться: газетами – 72, журналами – 62, телеканалами – 48, радиоканалами – 44. В то же время, очень значительная часть респондентов не пользуется источниками на эстонском языке вообще (например, радио- и телеканалами – около половины опрошенных).

В анкете отдельно задавался вопрос, касающийся выпускаемой в Петербурге эстонской газеты «Peterburi Teataja», чтобы выявить частоту использования местного издания на эстонском языке среди опрашиваемой аудитории. Выяснилось, что 55 - читали несколько

номеров, 29 - читали все номера, 3 - читали один номер, а 13 - не читали издания никогда. Это свидетельствует о том, что газета все еще незнакома всем петербургским эстонцам.

Таблица 5.1.7.5. Распространение книг и периодической литературы на эстонском языке.

	Из библиотек	Покупные	По подписке	Посредством Интернета	Через друзей, родных и т.д.	Не попадают вообще
Книги	24	47	1	2	70	18
Газеты	5	32	5	9	71	14
Журналы	6	26	3	3	62	30

Откуда попадают к респондентам книги и периодическая литература на эстонском языке, показывает таблица. К большинству респондентов книги, журналы и газеты попадают через друзей, родных и т.д. (62-71). Примерно половина опрошенных покупает книги на эстонском языке (47), около трети приобретает газеты (32) и журналы (26). Книги берутся также в библиотеках (24). Для 9 важным каналом являются интернетные версии эстонских газет. Значительное число респондентов признались, что книги и периодика на эстонском языке к ним вообще не попадают (Таблица 5.1.7.5.).

Для всех респондентов подавляющая часть информации поступает на русском языке. Результаты также вполне закономерны – в русскоязычной среде массовый поток информации на русском языке. Тем не менее, некоторая доля информации на эстонском языке все же оказывается доступной для части респондентов. Что касается чтения книг и периодической литературы на эстонском языке, то подавляющее большинство читает книги, газеты, журналы на эстонском языке «иногда».

5.2. Итоги интервьюирования

Возраст	Респонденты	Пол	Место рождения	Родной язык	В каком поколении в России
молодое младше 30 лет	М.	Ж	Эстония	эст.+рус.	2
	Л.	Ж	Эстония	эст.+рус.	2
	О.	Ж	Ленинград	рус.	3
	Ар.	М	Ленинград	рус.	2
среднее 30 - 59	Мн.	Ж	Эстония	эст.	1
	К.	Ж	Эстония	эст.	1
	Т.	Ж	Новгород. обл.	эст.+ рус.	3
	Ю.	Ж	Ленинград	Рус.	3
старшее старше 60 лет	А.	Ж	Эстония	эст.	1
	В.	Ж	Эстония	эст.	1
	Х.	Ж	Эстония	эст.	2
	Лд.	Ж	Ленинград. обл.	эст.	3
	Э.	Ж	Ленинград. обл.	эст.	3
	Лн.	Ж	Ленинград. обл.	эст.	3

5.2.1. Идентичность.

5.2.1.1. Элементы идентичности

Язык

Эстонский язык является важной частью идентичности для петербургских эстонцев. Представители старшего поколения из группы интервьюируемых, как родившиеся в Эстонии, так и уже на территории России, владеют эстонским языком. Все они из моноэтнических семей. Для родившихся в Ленинградской области эстонский являлся домашним языком общения с родителями и родственниками и, поступая в русскую школу, порой они не знали ни слова по-русски. Находясь в среде своих русскоязычных сверстников русский становился языком общения и для молодого поколения в семье – с братьями, сестрами. С родителями общение продолжалось на эстонском. Их дети немного владеют эстонским языком.

Родившиеся в Эстонии, закончившие эстонскую школу, и, тем более, высшее учебное заведение владеют литературным эстонским языком. Поскольку семьи смешанные, лишь

немногие смогли своим детям передать эстонский язык в качестве родного. Их дети владеют эстонским на разговорном уровне, но используют его теперь не дома, а в общении с родственниками в Эстонии. Общение в семьях идет на русском языке. Тем не менее, эстонский язык в некоторой степени сохранился у последующего поколения, что укрепляет их этническую идентичность как эстонцев. Даже внуки, зная лишь отдельные эстонские слова, идентифицируют себя эстонцами.

У представителей среднего поколения уровень владения эстонским языком различен. Для родившихся в Эстонии, закончивших эстонскую среднюю школу и переехавших в Петербург для получения образования в высших учебных заведениях эстонский остается родным языком. Их дети владеют разговорным эстонским языком за счет родительского домашнего обучения и тесного общения с родственниками в Эстонии.

Для респондентов среднего поколения, во 2-3 колена живущих в России, но родившихся в эстонских моноэтнических семьях, эстонский был домашним языком общения с родителями и родственниками в детстве. С поступлением в русскую школу по-русски начинали говорить не только с братьями-сестрами, но и с родителями. Таким образом, эстонский язык, являвшийся родным принимает пассивную форму. Их дети уже не владеют эстонским языком. Представители среднего поколения, в третьем поколении живущие в России, родившиеся в смешанных семьях не владеют эстонским языком, зачастую предпринимая попытки изучать эстонский язык самостоятельно или на курсах.

Молодое поколение в большинстве своем не владеет эстонским языком. Обои языками владеют лишь, например, дети из семей, где мать-эстонка, переехавшая в Петербург в связи с получением образования или смешанным браком, уделяла обучению ребенка эстонскому языку особое внимание, где имелись тесные родственные связи в Эстонии и проводилась значительная часть времени в детстве с носителями языка.

Представители молодого поколения, живущие в Петербурге в 3-4 колена, чьи родители уже не владели эстонским, или чьи отцы-эстонцы никогда не обучали детей эстонскому языку, соответственно не владеют с детства эстонским языком. Однако проявляют к эстонскому языку интерес и осуществляют попытки его изучения.

Таким образом, эстонский язык как элемент является, как мы видим, важным для идентичности как эстонца. Респонденты, для которых эстонский - родной стараются сохранять его в русскоязычной среде, а невладеющие эстонским, но отождествляющие себя с эстонцами, пытаются его освоить уже как иностранный язык.

Материальная культура

Представители старшего поколения, родившиеся и выросшие или бывавшие в детстве на эстонских хуторах, как в Эстонии, так и в Ленинградской области, с детства знакомы с традиционной обстановкой и бытом, предметами этнической материальной культуры. Мамы и бабушки обучали их вязанию, вышивке, шитью, прядению, ткачеству. Любовь к рукоделию они пронесли через всю жизнь. У некоторых остались от предков старинные изделия: рукавицы, покрывала и пр.

(Ст.Э.1.) Благодаря чему передалась Вам эстонская культура? ...Это было связано с тяжелым временем. Я очень рано начала вязать, вышивать. Мама учила. Я была в пятом классе, я уже зарабатывала – вязала кофты.

В обстановке городских квартир, несмотря на дефицит пространства, все же сохраняются элементы быта, предметов, напоминающих об Эстонии. Многие информанты высказывают сожаление о том, что нет возможности устроить быт и обстановку так, как это бы хотелось.

(Ст.Э.1.) Что-то сейчас в Вашем доме напоминает об Эстонии? Старались ли Вы в петербургской квартире придерживаться некоего эстонского стиля? Стиля очень сложно сейчас придерживаться, потому что сейчас все делают евроремонт, и мы делаем тоже вот уже третий год. Так что там ничего не может быть старого, все современное. Даже радиотрансляционной сети у нас на кухне теперь – музыкальный центр теперь. А в моем углу еще там висит таллиннская гравюра – мне на свадьбу подарили мои однокурсницы, потом у меня старинная картина там висит, правда копия 19 века, очень романтическая, которую моей маме подарила одна старушечка в Таллинне, а потом мама подарила мне. И вымпела висят – ... лучшая в чемпионате города (смех)... а национальное... рукавицы лежат... Сама вяжу, как мы учили пятки вязать.

У некоторых сохранились элементы национального костюма. С организацией СПб филиала Эстонского клуба народного творчества многие из них «укомплектовали» свой костюм и сделали костюмы для своих внуков. Само начало инициативы по созданию этнографически «правильных» эстонских костюмов было связано с потребностью позиционировать свою этническую принадлежность на всемирном общезстонском мероприятии ESTO’96 в Стокгольме и Таллинне.

(Ст.Э.1.) Мои родители не носили костюм... а мы начали заниматься этим в 1994 году, поехали на ESTO в Стокгольм... Почему Вы решили, что нужен обязательно национальный

костюм для поездки на ESTO? Мы думали, наверно, тогда так: «Мы из России, но мы эстонцы».

Надевание костюма приурочивается к торжественным и праздничным моментам, связанным с деятельностью СПб общества эстонской культуры, во время выступлений танцевального ансамбля в Эстонии и на мероприятиях в Петербурге. Кроме того, костюм надевается в качестве праздничной одежды, используются элементы (юбка, брошь) для подчеркивания этнической принадлежности, «прибалтийского» стиля.

(Ст.Э.1.) В каких случаях Вы надеваете костюм? В праздничных случаях, когда все-таки связано с представлением Эстонии.

Среднее поколение, несмотря на то, что в основном приехали в Ленинград из городов Эстонии, а родившиеся в Ленинграде часто не бывали на эстонских хуторах вовсе, тем не менее, благодаря матерям и бабушкам сохранили интерес к рукоделию и эстонской стилистике. Они также зачастую активно присоединяются к деятельности по созданию национального костюма.

(Ср.Л.3) Благодаря чему передалась Вам эстонская культура через Ваших предков? Через те же предметы быта – коврики...

Молодое поколение значительно меньше увлечена практическим рукоделием. Матери редко занимались с ними обучением рукоделию, тем более конкретно эстонскому.

Традиции

У старшего поколения еще живы в памяти этнические эстонские традиции, связанные с сельским бытом и праздниками. Многие участвовали в крестьянском труде, пели и танцевали во время праздников на эстонских хуторах. Кроме того, родственники некоторых респондентов, живущие в Эстонии, с кем они тесно общались, участвовали в Певческих праздниках. Многие из старшего поколения знают эстонские народные песни и танцы, активно участвуют в деятельности танцевального ансамбля. С детства они привыкли к эстонской кухне и умеют сами готовить эстонские национальные блюда.

(Ст.Э.1.) Благодаря чему передалась Вам эстонская культура? ...В 50-е годы эти деревенские колхозные праздники, дни рождения, и домашнее пиво, и полька, вальс, которые танцевали там на хуторах в больших комнатах... Национальная кухня, естественно. Это же тоже отложилось... Мы все мечтаем с нашими (членами общества –В.М.), когда же мы сделаем kartuli soust – вот эту подливку, которую русские не делают – из муки, молока и кусочки сала там... А дома Вы не готовите эстонские блюда? Нет. Для себя не хочется, а

мои (молодое поколение семьи – В.М.) же не едят. А Вы пробовали их угощать? Нет, не пробовала. Ну вот раньше везде в столовых даже harikapsa suppi – щи кислые, а теперь, мне кажется, в семьях нигде не делают, только из свежей капусты. Да еще с крупной перловой как в Эстонии – не делают... Даже verevorst мои не едят. Вот ripparkoogid мы делаем! Это все едят.

У среднего поколения за неимением опыта сельской жизни интерес к этнической традиции выражается посредством участия в мероприятиях СПб общества эстонской культуры, то есть соблюдении традиций диаспоры (празднование Дня независимости Эстонии, Дня матерей, Рождества и пр.).

Молодое поколение проявляет обрывочный интерес как к этническим, так и к диаспоральным традициям.

Религия

Некоторые представители старшего поколения, родившиеся в 1930-е гг. были крещены тайно в православную веру (большинство лютеранских приходов к тому моменту были уже закрыты), но порой с сохранением лютеранской традиции (не 2, а 4 крестных родителя). С воссозданием лютеранского прихода св.Иоанна в Санкт-Петербурге в 1994 г., многие приняли здесь крещение, подтвердились и стали членами прихода.

Респонденты среднего поколения не прошли обряд крещения ни в одной из церквей, но в 1990-х гг. выбрали именно лютеранскую конфессию. То есть, лютеранская вера является также одной из характеристик этнической идентичности петербургских эстонцев.

Молодое поколение внешне малорелигиозно и предпочитает не позиционировать свою религиозную принадлежность. Из опрошенных мало крещеных, редко посещают, как лютеранские, так и православные храмы.

Связь с Эстонией

Старшее поколение, родившееся в Эстонии, имеет там многочисленную родню. Многие из них имеют право на эстонское гражданство, а также недвижимость в Эстонии, что способствует частому посещению родины. Эстонцы, родившиеся в Ленинградской области, вынуждены въезжать в Эстонию по дорогостоящей визе, что значительно ограничивает частоту визитов. Похожая ситуация и со средним поколением. Родственные связи у родившихся не в Эстонии с эстонскими родственниками имеются и носят различный

характер. Само посещение Эстонии для родившихся за ее пределами носит скорее туристический характер, хотя и эмоционально положительно насыщенный.

(Ср.Л.3.) Благодаря чему передалась Вам эстонская культура? ...Поездки в Таллинн к родственникам, которые были и сейчас там живут.

Представители молодого поколения, с детства часто бывавшее в Эстонии и владеющее эстонским языком, ощущает себя здесь вполне комфортно и привычно, способны быстро ассимилироваться. По ходу овладения языком Эстония становится ближе и понятнее. В обратной ситуации Эстония остается скорее краем, дорогим по детским воспоминаниям, но некомфортным для общения.

5.2.1.2. Самоидентификация

Часть информантов вослед за представлением себя по имени сразу обозначали свою этническую принадлежность. Другая часть респондентов затруднялась с четким этническим самоопределением.

(Ср.Л.1.) Кем Вы себя считаете по национальности? Больше эстонкой... Вот Вы сказали больше эстонкой, а меньше кем? Меньше русской.

Одна из информанток представилась как «художник», определив тем самым приоритет своей профессиональной принадлежности.

5.2.2. Границы идентичности

Этнические границы

Интервьюируемые проводили некую границу между эстонцами и русскими, однако не столь резкую, как можно было ожидать. Видимо, это связано с длительным сосуществованием с русскоязычным большинством.

Региональные границы

Респонденты определенно фиксировали наличие разницы между эстонцами в Эстонии и эстонцами, живущими в Петербурге. Формулировки звучали разные. С одной стороны, подчеркиваются черты, отличающие петербургских эстонцев, преимущественно за счет их «обрусения», изменения образа жизни и характеров. С другой стороны отмечается перемена в отношении к петербургским эстонцам со стороны коренных эстонцев.

(Ст.Э.1) Мы изменились, конечно. Изменилось к нам отношение эстонцев, которые в Евросоюзе сейчас. Они не понимают нас, тех, кто привык жить в Ленинграде, в Питере. И очень много, даже не знаю, ну.. замечаний, может быть рекомендаций: «Что ж ты о

других, живи себе, что ты бегаешь, что ты носишься, тебе надо это что ли?» Вот это для меня немного непривычно.

5.2.3. Содержание и значимость этнической идентичности

Так же интересно проследить, как именно информанты раскрывают содержание этнической идентичности и как определяют ее значимость для себя.

(Ср.Л.3.) Что для вас значит быть эстонкой, уточните, пожалуйста,? Принимать культуру и понимать цели Эстонии в мировом... (смех) сообществе, определение этой народности среди других народов.... На Ваш взгляд, что Вас делает эстонкой? Воспитание, которое было передано, какие-то принципы семейные, традиции, интерес к культуре, к костюму, к мировосприятию через родственников – маму, бабушку... Наверно, дальше это живет во мне. Как бы то не вычлняется никак, это просто с годами все больше и больше определяется... как бы интерес именно у этой части моей жизни.

Этнические стереотипы, характеризующие эстонцев, и присвоение их себе добавляют картину содержания этнической идентичности петербургских эстонцев. Порой они строятся на опровержении внешних бытующих стереотипов.

(Ср.Л.3.) Благодаря чему передалась Вам через родственников эстонская культура? Черты характера, определенное упорство, характер сильный, в каком-то смысле выдержанный, но и имеет определенный темперамент. Нельзя говорить о том, что эстонцы как-то замедленно мыслят. Это сильно мыслящие передовые люди.

Многие респонденты подчеркивали большую для себя значимость этнической принадлежности. Большинство респондентов очень хорошо знают свои корни, откуда родом их предки, как и когда они перебрались в Россию.

5.2.4. Формирование идентичности

Ответы на вопрос, «Эстонцем надо родиться или можно стать, быть воспитанным?» давались различные, порой диаметрально противоположные, а некоторые вовсе затруднялись ответить.

Проблема этнической идентичности у молодого и среднего поколения выражается во множественной идентичности или маргинальности.

(Ср.Л.3) Эстонцем не обязательно родиться, им можно стать или быть воспитанным? В каком-то смысле «да», но это все-таки связано через кровные узы в большей степени, потому что я ловлю себя на том, что я повторяю в чем-то своих

родителей... это не привнесенное со стороны, это как бы одна семья влилась в другую, благодаря любви, но одна из этих частей, именно эстонская, она сейчас побеждает во мне.

5.2.5. Этническая активность

Этнические связи Многие респонденты подчеркивали для себя важность этнических связей, как с эстонцами в Эстонии – в основном, это родственники, друзья детства, одноклассники или сокурсники, так и с местными эстонцами. Причем не раз подчеркивалось наилучшее взаимопонимание и ценность общения именно с местными эстонцами.

Участие в жизни петербургских эстонцев

Большинство интервьюируемых старшего и среднего поколения принимают активное участие в деятельности общества и прихода, являются участниками фольклорной группы «Neevo» и хора «KaJa», указывая на приятную атмосферу и общность интересов, внутреннюю потребность подобного общения.

5.2.6. Использование средств массовой информации.

Респонденты, жившие в Эстонии, использовали источники информации на эстонском языке. С переездом в Петербург некоторые выписывали периодические издания из Эстонии. Местные эстонцы в советское время также выписывали эстонские издания, прежде всего журнал «Eesti naine» («Nõokogude naine»), объясняя это интересом к рукоделию и модным моделям, представленным в издании. Журналы у некоторых хранятся до сих пор. Также выписывали „Vikerkaar” и «Eesti loodus».

Респонденты говорят, что ловили и слушали эстонские радиоволны, пока это было возможно. Эстонское телевидение респонденты имеют возможность смотреть только во время визитов в Эстонию. При наличии интереса к событиям в Эстонии, часть информации остается непонятной из-за невключенности в контекст происходящего, а также из-за современной терминологии в эстонском языке. Отмечается также скудность для них эстонского телевидения. Тем не менее, большинство утверждает, что с удовольствием использовали телевидение и радио на эстонском языке, если бы такая возможность была.

Респонденты указывают на имеющийся к Эстонии интерес, но при этом главными источниками для них являются российские СМИ – прежде всего телевидение, затем радио и печатные издания. Причем, подчеркивается недоверие к ним в отношении информации об Эстонии, в частности, из-за необъективности.

Практически все из интервьюируемых являются читателями эстонской газеты «Peterburi Teataja» и большинство ее одобряет, подчеркивая ее важность для себя. Однако есть и критическое отношение к изданию, включающее как конструктивные замечания, так и полное отрицание его ценности.

ВЫВОДЫ И ДИСКУССИЯ

1. Контроль гипотез

В работе было выдвинуто 2 основные гипотезы:

1. Среди эстонцев, живущих в Петербурге, преобладает некая особая локальная идентичность, создающая основу солидарности в условиях крупного мегаполиса. Идентичность петербургских эстонцев имеет свои специфические черты, имеющие как историко-культурные, так и социальные основания.

Анализ анкетного опроса показал, что среди опрошенной группы самую высокую позицию среди идентифицирующих категорий этнического характера занимает отождествление с «петербургскими эстонцами» (75 из 100). Причем оно занимает второе место во всей иерархии, оказавшись на уровне категорий, связанных с родственным и ежедневным кругом общения («семья» - 79, «родственники» - 71). В то время как другие этнокультурные позиции пользуются значительно меньшей популярностью («эстонцы» - 54, «люди с эстонскими корнями» - 54, «люди эстонской культуры» - 51, «люди с эстонским характером» - 43). Тем самым, можно предположить, что категория «петербургские эстонцы» отражает сложившуюся локальную идентичность, объединяющую эстонцев различными историческими путями оказавшихся в этом городе. Кроме того, данные отражают высокую степень значения для опрошенной группы данного локального варианта этнокультурной идентичности. То есть, первая часть выдвинутой гипотезы нашла свое подтверждение.

Анализ углубленных интервью показал, что общую специфику и единые характерные черты идентичности петербургских эстонцев выделить сложно. На сущность идентичности влияют такие факторы как поколение (возраст), место рождения, уровень владения эстонским языком и длительность проживания в Петербурге.

На основе данных анкетирования и материала углубленных интервью можно выделить особенности идентичности петербургских эстонцев. Прочность и характер идентичности внутри представителей одного возрастного поколения различен и зависит от того, где родился и вырос респондент, владения им эстонским языком, и в каком поколении он живет в Петербурге. Наблюдаются различия с идентичностью эстонцев в Эстонии. Если для родившихся в Эстонии, этническая идентичность сопрягается с понятием «родного дома в Эстонии», эстонской речи, то для родившихся уже в Ленинградской области или Ленинграде, это черты эстонского характера, воспитание родителей. Владение эстонским языком не

является уже определяющим этническим маркером для представителей молодого и среднего поколения, чьи предки оказались в Петербурге. При этом, в отличие от их сверстников, владеющих эстонским языком, их идентичность более продуманная. Наблюдается также позиционирование этнической принадлежности через материальную культуру (эстонский костюм как предмет этнической гордости), интерес к песенной и танцевальной традиции. Весьма важными оказываются связи внутри диаспоры, дающие возможности удовлетворять духовные интересы и потребности в общении.

- В формировании идентичности петербургских эстонцев СМИ на эстонском языке (главным образом, печатная пресса) в тот или иной исторический период имели различное значение. В настоящее время их роль сравнительно ограниченная (большинство петербургских эстонцев получает подавляющую часть информации на русском языке).

Отталкиваясь от исторической части исследования можно выделить несколько важных факторов, которые с различной силой влияли на идентичность представителей разных поколений петербургских эстонцев (церковь, образование, общества, пресса). В истории петербургских эстонцев выделяются переломные этапы (начало XX века, 1917, 1930, 1936-38, 1991-92), повлиявшие на возможности сохранения идентичности.

В настоящее время роль этнических СМИ ограничена. Однако, возможно, со временем она может усилиться. У большинства респондентов есть возможность пользоваться только русскоязычными СМИ. Большинство петербургских эстонцев подавляющую часть информации получает на русском языке, в то же время, испытывая недостаток в информации на эстонском языке.

2. Дискуссия

Проблемы, затронутые в исследовании, могут быть сфокусированы на двух темах. В первой из них возможно рассмотрение специфичности, схожести и различия идентичности петербургских эстонцев по сравнению с эстонцами, живущими также за пределами Эстонии. Вторая касается роли СМИ в формировании, сохранении или изменении идентичности.

Данную магистерскую работу можно рассматривать как в общем контексте исследований, обращающихся к изучению идентичности этнических меньшинств и диаспор, так и касающихся непосредственно эстонской идентичности. Изучение этнических общностей, расположенных за пределами исторической родины, неизменно вызывает

интерес среди исследователей. Эта заинтересованность многосторонняя: общность как составляющая культуры «новой родины», общность как «осколок» этнокультурного целого исторической родины. Практические исследования на конкретных примерах дают базу для теоретических обобщений, способствуют выявлению природы тех или иных феноменов и процессов идентичности и самоидентификации. Для выявления идентичности эстонцев в Эстонии и зарубежом начинают предприниматься исследования идентичности представителей той или иной эстонской диаспоры как самостоятельно, так и в сравнении. Подобное изучение позволяет по крупицам собрать если не общее представление об эстонской идентичности, то хотя бы уловить вариативность ее различных аспектов.

Сравнительный анализ эстонской идентичности в Эстонии и Швеции, проведенный Ауне Валк и Кристел Кару (Valk, Karu 2002) дает почву для сопоставления с результатами, полученными в данном исследовании. На примере шведских эстонцев фиксируется возникновение особой идентичности зарубежных эстонцев (*välis eesti identiteet*), отличающейся от идентичности эстонцев в Эстонии (*eestieestlaste identiteet*) и создание на основе соприкосновения двух культур и аккультурации качественно новой культуры. Как и у шведских эстонцев идентичность петербургских эстонцев строится во многом на этнической гордости, что проявляется, в частности, в создании и ношении эстонского национального костюма. Принадлежность к эстонцам также связывается скорее не с родной землей или языком, а с причастностью к группе.

Различны представления и о членах другой этнической группы. Основой для сравнения для эстонцев в Эстонии и для петербургских эстонцев является русскоязычная общность. Однако в первом случае эстонцы выступают в качестве большинства, а во втором – меньшинства. В целом, отношение к русским у петербургских эстонцев позитивное. Русские не рассматриваются как угроза идентичности, часто отмечаются схожие с ними черты. При этом возникает сравнение и некоторая разница с эстонцами в Эстонии (большая открытость, эмоциональность). Нельзя не согласиться с тем, что стабильная уверенная идентичность считается существенным основанием для позитивного развития межкультурных связей, как на групповом, так и на индивидуальном уровне. В то же время непосредственный контакт с другими культурами помогает осознанию собственной идентичности (Valk, Karu 2002, 138). Идентичность петербургских эстонцев заслуживает внимания и как пример контактной группы носителей эстонской идентичности в русскоязычном окружении. Петербургские эстонцы могут рассматриваться как активные посредники межкультурного взаимодействия и

коммуникации, что является потенциалом для развития позитивных эстонско-российских взаимоотношений.

Очевидно, что в среде петербургских эстонцев представлены все варианты стратегий аккультурации (интеграция, маргинализация, ассимиляция и сепарация). Однако, если при изучении шведских эстонцев выбор стратегии теоретически может быть связан с поколенческими различиями (основная волна миграции в 1944 г.), то эстонцы в разное время мигрировавшие в Петербург внутри каждого поколения представлено многообразие стратегий.

Богатая история эстонско-петербургских культурных связей и современное взаимодействие обуславливают проявление этнического самосознания петербургских эстонцев в современной ситуации. Проведенное исследование, коснувшееся как исторической, так и современной действительности эстонцев, живущих в Петербурге, приоткрывает на данном примере значение СМИ в сохранении этнокультурной идентичности. Помимо тех функций, которые несла в себе эстонская периодическая печать в различные периоды (просветительская – XIX в. – нач. XX в.; пропагандистская, идеологический инструмент – 1905-1937 гг.), для нас особенно важно, что в том или ином виде, модифицируясь, за ней всегда оставалась миссия сохранения этнокультурной принадлежности представителей диаспоры такого крупного мегаполиса как Санкт-Петербург.

С закрытием СМИ общин в конце 1930-х гг. в советское время такую роль на себя приняли СМИ исторической родины, доступные ленинградским эстонцам. В образовавшемся с начала 1990-х гг. этническом информационном вакууме особое значение начинает играть возродившиеся СМИ диаспоры и Интернет. Данные источники нуждаются в развитии, поскольку являются значимыми ресурсами в сохранении петербургскими эстонцами своей этнокультурной идентичности.

Исследование идентичности и потребления СМИ современными петербургскими эстонцами показывает, что потребность в этнических СМИ имеется. Заметно сказывается отсутствие в Петербурге эстонского телевидения, ограниченный доступ к печатным и радиоканалам.

Учитывая современное понимание значения СМИ в вопросе идентичности, ощущается необходимость внимания со стороны Правительства Эстонии в отношении лучшего информирования и коммуникации с эстонскими общинами, живущими за пределами Эстонии. Государство должно быть заинтересовано в сохранении этнической идентичности и

лояльности Эстонии российскими эстонцами. Это позволит сохранить культурное разнообразие эстонского этноса в целом, а также через представителей этноса, живущих за пределами исторической родины, поддерживать имидж страны.

Подобным «проводником» мог бы служить информационный центр Эстонии в Санкт-Петербурге, где как горожане, так и местные эстонцы получали бы свежую информацию о событиях в Эстонии, последние периодические издания и пр. Безусловно, необходимо создавать и развивать Интернет-порталы, связанные с Эстонией и обращенные к эстонцам, живущим за пределами исторической родины. Диаспоральные СМИ в лице газеты «Peterburi Teataja» нуждается в профессиональном и выверенном подходе, чтобы максимально выполнять роль одного хранителя этнической идентичности.

В 1911 г. газета «Peterburi Teataja» писала, что «Зарубежная Эстония исчезнет для родины, если между ними не установить крепкой связи, которая объединила бы их друг с другом». Эти слова еще в большей степени актуальны для наших дней: государственные границы, недостаток информации об Эстонии, утрата эстонского языка, особенно молодым поколением - факторы, способствующие разрыву с родиной предков, изменению этнической идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данного исследования было выявить своеобразие идентичности петербургских эстонцев, историю становления и роль средств массовой информации (СМИ) в сохранении и формировании идентичности.

В основу теоретической базы работы легли исследования этнической идентичности, а также взаимосвязи идентичности и использования СМИ.

В работе использован историко-описательный и социологический подходы. Историко-описательная часть исследования дает систематизированный обзор развития эстонской печати и деятельности эстонской общины в Петербурге-Ленинграде.

Социологическая часть работы основана на анализе результатов анкетного опроса и углубленных интервью, проведенных с петербургскими эстонцами. Как анкетный опрос, так и нестандартизированные интервью касались идентичности и использования СМИ, а также содержали вопросы об образовании, происхождении родителей и предков и владении эстонским языком.

На основании проведенного исследования сделаны следующие выводы:

Отталкиваясь от исторической части исследования можно выделить несколько важных факторов, которые с различной силой влияли на идентичность представителей разных поколений петербургских эстонцев (церковь, образование, общества, пресса). В истории петербургских эстонцев выделяются переломные этапы (начало XX века, 1917, 1930, 1936-38, 1991-92), повлиявшие на возможности сохранения идентичности.

Анкетный опрос показал, что среди опрошенных респондентов доминирует чувство общности с «петербургскими эстонцами», стоящее на одном уровне с семейной общностью.

Исходя из анализа углубленных интервью общую специфику и единые характерные черты идентичности петербургских эстонцев выделить сложно. На сущность идентичности влияют такие факторы как поколение (возраст), место рождения, уровень владения эстонским языком и длительность проживания в Петербурге.

В настоящее время роль этнических СМИ ограничена. Однако, возможно, со временем она может усилиться. У большинства респондентов есть возможность пользоваться только русскоязычными СМИ. Большая часть петербургских эстонцев подавляющую часть информации получает на русском языке, в то же время, испытывая недостаток в информации на эстонском языке.

KOKKUVÕTE

Käesoleva magistritöö eesmärgiks oli selgitada Peterburi eestlaste identiteedi eripära, kujunemislugu ja meedia rolli identiteedi hoidja ning kujundajana.

Töö teoreetilise baasi moodustasid varasemad etnilise identiteedi, eriti identiteedi ja meediakasutuse seoste kohta tehtud uurimused.

Magistritöös on kasutatud ajaloolis-deskriptiivset ja sotsioloogilist lähenemisviisi. Ajaloolis-deskriptiivne osa annab süstematiseeritud ülevaate eesti ajakirjanduse kujunemisest ja eesti diasporaa elust Peterburis-Leningradis.

Magistritöö sotsioloogiline osa põhineb Peterburis elavate eestlastega läbiviidud ankeetküsitlusel ja süvaintervjuudel. Nii ankeetküsitlus kui standardiseerimata intervjuud käsitlesid identiteeti ja meediakasutust, samuti sisaldasid küsimusi hariduse, vanemate päritolu ja eesti keele oskuse kohta. Empiirilise uurimismaterjali täiendamiseks kasutati eesti ja vene trükimeedias peterburi eestlasi puudutavaid artikleid.

Uurimuse põhijäreldused on järgmised:

Uurimuse ajaloolisest osast saab eristada mõned tähtsad faktorid, mis mõjutasid Peterburi eestlaste eri põlvkondade identiteeti - kirik, haridus, seltsid, ajakirjandus. Peterburi eestlaste ajaloos olid olulisemad murdepunktid 20. sajandi algus, 1917, 1930, 1936-38, 1991-92, mil muutusid etnilise identiteedi säilitamise võimalused.

Ankeetküsitluse analüüs näitas, et küsitletud respondentitel domineerib ühtekuuluvustunne „Peterburi eestlastega”, samal tasemel perekondliku samastumisega.

Süvaintervjuude analüüsist lähtudes ühtset identiteedi eripära ning tunnusjooni välja tuua ei saa. Peterburi eestlaste identiteedi olemust mõjutab põlvkond (vanus), sünnikoht, eesti keele oskus ja Peterburis elatud aeg.

Peterburi eestlaste identiteedi kujunemisel on etnilise meedia roll hetkel piiratud, see võib tulevikus tugevneda. Enamus respondentidel on võimalus kasutada ainult venekeelset meediat. Peterburi eestlaste enamik saab suurem osa informatsiooni vene keeles, tundes samal ajal puudust eestikeelsest informatsioonist.

SUMMARY

The aim of this research, devoted to the Estonians of St. Petersburg, was to reveal the specific features of their identity and the role of the mass media in its development and maintaining.

The theoretical footing of the research is based on the studies of identity and mass media usage. We also took into account various works where practical studies of identity were analyzed.

In the framework of this research we used historical/descriptive and sociological approaches. The historical/descriptive part of the paper is the sociocultural aspects of Estonian Diaspora's life and the history of Estonian journalism in St. Petersburg.

The sociological part of the study is the analysis of the data from the questionnaire survey and in-depth interviews with the Estonians of St. Petersburg. The questionnaire and the in-depth interview produced for the survey included questions on sociodemographic status, identity and the mass media usage, and also questions about their education, the background of their parents and forbears, competence in Estonian language.

On the ground of our research we can make the following conclusions:

The historical part of the research allows us to distinguish several key factors which had unequal effect on the identity of Estonians of St. Petersburg belonging to different generations (the church, education, community, the print media). In the history of Estonians in St. Petersburg we distinguish some crucial points (the beginning of the twentieth century, 1917, 1930, 1936-38, 1991-92) which predetermined the preservation of identity.

The questionnaire survey suggests that most respondents feel they belong to "the Estonians of St. Petersburg" in the same way that they belong to a family.

On the basis of in-depth interviews with the Estonians of St. Petersburg it is difficult to distinguish the general characteristics and common features of their identity. Their identity is influenced by such factors as their generation (age), place of birth, competence in Estonian language and the length of their residence in St. Petersburg.

At the moment the role of ethnic mass media is limited, but it may increase in the future. Most respondents have access only to the Russian-language mass media. The information that most Estonians living in St. Petersburg obtain is chiefly in Russian, and they feel that there is not enough information in Estonian.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Antik, R. (1932). Eesti ajakirjandus 1766-1930. Tartu.

Aru, K. (2002). Eesti ajakirjandus aastatel 1766-1940. E. Annus & T. Loogväli (toim.). Eestikeelne ajakirjandus 1766-1940. I köide. Tallinn, 20-51.

Barth, F. (eds.) (1969). Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference. Boston: Little, Brown and Company.

Cottle, S. (2000). Media research and ethnic minorities: mapping the field. Ethnic minorities and the media: changing cultural boundaries. S. Cottle (eds.). Buckingham ; Philadelphia : Open University Press, 1-30.

Dayan, D. (1998). Particularistic Media and Diasporic Communications. T. Liebes & J. Curran Media, Ritual and Identity. London and New York: Routledge, 103-113.

Eesti elavik 21. sajandi algul: ülevaade uurimise Mina. Maailm. Meedia tulemustest. V. Kalmus & M. Lauristin & P. Pruulmann-Vengerfeldt. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. 2004.

Eestikeelne ajakirjandus 1766-1940. I, II. E. Annus & T. Loogväli (toim.). Tallinn. 2002.

Eestikeelne raamat 1851-1900. I, II. E. Annus (toim.). Tallinn: Tallinna Raamatu trükikoda. 1995.

Furnham, A. & S. Bochner S. (1986) Cultural Shock: Psychological Reactions to Unfamiliar Environments. London and New York.

Gross, L. (1994), Minorities, Majorities and the Media. T. Liebes & J. Curran. Media, Ritual and Identity. London and New York: Routledge, 87-102.

Jakobson, V. (2002). Role of the Estonian Russian-language Media in the Integration of the Russian-speaking Minority into Estonian Society. Acta Universitatis Tamperensis 858. Tampere: Tampere University Press.

Jeffers, Leo W. (2000). Ethnicity and Ethnic media use. A Panel Study. Communication Research, 27,4, 496-535.

Pullat, R. (1981). Peterburi eestlased. Ajaloolis-demograafiline käsitus XVIII sajandi algusest kuni 1917. aastani. Tallinn, Eesti Raamat.

Pullat, R. (1974). Pietarin virolaiset ja suomalaiset: Vertaileva historiallinen tutkimuus 1700-luvulta vuoteen 1917. Turun Historiallinen Arkisto, 29, 7-51.

Pullat, R. (2004). Lootuste linn Peterburi ja eesti haritlaskonna kujunemine kuni 1917. Tallinn: Estopol.

Raag, R. (1999). Eeslane väljaspool Eestit. Ajalooline ülevaade. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Rootalu, L. (2002). Peterburi eestlaste mõõteid kodust. Dialoog privaatse ja avaliku elu vahel. Inimese ja keskkonna suhete peegeldus pärimuses. Elektrooniline konverents. 18.02.-18.05.2002. Eesti Kirjandusmuuseum, Tartu Ülikool. <http://www.folklore.ee/rl/pubte/ee/ct/dialoog>

Rootalu, L. (2001). Peterburi eestlaste rahvuslikust identiteedist ja Eesti Seltsist. Pärimuslik ajalugu. Koos. Tiiu Jaago. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 41-52.

Reinson, A. (2004). Identiteedikonfliktid noorte setude seas. Bakalaureusetöö. Tartu. Tartu Ülikool. Sotsiaalteaduskond. Ajakirjanduse ja kommunikatsiooni osakond.

Samoilov, V. (1991) Peterburi eesti seltside teatritegevus 1873-1917. Ajalooline ülevaade. Tallinn.

Straubhaar, J.D. (1997). Distinguishing the global, regional and national levels of world television. Media in Global Context. A Reader. A.Sreberny-Mohammadi & D.Winseck & J.McKenna & O.Boyd-Barrett (eds.) London: Arnold, 284-298.

Valk, A. & K. Karu (2002). Eesti identiteet Eestis ja Rootsis. Eesti ja eestlased võrdlevs perspektiivis. Kultuurivahelisi uurimusi 20. sajandi lõpust. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 125-141.

Valk, A. (2001). Two facets of ethnic identity: pride and differentiation. Tartu: Tartu University Press.

Vihalemm, T. (1999). Formation of Collective Identity Among Russofhone Population of Estonia. Dissertationes de mediis et communicatiobus Universitatis Tartuensis 2. Tartu: Tartu University Press.

Vihalemm, T. (2002). Identity Formation In The Open Media Space. Lauristin, M. & Heidmets, M. (eds.) The Challenge of Russian Minority. Tartu: Tartu University Press, 279-294.

Vihalemm T. & A. Masso A. Mediascapes of Estonian Russians: Media Orientations, Perceptions of Changes and Collective Identity. Рукопись.

Vihalemm T., Masso A. Kollektiivsed identiteedid siirdeaja Eestis. V.Kalmus & M.Lauristin & P.Pruulmann-Vengerfeldt (toim.). Eesti elavik 21.sajandi algul: ülevaade uurimise Mina. Maailm. Meedia. Tulemustest. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. 45-57.

Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. (1999). Этносоциология. Москва.

Вихалемм Т., Массо А. (2003). Динамика идентичности русских Эстонии в период постсоветских трансформаций. Диаспоры/Diasporas. Независимый научный журнал. Москва, 2003,(5)2,230-257.

Высочков Л.В. (1989). Об этническом составе сельского населения Северо-Запада России (вторая половина XVIII-XIX вв.). Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Ленинград.

Девятко И.Ф. (2002). Методы социологического исследования. Москва: Книжный дом «Университет».

Дмитриев В.А. (1998). Этническая идентичность и конфликтогенность эндофактора национального сознания. Изучение национального самосознания в этнографическом музее. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 69-114.

Дридзо А.Д. (1987). Из истории Петербургского эстонского просветительного общества. Этнография Петербурга-Ленинград. Вып 1. Ленинград: Наука, 13-20.

Дридзо А.Д. (1982). К историографии эстонского населения Петербурга (60-80-е гг. XIX в.). Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Ленинград: Наука, 53-70.

Жижек С. (1999). Возвышенный объект идеологии. Москва: Художественный журнал.

Хесле В. (1994). Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. Вопросы философии. № 10, 112-123.

Засецкая М.Л. (2002). К вопросу об истории формирования «петербургской группы» эстонцев-переселенцев (Опыт периодизации эстонской миграции). Международная научно-практическая конференция «Культура-сотрудничество: «Прекрасное ведет нас через все мосты». Тезисы конференции. Извара. 9-10 октября 2002 г. 9-13.

Засецкая М.Л. (1997). Система социализации у эстонцев-переселенцев Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XIX-начало XX вв.) Из истории С.-Петербургской губернии: Новое в гуманитарных исследованиях: Сборник научных трудов. Отв. ред. О.М.Фишман. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 52-64.

Засецкая М.Л. (1992). Эстонцы Лужского района Ленинградской области (конца XIX – сер. XX вв.). Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре. Санкт-Петербург, 132-143.

Исаков С. (1979). Петербург-Ленинград в истории эстонской культуры. Нева, № 10, 182-187.

Калачева О. (1998). Быть, оставаться, становиться: этническая идентичность петербургских эстонцев. Конструирование этничности: Этнические общины Санкт-Петербурга. Под ред. В.Воронкова и И.Освальд. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 136-174.

Крюков А.В. (2002). Православные эстонцы в Волосовском районе Ленинградской области. Международная научно-практическая конференция «Культура-сотрудничество: «Прекрасное ведет нас через все мосты». Тезисы конференции. Извара. 9-10 октября 2002 г. 18-21.

Маамяги В.А. (1976). Эстонские поселенцы в СССР (1917-1940). Таллин.

Маамяги В.А. (1990). Эстонцы в СССР, 1917-1940 гг. Москва: Наука.

Малдре Я.Я. (2002). Эстонцы в Санкт-Петербурге. Международная научно-практическая конференция «Культура-сотрудничество: «Прекрасное ведет нас через все мосты». Тезисы конференции. Извара. 9-10 октября 2002 г. 23-25.

Махтина В.М. (2003). Роль периодической печати в формировании идентичности петербургских эстонцев (К постановке проблемы). Жизненный мир поликультурного Петербурга: Материалы Международной научно-практической конференции 6-9 октября 2003 г. Под ред. Л.М.Мосоловой. Санкт-Петербург: Астерион, 121-125.

Махтина В.М. (2001). Эстонцы в Петербурге: к проблеме межкультурного взаимодействия. Реальность этноса. Этнология в педагогическом образовании: проблемы и перспективы. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им.А.И.Герцена, 151-156.

Махтина В.М. (2002) Художественная культура эстонской эмиграции. Культурологические исследования`02. Сборник научных трудов. Науч. ред. Г.К.Щедрина. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им.А.И.Герцена, 181-189.

Махтина В.М. (2000) Эстонцы в Петербургском регионе. Культура Петербургского региона в науке и образовании. Материалы научно-практической конференции 28-29 сентября 2000 г. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им.А.И.Герцена, 49-53.

Многонациональный Петербург: История. Религия. Народы (2002) Санкт-Петербург: Искусство-СПб.

Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности (2002) Под ред. Г.У.Солдатовой. Москва: Смысл.

Российская перепись населения 2002 г. <http://www.perepis2002.ru>

Самойлов В.А. (1975). Театральная деятельность петербургских эстонских обществ (1873-1917). Kreuzwald Päev. 26-27 detsembril 1975. Tallinn, 5-12.

Самойлов В.А. (1982). Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге (1873-1917). Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Ленинград: Наука, 80-97.

Смирнова Т.М. (2002). Национальность – питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. Санкт-Петербург: Сударыня.

Солдатова Г.У. (1998). Психология межэтнической напряженности. Москва: Смысл.

Старовойтова Г.В. (1987, а). Эстонские молодежные общества в Петербурге в начале XX века. Этнография Петербурга-Ленинграда. Вып.1. Ленинград: Наука, 21-25.

Старовойтова Г.В. (1987, b). Этническая группа в современном городе: Социологические очерки. Ленинград: Наука.

Стефаненко Т.Г. (2003). Социальная и этническая идентичность. Идентичность: Хрестоматия. Сост. Л.Б.Шнейдер. Москва: Издательство Московского психолого-социального института, 196-220.

Ушаков Н.В. (2002). Эстонцы Ленинградской области (по полевым материалам 1982 г.). Международная научно-практическая конференция «Культура-сотрудничество: «Прекрасное ведет нас через все мосты». Тезисы конференции. Извара. 9-10 октября 2002 г. 16-18.

Федосова Э.П. (1999). Россия и Прибалтика: культурный диалог. Вторая половина XIX-начало XX века. Москва: РАН, Институт российской истории.

Филиппова Е.И. (1988). Население Петербурга сер. XIX в.: этнический аспект (по данным художественной литературы). Этнография Петербурга-Ленинграда. Вып. 2. Сост. и отв. ред. Н.В.Юхнева. Ленинград: Наука, 22-28.

Эстонцы на берегах Невы: судьбы и биографии. Сборник воспоминаний и научных исследований. (2002) Ред. и сост. В.М.Махтина. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Инкери».

Юхнева Н.В. (1994). Латыши в Петербурге (вт. п. XIX - н. XX в.). Статистический очерк. Этнография Петербурга-Ленинграда. Вып.3. Санкт-Петербург, МАЭ. 33-49.

Юхнева Н.В. (1982). Петербург – многонациональная столица. *Старый Петербург: историко-этнографические исследования*. Ленинград: Наука, 7-51.

Юхнева Н.В. (1987). Роль Петербурга в национально-культурных движениях народов России. Этнография Петербурга – Ленинграда. Вып. 1. Ленинград: Наука, 3-11.

Юхнева Н.В. (1985). Роль Петербурга в национальном развитии латышей и эстонцев. Проблемы этнической истории балтов. Рига: Зинанте, 159-163.

Юхнева Н.В. (1984). Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX – начало XX века. Ленинград: Наука.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЛОЖЕНИЙ

Приложение 1. Перечень эстонских организаций в Петербурге – Ленинграде.

Приложение 2. Список периодических изданий на эстонском языке, выходивших в Петербурге (Петрограде, Ленинграде).

Приложение 3. Анкета для стандартизированного опроса.

Приложение 4. Таблицы к анализу анкет.

Приложение 5. Вопросы для интервью.

Приложение 1. Перечень эстонских организаций в Петербурге – Ленинграде

Годы	Название на эстонском языке	Название на русском языке	Источник
1842-1930(?)		Эстонский приход св. Иоанна	
1861-1870	Peterburi patrioodid	Петербургский эстонский патриотический кружок	МП: 848
1879 - 1915	St. Peterburgi Saksa Seltsi "Palme" Eesti osakond	Эстонское отделение СПб немецкого общества «Пальме»	S: 130
1880-1907	St. Peterburgi Eesti Heategev Selts	СПб Эстонское благотворительное общество	S: 130
?-до конца 1870-х	St. Peterburgi Eesti Selts „Edasi”	СПб Эстонское общество «Вперед»	S: 130, Д.: 75
1881(?)-1915?	Kroonlinna Eesti Selts		S: 130
1882-1888	St. Peterburi Eesti Selts		S: 130
1885-1907	St. Peterburgi Eesti Kooli Selts	СПб Эстонское школьное общество	S: 130
1880-е		Неформальные эстонские студенческие кружки	МП: 119
1893-1915	St. Peterburgi Eesti Karskusselts „Ustavus” (Eesti karskuse selts nimega "Ustavus" [Peterburis])	Эстонское общество трезвости под названием "Ustavus" («Верность»)	S: 130; Põhjuskiri 1893, TÜR
1896-1905, 1908(?)	St. Peterburgi Eesti Käsitöölise Vastastikku Abiandmise Selts	С.-Петербургское Эстонское общество взаимной помощи ремесленников	S: 130; Aruanne 1900-1904, Põhjuskiri 1908, КМ
1897-?		Эстонское общество молодых людей лютеранского вероисповедания	Ст: 21-22
1897(?)-?	St.-Peterburi Eesti mõlemat sugu alaialiste laste warjupaiga ja kooli Selts	С.-Петербургское Общество убежища для малолетних детей обоого пола Эстонского происхождения	Põhjuskiri 1897, TÜR
1898-?		Общество эстонских силачей	Ст: 24
1898(?)-?	St. Peterburi Evangeli-usuliste Eesti Noortemeeste Selts		1903, КМ
1899(?)-?	St. Peterburi Eesti Õigeusu Tartu-linnas kannatanud püha preestri Issidori auuks asutud Vennaste Selts	С.-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского	Aruanne 1901, 1903, КМ

нач. XX в.- 1916		Северо-балтийское библиотечно-архивное общество	МП: 849
1900-1918	St. Peterburgi Eesti Üliõpilasselts		S: 130
1903-1916	St. Peterburgi Eesti Näitemängu Armastajate Ringkond		S: 130
1904-1920	St. Peterburgi Jõuharrastuse Spordiselts „Kalev”		S: 130
1906 (1908?)- 1913	St. Peterburgi Eesti Jõustiku Selts „Võimula”		S: 130
1907-1918	St. Peterburgi Eesti Hariduse Selts	С.-Петербургское Эстонское общество образования и призрения сирот	S: 130; Põhjuskiri 1907, КМ
1907-1917	St. Peterburgi Eesti Naisühisus		S: 130
1908(?)-?	«Põhjala»		Ст: 21-24
1907 (?) 1909-1915	St. Peterburi Eesti Nooresoo Selts	С.-Петербургское эстонское общество молодых людей	S: 130 Põhjuskiri 1907, КМ
1910-1921	Ligovo Eesti Selts		S: 130
1908-11(?)- ?	St. Peterburi Eesti Jõustikuselts "Võimula"	С.-Петербургское Эстонское спортивное общество "Võimula"	Ст: 24; Põhjuskiri 1911, КМ
1911(?)-?	Peterburi Eesti kirjastuse- Osühisus "Ühiselu"	Эстонское издательское товарищество "Общественная жизнь" в С.-Петербурге	Põhjuskiri 1911, КМ, TÜR
1913 (?)- 1916	St. Peterburgi Eesti Palgatööliste Vastastikune Abiandmise Selts		S: 130
1913(?)-?		Эстское землячество высших сельскохозяйственных курсов «Taim» («Росток»)	Ст: 21-24
1917 - ?	Petrogradi Moskva rajooni Eesti Selts		S: 130
1917 - ?	Petrogradi Eesti Sõjaväelaste Saadikute Täidesaatev Komitee		S: 130
1917 - ?	Eesti Kultuuri Büroo	Эстонское культурное бюро при Петроградском комитете солдатских депутатов	S: 130 С: 484(?)
1917 - ?	Vassili saare Eesti Tööliste ja Soldatite Selts		S: 130
1917-?	Eesti Eesti Tehnika Selts Petrogradis	Эстонское техническое общество в Петрограде	Põhjus-kiri 1917, КМ
июнь 1918-?		Эстонский Пролеткульт	С: 485, 449

1918-1937		Эстонский театр (под разными названиями)	С: 484-485, 522
1919-1920-е		Эстонские музыкально-драматические кружки	С: 484
1919-1923		Эстонский пролетарский университет (под разными названиями)	С: 196-197
1919-?		Издательский отдел Управления по делам культуры и просвещения Эстляндской Трудовой Коммуны	С: 449
1920-?		Педагогический институт эстонского языка (с 1922 г. – Эстонский Практический институт)	С: 197
1920-е		Эстонские рабочие коммунистические клубы	МП: 849
ноябрь 1920 – лето 1922		Эстонский пролетарский (или рабочий) дом просвещения	С: 308-309
1920-1927		Петроградское эстонское спортивное общество «Калев»	МП: 849
июль 1922-1937		Эстонский рабочий Дом просвещения им. В.Кингисеппа	С: 313
1922-?		Эстонское кооперативное издательство	С: 451
1923-1938	„Külvaja”	Издательство «Сеятель»	С: 451
1923-?		Эстонский Домпросвет в Гдове	С: 313
1950 - 1980-е	«Baltikum»	«Балтикум»	
с 1992	Peterburi Eesti Kultuuriselts	Санкт-Петербургское общество эстонской культуры	
с 1994	EELK Peterburi Jaani Kogudus	Эстонский Евангелическо-Лютеранский приход Святого Иоанна в Санкт-Петербурге	
с 1999	Mittetulundusühing Peterburi Jaani Kiriku Fond	Благотворительный фонд церкви св. Иоанна	

Источники:

S – Samoilov, V. (1991). Peterburi eesti seltside teatritegevus 1873-1917. Ajalooline ülevaade. Tallinn.

Д – Дридзо, А.Д. (1982). К историографии эстонского населения Петербурга (60-80-е гг. XIX в.). Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Ленинград: Наука, 53-70.

МП - Многонациональный Петербург: История. Религия. Народы (2002) Санкт-Петербург: Искусство-СПб.

С - Смирнова Т.М. (2002). Национальность – питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. Санкт-Петербург: Сударыня.

Ст. - Старовойтова Г.В. (1987). Эстонские молодежные общества в Петербурге в начале XX века. Этнография Петербурга-Ленинграда. Вып.1. Ленинград: Наука, 21-25.

КМ – Kirjandusmuuseum (Литературный музей, Тарту)

TÜR – Tartu Ülikooli Raamatukogu (Библиотека Тартуского университета, Тарту)

Приложение 2.

Список периодических изданий, выходивших на эстонском языке в Петербурге (Петрограде, Ленинграде)

Годы выхода	Название издания	Подзаголовок/ Характер издания	Редакторы, издатели
alates 1851	Eesti Rahvakalender		
1884	Kiriklik Leht		
1887	Virmalise Lisaleht		J.Reinvald
1887-1888	Virmaline		J.Reinvald
1888	Virmalise piltidega lisaleht		J.Reinvald
1905	Edasi	: Venemaa Sotsiaaldemokraatline Tööliste Partei	J.Sõrmus
1906	Tiiu Tasane	: Politikaline ilukirjanduse-, pilkenalja- ja pildiajakiri	J.Lilienbach
1906-1907	Album	: Perekondlik jutu, teaduste ja kunsti ajakiri	R.Palmgren, G.Paju
1906-1907	Kiir		O.Peterson (v.), H.Palson (v.t.)
1907	Tulevik*		
1907	Tööline	: Venemaa Sotsiaaldemokratilise Tööliste Partei Peterburi Eesti Grupe ajaleht	
1907-1908	Punane Lipp	: VS-dTP Eestimaa Ühenduse Kesk-komitee häälekandja	Vlj. Venemaa Sotsiaaldemokratiline Tööliste Partei
1907-1908	Peterburi Sõnumed*		
1908-1914	Peterburi Teataja		
1909-1913	Seadus ja Kohus	: Õigusteadline ajakiri	
1910	Pealinna Teataja		Vlj. M.Jaakson ja A.Vares; vast. toim. A.Vares
1914	Jõu-Ilm	: Esimene Eestikeelne piltidega ilustatud Jõustiku ajakiri	Vlj. P.Üts
1914-1916	Hea Karjane		Vlj. ja vast. toim. W.Niemann
1914-1917	Pealinna Teataja	: Päevaleht	Vlj. kirj-üh. Ühiselu

1915-1917	Usk ja Elu		Vlj. Riia Peetri-Pauli Vennaste Selts, Baltimaa Õigeusu Vennaste Selts; vast.toim. A.Värat
1917	Proletarlane	: Peterburi Eesti organisatsiooni häälekandja	Vlj. ja vast.toim. G.Hapsalo
1917	Vabadus		Vlj. ja vast. toim. K.Saaretok
1917-1918	Eesti	: Seltside, sõjameeste ja asunduste häälekandja	Vlj. Seltside vaheline toimekond; vast. toim. J.Kartau, K.Luts, H.Piip
1917-1937	Edasi		
1918	Eesti Päevaleht Peterburis		Vlj. Eesti Kirjastuse Osühistus; peatoim. J.Seljamaa; vast. ja tegev. toim. H.Vellner
1918	Eesti teated kodumaalt		Vlj. J.Kartau
1918	Tööline	: Venemaa Kommunistlise (enamlaste) Partei Eesti Osakondade Keskkomitee häälekandja: Päevaleht	Vast. toim. G.Vaino
1918	Kommunist		
1918	Vaba Eesti*		Toim. J.Seljamaa; H.Vellner
1918-1919	Eesti Kool		
1919	Eesti Tööraha Kommuna Nõukogu dekreedid, määrused ja teadaanded		Vlj. ETK Kultuur-Ariduse Valitsuse Kirjastuseosakond
1919	Tööraha Kultuur		
1919-1936	Klassivõitlus	: Kommunistline kuukiri	
1920-1921	Partei Elu		
1920-1921	Uus Loomistöö		
1920-1922	Noored Kommunaarid		
1922	Uus Valgus		
1922	Kirjandus ja Teadus	: «Edasi» erileht	
1922-1923	Asuniku Käsiraamat	: Põllumajanduslik ja ühiskondlik kuukiri	Vlj. Eesti Kirjastuse Ühisus; tegev. toim. A.Koni, V.Kirik ja P.Peterson
1923	Vemmal	: «Edasi» hinnata lisa: Illustreeritud pilkeleht	

1923	Enesearendaja	: «Edasi» kirjandus-teaduslik lisa	
1923-1927	Oras		Vast. toim. H.Pöogelmann
1924-1926	Säde		
1924-1929	Põllumees	: «Edasi» põllumajanduslik lisa	Vast.toim. V.Kirik, H.Pöogelmann, L.Looring, E.Alas
1925-1927	Kadugu kirjaoskamatus		Kominterni Eesti osakonna toim.
1926-1933	Proletaarne Revolutsioon Eestis		Vast. toim.: G.Brandies, A.Valtin
1927	Teadus ja Tehnika	: «Edasi» hinnata kaasanne	Vast. toim. H.Pöogelmann
1927-1929	Säde	: ÜLKNÜ keskkomitee ja Leningradi oblasti komitee Eesti sektsioonide häälekandja	Vast. toim. A.Saar
1927-1936	Leegid		Vast. toim.: H.Pöogelmann, L.Loorits, E.Alas, A.Saar, P.Kõvamees, K.Trein
1927-1936	Naistöoline ja talunaisterahvas		Vast. toim.: H.Visnapuu, S.Allermann
1928	Uus Kultuur*		
1930	Kollektiviseerimise väerinnal	: «Edasi» põllumajandusline lisa	Vast. toim.: E.Alas, A.Saar, L.Looring
1931-1933	Alati valmis		Vlj. Leningradi oblasti hariduse osakond Vast.toim.: S.Kirsch, A.Špilvel
1932	Noored Kollektivistid	: Ajakiri-õpperaamat Kolhoosi Noorsoo Koolidele 5. ja 6. rühmale	Vast.toim.: S.Kirsch, A.Špilvel
1932	Oktoobrilapsed tööl	: Ajakiri-õpperaamat [kooli] I ja II gr[upile]	Vast.toim. A.Špilvel
1932	Võitlusele Provokatsiooniga		Vast.toim. P.Kevamees
1933	Tehnika ja Teadus		Vast.toim. R.Vakman
1936-1937	Kommunismi teel	: Rahvalik poliitika, kirjanduse ja teaduse ajakiri	Vast. toim. H.Pöogelmann
1998	Eestileht		

alates 1999	Peterburi Teataja	: Peterburi Eesti Kultuuriseltsi, Jaani koguduse ja Jaani Kiriku Fondi väljaanne	
------------------------	-------------------	---	--

Условные обозначения:

* - издание известно по косвенным источникам

Vlj. (väljaandja) – издатель

Vast. toim. (vastutav toimetaja) – ответственный редактор

Источники:

Antik R. Eesti ajakirjandus 1766-1930. Tartu, 1932.

Eestikeelne ajakirjandus 1766-1940. I, II. Toim. E. Annus, T. Loogväli. Tallinn, 2002.

Приложение 3. Анкета для стандартизированного опроса.

Ankeet “Eestlased Peterburis”

Hea vastaja!

Täname, et nõustusite vastama meie küsimustele. Meie uurimisel on ainult õppe- ja teaduslikud eesmärgid. Teie vastused aitavad meil saada rohkem infot Peterburis elavate eestlaste kohta. Loodame Teie kannatlikkusele kõigile nendele küsimustele vastamisel.

Ankeet on eesti- ja venekeelne.

Soovi korral võite ankeedile lisada oma nime ja aadressi. Vajalik see pole.

Ette tänades ja edaspidisele koostööle lootma jäädes

Tartu Ülikooli magistrant

Veronika Mahtina

t., e-post: mahch@rambler.ru

Анкета «Эстонцы в Петербурге»

Уважаемый респондент!

Благодарим, что Вы согласились ответить на наши вопросы. Наше исследование носит исключительно учебные и научные цели. Своими ответами Вы сможете больше узнать об эстонцах, живущих в Петербурге. Надеемся на Вашу терпеливость в ходе ответов на вопросы. Анкета на двух языках – эстонском и русском.

Свое имя и адрес Вы можете указать только по желанию.

Заранее благодарим Вас за сотрудничество!

Магистрант Тартуского университета

Вероника Махтина

t....., e-mail: mahch@rambler.ru

1. Millised on Teile kõige olulisemad infoallikad eri paikade kohta info saamiseks?

Märkige ringiga igal real kolm Teile jaoks olulisemaid kanalit, kui huvi selle informatsiooni vastu on olemas /

Какие источники, из которых Вы получаете информацию о каждом из перечисленных ниже мест, для Вас наиболее важны?

В каждом ряду отметьте кружком три наиболее важных для Вас информационных канала, если испытываете интерес к данной информации

	Omaend a muljed, isiklik kogemus /Собст- венный опыт, впечатле- ния	Lähedased tuttavad inimesed/ Близкие, знакомые	Ajalehed ajakirjad/ Газеты, журнал ы	Raadio/ Радио	Televi- sioon/ Телеви- дение	Internet / Интер- нет	Ei ole huvi selle vastu/ Нет к этому интере- са
1. Peterburis toimuv / Происходя- щее в Петербурге	1	2	3	4	5	6	7
2. Venemaal toimuv/ Происходя- щее в России	1	2	3	4	5	6	7
3. Eestis toimuv/ Происходя- щее в Эстонии	1	2	3	4	5	6	7
4. Maailmas toimuv/ Происходя- щее в мире	1	2	3	4	5	6	7

2. Millised allpool loetletud informatsiooni allikad olid olemas Teie lapseõlvkodus? Mis on Teie kodus olemas praegu või kas tahaksite, et neid oleks? *Tõmmake, palun, igale reale kaks ringi, millest üks iseloomustab selle allika olemasolu Teie lapseõlvkodus, teine praegust olukorda /*

Какие из нижеперечисленных источников информации имелись в Вашем доме, когда Вы были ребенком? Есть ли они в Вашем доме сейчас и хотите ли Вы, чтобы они были?

В каждом ряду выберите 2 варианта ответа, один из которых характеризует ситуацию в Вашем детстве, а другой – нынешнее положение.

	Oli lapseõlvkodus Было дома в детстве	Praegu... Теперь...		
		...on ...есть	...ei ole, tahaksin, et oleks ...нет, но хочу, чтобы было	...ei ole ega ei taha ...нет, и не хочу
11. Eestikeelsed raamatud Книги на эстонском языке	1,	1	2	3
12. Venekeelsed raamatud Книги на русском языке	2,	1	2	3
13. Eestikeelsed ajakirjad Журналы на эстонском языке	3,	1	2	3
14. Venekeelsed ajakirjad Журналы на русском языке	4,	1	2	3
15. Eestikeelsed ajalehed Газеты на эстонском языке	5,	1	2	3
16. Venekeelsed ajalehed Газеты на русском языке	6,	1	2	3
17. Eestikeelne raadio Радио на эстонском языке	7,	1	2	3
18. Venekeelne raadio Радио на русском языке	8,	1	2	3
19. Eestikeelsed telekanalid Телеканалы на эстонском языке	9,	1	2	3
20. Venekeelsed telekanalid Телеканалы на русском языке	10,	1	2	3

3. Kas Te kasutate Interneti? / Пользуетесь ли Вы Интернетом?

1. Jah, kasutan / Да, пользуюсь
2. Ei, ei kasuta / Нет, не пользуюсь

4. Kui sageli Te kasutate järgmiseid informatsiooni allikaid? Tehke ring ümber sobivale vastusevariandile /

Как часто Вы используете перечисленные источники информации? Обведите кружком соответствующий ответ.

	Regulaarselt / Регулярно	Mõnikord / Иногда	Mitte kunagi / Никогда
1. Eestikeelsed raamatud / Книги на эстонском языке	1	2	3
2. Venekeelsed raamatud / Книги на русском языке	1	2	3
3. Eesti ajalehed / Эстонские газеты	1	2	3
4. Venemaa ajalehed / Российские газеты	1	2	3
5. Eesti ajakirjad / Эстонские журналы	1	2	3
6. Venemaa ajakirjad / Российские журналы	1	2	3
7. Eesti raadiokanalid / Эстонские радиоканалы	1	2	3
8. Venemaa raadiokanalid / Российские радиоканалы	1	2	3
9. Eesti telekanalid / Эстонские телеканалы	1	2	3
10. Venemaa telekanalid / Российские телеканалы	1	2	3
11. Eesti Internetiportaalid / Эстонские веб-порталы	1	2	3
12. Vene Internetiportaalid / Веб-порталы на русском языке	1	2	3

5. Kas Te loete “Peterburi Teataja” ajalehte? *Tehke ring ümber sobivale vastusevariandile /*

Читаете ли Вы газету “Peterburi Teataja”? *Обведите кружком соответствующий ответ.*

1. Olen lugenud kõiki numbreid / Читал(а) все номера
2. Olen lugenud mõningaid numbreid / Читал(а) несколько номеров
3. Olen lugenud üht numbrit / Читал(а) один номер
4. Ei ole lugenud mitte kunagi / Никогда не читал(а)

6. Kust Te hangite eestikeelseid raamatuid ja ajakirjandust? *Märkige kõik sobivad vastused /*

Откуда к Вам попадают книги и периодическая литература на эстонском языке? *Отметьте все соответствующие ответы.*

	Raamatu- kogudest Из библиотек	Ostetud Покупные	Tellitud По подписке	Internetist Посред- ством Интернета	Sõprade, sugulaste käest jne. Через друзей, родных и т.д.	Ei hangi üldse Не попада- ют вообще
1. Raamatud Книги	1	2	3	4	5	6
2. Ajalehed Газеты	1	2	3	4	5	6
3. Ajakirjad Журналы	1	2	3	4	5	6

7. Kas Te olete viimase viie aasta jooksul käinud Eestis? /

Ездили ли Вы в Эстонию в течение последних 5 лет?

- 1 Jah, sageli, mõnel aastal mitu korda / Да, часто, иногда по несколько раз в год
- 2 Mõned korrad, peaaegu igal aastal korra / Несколько раз, почти раз в год
- 3 Üks-kaks korda viie aasta jooksul / 1-2 раза в течение 5 лет
- 4 Ei ole käinud / Не ездил(а)

8. Kelle puhul järgnevas nimekirjas Te võite öelda, et tunnete nendega mingit ühtekuuluvust nii, et võiksite enda ja nende kohta kasutada sõna “meie”?

Tõmmake ring ümber kõigi Teie jaoks sobivate variantide ees olevatele numbritele.

С кем из перечисленных ниже Вы чувствуете некоторое сходство, так что в отношении них и себя можете сказать «мы»?

Обведите кружком соответствующие все подходящие Вам варианты ответов.

1. Eestlased / Эстонцы
2. Eestimaal eestlased / Эстонцы в Эстонии
3. Venemaal eestlased / Российские эстонцы
4. Peterburi eestlased / Петербургские эстонцы
5. Ida-eestlased / Восточные эстонцы
6. Väliseestlased / Зарубежные эстонцы
7. Kõik inimesed, kes Eestis elavad / Все люди, живущие в Эстонии
8. Kõik inimesed, kes Venemaal elavad / Все люди, живущие в России
9. Eestist pärit inimesed / Люди родом из Эстонии
10. Inimesed eesti juurtega / Люди с эстонскими корнями
11. Eesti kultuuri inimesed / Люди эстонской культуры
12. Vene kultuuri inimesed / Люди русской культуры
13. Eesti venelased / Русские в Эстонии
14. Venemaal venelased / Русские в России
15. Inimesed “vene” iseloomuga / Люди с «русским» характером
16. Inimesed “eesti” iseloomuga / Люди с «эстонским» характером
17. Eurooplased / Европейцы
18. Inimkond / Человечество
19. Need, kellega on ühine kodakondsus, kaaskodanikud / Люди, с которыми у меня одно гражданство
20. Töökaaslased, kolleegid / Сотрудники, коллеги по работе
21. Õpingukaaslased / Одноклассники, сокурсники
22. Inimesed, kelle vaated elule on minu omadega sarnased / Люди, у которых такие же взгляды как у меня
23. Minu ea- ja põlvkonnakaaslased / Люди моего возраста, мое поколение
24. Sõbrad / Друзья
25. Inimesed, kellega mul on ühised huvid / Люди, с которыми у меня общие интересы
26. Peterburi elanikud / Жители Петербурга
27. Suguvõsa / Родственники
28. Perekond / Семья
29. Inimesed, kellega mul on üks maitse, sarnased eelistused / Люди, с которыми у меня одни вкусы, схожие предпочтения
30. Inimesed, kellega jagan ühiseid elamusi, mälestusi mingitest sündmustest või ettevõtmistest / Люди, с которыми у меня есть общие переживания, воспоминания о вместе пережитых событиях
31. Naabrid, oma maja, tänava inimesed / Соседи, люди из моего дома, с моей улицы

Endast (*Tehke ring ümber sobivale vastusevariandile või kirjutage*) /

О себе (*Обведите кружком соответствующий ответ или напишите*)

9. Teie sugu / Ваш пол

- 1 Mees / Мужской
- 2 Naine / Женский

10. Teie vanus / Ваш возраст

- 1 Kuni 20 / Моложе 20
- 2 21-29
- 3 30-39
- 4 40-49
- 5 50-59
- 6 Üle 60 / Старше 60

11. Milline on Teie perekonnaseis? / Каково Ваше семейное положение?

- 1 Üksik (pole olnud abielus) / Одинок(а) (никогда не состоял(а) в браке)
- 2 Ametlikus abielus / В официальном браке
- 3 Vabaabielus (elan koos partneriga) / В свободном браке (живу с партнером)
- 4 Lahutatud / Elan lahus / Живу отдельно / Разведен(а)
- 5 Lesk / Вдовец (вдова)

12. Milline usutunnistus on Teile kõige südamelähedasem? Valige üks vastus / Какая религия Вам наиболее близка? Отметьте одну

- 1 Luteri usk / Лютеранство
- 2 Õigeusk / Православие
- 3 Muu. Kirjutage, milline / Другая. Напишите, какая _____
- 4 Mitte ükski / Никакая

13. Milline on Teie praegune haridustase? / Каково Ваше нынешнее образование?

- 1 Algharidus / Начальное образование
- 2 Põhiharidus / Неполное среднее образование
- 3 Kutsekeskharidus / ПТУ, техникум
- 4 Üldkeskharidus / Общее среднее образование
- 5 Kõrgharidus / Высшее образование
- 6 Teaduskraad. Kirjutage, milline / Научная степень. Напишите, какая _____
- 7 Muu haridus. Kirjutage, milline / Иное образование. Напишите, какое _____

14. Küsimus neile, kellel on kutse-, keskeri- või kõrgharidus või kes seda omandavad / Вопрос к тем, у кого есть среднее профессиональное (ПТУ), среднеспециальное (техникум) или высшее образование или кто получает его сейчас:

Milline on Teie hariduse suund? / К какой сфере относится Ваше образование?

- 1 Tehniline / Техническое
- 2 Põllumajanduslik / Сельскохозяйственное
- 3 Majandus, õigus / Экономическое, правовое
- 4 Loodusteaduslik / Естественное
- 5 Matemaatika, informaatika / Математика, информатика
- 6 Humanitaar, kunst / Гуманитарное, художественное
- 7 Sotsiaal / Социальное
- 8 Pedagoogiline / Педагогическое
- 9 Meditsiin / Медицинское
- 10 Muu. Kirjutage, milline / Другое. Напишите, какое_____

15. Kes Te olete praegu? / Кем Вы сейчас являетесь?

- 1 Õppur / Учащийся
- 2 Tööline / Рабочий
- 3 Teenistuja / Служащий
- 4 Juht / Руководитель
- 5 Ettevõtja / Предприниматель
- 6 Kodune / Домохозяйка
- 7 Pensionär / Пенсионер
- 8 Töotu / Безработный
- 9 Muu. Kirjutage, kes / Иное. Напишите, кто_____

16. Kus Te olete sündinud? / Где Вы родились?

- 1 Eestis / В Эстонии
- 2 Leningradis (Peterburis) / В Ленинграде (Петербурге)
- 3 Muu. Kirjutage, kus / Другое. Напишите, где_____

17. Kus möödus teie lapseõlv? / Где прошло Ваше детство?

- 1 Eestis / В Эстонии
 - 2 Osaliselt Eestis / Отчасти в Эстонии
 - 3 Väljspool Eestit (Kirjutage, kus) / За пределами Эстонии (Напишите, где)_____
-

18. Küsimus neile, kes ei ole sündinud ja kasvanud Lenigradis (Peterburis) / Вопрос тем, кто родился и вырос не в Ленинграде (Петербурге):

Kui kaua olete Leningradis – Peterburis elanud? /

Как долго Вы проживаете в Ленинграде – Петербурге?

- 1 Kuni 5 aastat / до 5 лет
- 2 6 -10
- 3 11 – 15
- 4 16 - 25
- 5 26 - 40
- 6 üle 40 aasta / свыше 40 лет

19. Mis on Teie emakeel? / Какой Ваш родной язык?

- 1 eesti / эстонский
- 2 vene / русский
- 3 muu Kirjutage, milline / другой *Напишите, какой* _____

20. Küsimus nendele, kellele eesti keel ei ole emakeel / Вопрос тем, для кого эстонский язык не является родным:

Kuivõrd Te oskate eesti keelt? / Насколько Вы владеете эстонским языком?

- 1 Räägin ja loen vabalt / Свободно говорю и читаю
- 2 Räägin ja loen natuke / Немного говорю и читаю
- 3 Oskan halvasti / Владею плохо
- 4 Ei oska üldse / Вообще не владею

21. Kus olete õppinud eesti keelt? Märkige kõik sobivad vastused /

Где Вы изучали эстонский язык? Отметьте все соответствующие ответы

- 1 Peres, sugulaste ringis / В семье, в кругу родственников
- 2 Koolis Eestis / В школе в Эстонии
- 3 Eesti koolis Leningradis või Leningradi oblastis / В эстонской школе в Ленинграде или Ленинградской области
- 4 Peterburi Eesti Kultuuriseltsi eesti keele kursustel / На курсах эстонского языка при СПб обществе эстонской культуры
- 5 Iseseisvalt / Самостоятельно
- 6 Ei ole üldse õppinud / Не изучал(а) вообще
- 7 Muu / Другое _____

22. Küsimus nendele, kes ei oska eesti keelt või oskavad halvasti / Вопрос тем, кто не владеет эстонским языком или владеет плохо

Kas Te tahaksite õppida eesti keelt? / Вы хотели бы изучать эстонский язык?

- 1 Jah / Да
- 2 Ei / Нет

23. Mil viisil osalete Peterburi eestlaste organisatsioonides ja üritustel?

Märkige kõik sobivad vastused /

Каким образом Вы участвуете в организациях и мероприятиях петербургских эстонцев? Отметьте все соответствующие ответы

1. olete Peterburi Eesti Kultuuriseltsi liige / являетесь членом СПб общества эстонской культуры
2. külastate Peterburi Eesti Kultuuriseltsi üritusi / посещаете мероприятия СПб общества эстонской культуры
3. käite Eesti Jaani kiriku koguduse jumalateenistustel / ходите на богослужения Эстонского прихода св. Иоанна
4. võtate osa Jaani kiriku taastamise talgutest / участвуете в субботниках по восстановлению церкви св. Иоанна
5. annetate Jaani Kiriku Fondi / делаете денежные взносы в Фонд церкви св. Иоанна
6. olete koori "Kaja" liige / являетесь членом эстонского хора "Kaja"
7. olete folkloorirühma "Neevo" liige / являетесь членом танцевального ансамбля «Neevo»
8. olete Eesti Rahvakunsti Klubi Peterburi osakonna liige / являетесь членом СПб отделения Эстонского клуба народного творчества
9. käite Peterburi Eesti Kultuuriseltsi eesti keele kursustel / посещаете курсы эстонского языка при СПб обществе эстонской культуры
10. teete koostööd "Peterburi Teataja" ajalehele / сотрудничаете с газетой "Peterburi Teataja"
11. ei võta osa, aga sooviks osaleda / не участвую, но желал(а) бы принять участие
12. ei võta osa ning ei soovi võtta osaleda / не участвую и не имею такого желания

Kui Teil on omapoolseid arvamusi või ettepanekuid Peterburi Eesti Kultuuriseltsi ja Eesti Jaani kiriku koguduse tegevuse kohta, siis palun kirjutage need siia: /

Если у Вас есть мнения или предложения по поводу деятельности СПб общества эстонской культуры и Эстонского прихода св. Иоанна, пожалуйста, впишите это сюда:

Täname Teid! Благодарим Вас!

Приложение 4. Таблицы к анализу анкет.

Таблица 1. Характеристика выборки по полу и возрасту

Все респонденты	Пол		
	мужчины	женщины	
Возраст			
Моложе 20	2	5	7
21-29	-	4	4
30-39	2	7	9
40-49	2	10	12
50-59	3	11	14
Старше 60	19	35	54
	28	72	N=100

Таблица 2. Характеристика выборки по полу и семейному положению

Все респонденты	Пол		
	мужчины	женщины	
Семейное положение			
Одинок(а)	2	22	24
В официальном браке	21	19	40
В свободном браке	-	3	3
Живу отдельно/Разведен(а)	3	9	12
Вдовец(вдова)	2	19	21
	28	72	N=100

Таблица 3. Характеристика выборки по полу и уровню образования.

Все респонденты	Возраст						
	Моложе 20	21-29	30-39	40-49	50-59	Старше 60	
Образование							
Не указано	1	-	-	-	-	-	1
Неполное среднее	5	-	-	-	-	3	8
ПТУ, техникум	-	-	2	4	1	9	16
ПТУ, техникум + иное	-	-	-	1	-	-	1
Общее среднее	1	1	1	-	-	5	8
Высшее	-	1	4	7	11	33	56
Высшее + научная степень	-	-	1	-	2	4	7
Высшее + иное	-	-	1	-	-	-	1
Иное	-	2	-	-	-	-	2
	7	4	9	12	14	54	N=100

Таблица 4. Характеристика выборки по уровню и сфере образования

Все респ-ты	Образование									
	Не указ.	Непол. сред.	ПТУ, техникум	ПТУ, техникум +иное	Общее среднее	Высшее	Высшее +науч. степень	Высшее +иное	Иное	
Не ук.	-	3	-	-	1	-	-	-	-	4
Техн	-	-	7	-	1	13	2	1	-	24
Тех+сх	-	-	1	-	-	-	1	-	-	2
Тех+эк	-	-	-	-	-	1	1	-	-	2
тех+ест	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
Тех+маг	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
Тех+гум	-	-	-	-	-	3	-	-	-	3
Тех+пед	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
сх	-	1	1	-	-	-	-	-	-	2
Эк/право	1	-	-	-	-	2	1	-	-	4
Эк+ест	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Эк+маг	-	-	-	-	-	2	-	-	-	2
естеств	-	-	1	-	-	3	-	-	1	5
Гум/худ	-	1	2	1	1	12	-	-	-	17
Гум+соц	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Гум+пед	-	-	-	-	-	3	1	-	-	4
соц	-	-	-	-	3	1	-	-	-	4
пед	-	-	-	-	-	6	-	-	-	6
мед	-	-	3	-	-	4	-	-	-	7
другое	-	2	1	-	2	1	-	-	-	6
Тех+др	-	-	-	-	-	1	1	-	-	2
Т+эк+гум	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
	1	8	16	1	8	56	7	1	2	N=100

Таблица 5. Характеристика выборки по статусу и возрасту.

Все респонденты	Возраст						
	Моложе 20	21-29	30-39	40-49	50-59	Старше 60	
учащийся	6	3	-	-	-	-	9
Учащийся+рабочий	1	-	-	-	-	-	1
рабочий	-	-	-	1	-	-	1
служащий	-	1	6	6	5	4	22
Служ+пенсионер	-	-	-	-	2	5	7
предприниматель	-	-	2	1	1	-	4
домохозяйка	-	-	1	1	-	-	2
пенсионер	-	-	-	1	2	43	46
Пенсионер+безраб.	-	-	-	-	-	1	1
Пенсионер+иное	-	-	-	-	3	-	3
Безработный	-	-	-	-	1	1	2
Иное	-	-	-	2	-	-	2
	7	4	9	12	14	54	N=100

Таблица 6.

Все респонденты	Все люди, живущие в Эстонии		
Все люди, живущие в России	-	+	
-	57	8	65
+	22	13	35
	79	21	N=100

Таблица 7.

Все респонденты	Эстонцы		
возраст	-	+	
Младше 20	2	5	7
21-29	2	2	4
30-39	5	4	9
40-49	8	4	12
50-59	7	7	14
Старше 60	22	32	54
	46	54	N=100

Таблица 8.

Все респонденты	Эстонцы		
Эстонцы в Эстонии	-	+	
-	41	27	68
+	5	27	32
	46	54	N=100

Таблица 9.

Все респонденты.	Эстонцы		
Российские эстонцы	-	+	
-	34	26	60
+	12	28	40
	46	54	N=100

Таблица 10.

Все респонденты	Эстонцы		
Восточные эстонцы	-	+	
-	44	37	81
+	2	17	19
	46	54	N=100

Таблица 11.

Все респонденты	Эстонцы		
Зарубежные эстонцы	-	+	
-	45	40	85
+	1	14	15
	46	54	N=100

Таблица 12.

Все респонденты	Эстонцы		
Петербургские эстонцы	-	+	
-	17	8	25
+	29	46	75
	46	54	N=100

Таблица 13.

Все респонденты	Петербургские эстонцы		
возраст	-	+	
Моложе 20	2	5	7
21-29	1	3	4
30-39	1	8	9
40-49	6	6	12
50-59	3	11	14
Старше 60	12	42	54
	25	75	N=100

Таблица 14.

Все респонденты	Люди эстонской культуры		
Люди русской культуры	-	+	
-	42	22	64
+	7	29	36
	49	51	N=100

Таблица 15.

Все респонденты	Люди с «эстонским» характером		
Люди с «русским» характером	-	+	
-	53	25	78
+	4	18	22
	57	43	N=100

Таблица 16.

Все респонденты	Русские в Эстонии		
Русские в России	-	+	
-	76	5	81
+	8	11	19
	84	16	N=100

Таблица 17.

Все респонденты		
религия		
Не ответили	2	
лютеранство	55	
Лютеранство+православие	6	
Лютеранство+никакая	1	
православие	25	
другая	6	
никакая	5	
		N=100

Таблица 18.

Все респонденты	Возраст			
Место рождения	Моложе 30	30-59	Старше 60	
В Эстонии	4	10	15	29
В Ленинграде (Петербурге)	5	15	12	32
Другое	2	10	27	39
	11	35	54	N=100

Таблица 19.

Все респонденты	Возраст			
Место, где прошло детство	Моложе 30	30-59	Старше 60	
В Эстонии	2	8	18	28
Отчасти в Эстонии	5	17	17	39
За пределами Эстонии	4	10	19	33
	11	35	54	N=100

Таблица 20.

Все респонденты	возраст						
Длительность проживания в Ленинграде-Петербурге	Моложе 20	21-29	30-39	40-49	50-59	Старше 60	
не ответили	3	3	6	4	5	9	30
До 5 лет	2	-	2	-	-	-	4
6-10 лет	-	-	-	-	-	-	-
11-15 лет	-	1	-	-	-	1	2
16-25 лет	2	-	-	4	2	2	10
26-40 лет	-	-	1	3	3	6	13
Свыше 40 лет	-	-	-	1	4	36	41
	7	4	9	12	14	54	100

Таблица 21.

Все респонденты	возраст			
	Младше 30	30-59	Старше 60	
Ездили ли Вы в Эстонию в течение последних 5 лет?				
Да, часто, иногда по несколько раз в год	5	11	18	34
Несколько раз, почти раз в год	1	9	13	23
1-2 раза в течение 5 лет	3	13	10	26
Не ездил(а)	2	2	13	17
	11	35	54	N=100

Приложение 5. Вопросы для интервью

1. Скажите, прежде всего, кто Вы?

Если интервьюируемый не называет свой национальности, тогда...

2. Кто Вы по национальности?

3. Уточните, пожалуйста, что для Вас значит быть эстонцем? Что делает Вас эстонцем (эстонкой)?

4. Кто из Ваших родителей или предков - эстонцы? Чувствуете ли Вы свое отличие по сравнению с ними? В чем это выражается? Что схожего? Что отличного?

5. Какая культура Вам наиболее близка? Передалась ли Вам от родителей или предков эстонская культура? Посредством чего?

6. Если говорить о Вашем детстве, то что, прежде всего, вспоминается из окружавшей Вас эстонской культуры, быта, стиля жизни?

7. Что из перечисленного сохранилось в сегодняшней жизни?

8. Чувствуете ли Вы отличие от эстонцев, живущих в Эстонии?

9. Что значит быть эстонцем, живущим в Петербурге?

10. Ощущаете ли Вы себя «петербургским эстонцем»? Почему? Есть ли некие особенности?

11. Есть ли, на Ваш взгляд, разница между современными петербургскими эстонцами - родившимися в Эстонии и родившимися уже в Ленинграде?

12. Чувствуете ли Вы свое отличие от остальных горожан?

13. По Вашему мнению, эстонцем надо родиться или можно «стать», вырасти, быть воспитанным?

14. Насколько важна для Вас этнокультурная принадлежность?

15. Как часто Вы говорите другим о своей этнокультурной принадлежности? В какой ситуации и кому?

16. Какая реакция следует, когда Вы говорите о своей этнической принадлежности? Какое отношение Вы тогда к себе ощущаете?

17. Приходилось ли Вам скрывать когда-либо свою этническую принадлежность? Когда и в каких ситуациях?

18. Где Вы родились (в Эстонии, Ленинграде или иное)? Где прошло Ваше детство?

19. Где Вы получили образование? Почему Вы выбрали именно данную сферу?

20. Как долго Вы живете в Петербурге? С чем был связан Ваш переезд и почему Вы решили здесь остаться?
21. Есть ли у Вас знакомые со схожей судьбой? Поддерживаете ли Вы связь?
22. Кем Вы сейчас являетесь? Чем занимаетесь – работаете, учитесь?
23. Владаете ли Вы эстонским языком? Это Ваш родной язык или Вы его где-то изучали?
24. Какой язык был домашним в детстве (эстонский или русский)? С кем Вы общались в детстве по-эстонски?
25. Были ли у Вас дома в детстве книги и периодическая литература на эстонском языке? На русском языке? Чего было больше?
26. Были ли у Вас дома в детстве радио- и телевидение на эстонском языке? На русском языке?
27. Принадлежите ли Вы к какому-либо вероисповеданию? Посещаете ли богослужения? Как давно?
28. Какого праздничного календаря Вы придерживаетесь (православного, лютеранского)? Почему?
29. Есть ли у Вас национальная эстонская одежда, украшения? Носите ли Вы их? В каких случаях?
30. Есть ли в Вашем доме предметы эстонского быта?
31. Кто по национальности Ваш супруг (супруга)? Кем себя считают Ваши дети? Говорят ли они по-эстонски?
32. Если говорите по-эстонски, то когда и с кем?
33. Есть ли у Вас сейчас родственники или друзья в Эстонии? Как часто Вы с ними общаетесь?
34. Бываете ли Вы в Эстонии? Как часто?
35. Где Вы комфортнее себя чувствуете – в Петербурге или в Эстонии? Что Вы считаете своей родиной? Тянет ли Вас в Эстонию?
36. Интересуетесь ли Вы эстонской историей и культурой? Откуда черпаете информацию?
37. Интересно ли Вам то, что происходит в Эстонии сегодня? Считаете ли Вы себя информированным человеком о происходящем в Эстонии?
38. Если информация об Эстонии поступает, то откуда?

39. Есть ли сейчас у Вас возможность читать эстонскую прессу, слушать эстонские радиоканалы, смотреть эстонское телевидение? Если нет, то есть ли такое желание?
40. Пользуетесь ли Вы Интернетом? Насколько активно? Порталами на каких языках Вы пользуетесь?
41. Знакомы ли Вы с газетой „Peterburi Teataja”? Читаете каждый номер?
42. Нужно ли подобное издание петербургским эстонцам? Почему?
43. Участвуете ли Вы в жизни петербургских эстонцев? Насколько активно? Почему?
44. Благодаря чему петербургские эстонцы держатся вместе?
45. Какие недостатки и достоинства Вы можете отметить в деятельности петербургских эстонцев?
46. Насколько необходимо сохранять свою этническую принадлежность? За счет чего это возможно, по Вашему мнению?
47. Способствует ли этому газета «Peterburi Teataja»?